

ВАСИЛИЙ
КАМЕНСКИЙ

27

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ХОРТА
ДЖОЙС

РОМАН.

БИБЛИОТЕКА АВАНГАРДА

XXVII

Salamandra P.V.V.

**Василий
КАМЕНСКИЙ**

27
**ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ХОРТА ДЖОЙС**

Salamandra P.V.V.

Каменский В. В.

27 приключений Хорта Джойс. Сост., подг. текста и послесл. А. Шермана. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 207 с., илл. – (Библиотека авангарда, вып. XXVII).

В новом выпуске «Библиотеки авангарда» – первое переиздание романа поэта, прозаика, художника, авиатора, виднейшего участника футуристического движения В. В. Каменского «27 приключений Хорта Джойс» (1924). Опираясь на традиции авантюрной и научно-фантастической литературы, Каменский синтезирует в своем романе многочисленные сквозные темы собственно творчества, выдвигает представление о действенной, управляющей событиями «радио-мысли» и идеи, близкие к концепции ноосферы. Одновременно в романе властно звучат центральные для Каменского мотивы единения с природой, возрождения в смерти. Роман «27 приключений Хорта Джойс» – значительное, но несправедливо забытое и недооцененное произведение русского авангарда – теперь впервые за долгие десятилетия возвращается к читателю. К изданию приложен рассказ «Аэроплан и первая любовь» (1911), ставший для Каменского зловещим прозрением, экспериментальные и заумные стихотворения 1920-х гг. «Вавилон фонетики», «Пляска букв э-л-е-к-т-р», «Непрерывностью тока» и поэма «Цувамма», публикуемая по первому изданию 1920 г.

© Author, estate, 2017

© A. Sherman, состав, подг. текста, послесл., прим., 2017

© Salamandra P.V.V., оформление, 2017

27

ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ХОРТА ДЖОЙС

ВАСИЛИЙ
КАМЕНСКИЙ

27

ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ХОРТА
ДЖОЙС

РОМАН.

1. Его невзрачная биография.
2. Хорт поехал.
3. Без берегов.
4. Карьера растет.
5. Встреча с Рад Шуа.
6. Сыщик Джек Питч.
7. Обстоятельства, при которых...
8. В Мельбурн на аэроплане.
9. В Австралийских дебрях.

10. На соленом острове.
11. На высоте 8-ми тысяч метров.
12. Обед у Старта.
13. И раскрылись Чукки уста.
14. Разговор моторной лодки.
15. Глаза осени.
16. Встреча с бурой медведицей.
17. Занесенные снегом.
18. На тяге.

19. Наоми писала...
20. Перед смертью уходит зверь.
21. Ураган в лесу.
22. Чукка видит...
23. С минуты на минуту.
24. Наоми в царстве снегов.
25. У костра весенней ночи.
26. Лето прощальное.
27. Смерть Хорта.

Иллюстрация А. Александровича

М
МОСКВА

А

К
1924

И
ПЕТРОГРАД 3"

Нашей охотничьей Каменке —
посвящаю.

В. К.

1. ЕГО НЕВЗРАЧНАЯ БИОГРАФИЯ.

Хорт родился в уездном, северном, заброшенном городе.

Родился на вонючей болотной окраине, где жили его бедные родители.

Отец 29 лет служил конторщиком на железной дороге.

Болезненная мать несколько раз рожала детей, и все они через год-два умирали от дизентерии.

Случайно в живых остался последний — Хорт, рыжий и плаксивый.

Отец, скромный, забитый и бездарный скончался от туберкулеза легких.

Мальчику тогда было пять лет.

Мать получала жалкую пенсию и, чтобы не замереть с голоду, стирала белье с починкой.

И после каждой стирки болела, стонала, жаловалась на судьбу, плакала, ходила в церковь и на кладбище.

Хорт рос, как репей в огороде.

Заметно и ненужно.

Все овощи, а он — репей.

Все чинно и спокойно кругом жили в своих домах — так казалось — все были довольны своими углами.

Тюлевые занавесочки украшали голубые оконца и герань на подоконниках.

Хорт начал ходить в школу.

Все овощи, а он — репей.

И в школе он увидел, узнал, почувствовал, что он сын больной прачки.

Что он всегда голодный и обиженный.

— Рыжий сопляк! Рыжий сопляк!

Кричали обыкновенно ему школьники, засовывая пальцы в драные места рубахи или штанов.

Хорт терпел, учился, ревел, дрался, мстил, бегал, пускал змейки, голодал и помогал матери развешивать сырое белье.

Это продолжалось до 11 лет.

Хорт кончил ненавистную школу и решил попробовать зарабатывать, чтобы как-нибудь остаться в живых.

Мать попросила железнодорожное начальство во имя памяти труженика мужа дать место сыну.

Хорт стал рассыльным в канцелярии железной дороги и был обязан топить печи.

И был обязан чистить служебную уборную.

Жизнь потекла в сплошном унижении.

Чистка грязной уборной выедала глаза Хорту и дни его юности были загаженными...

Каждый входивший в служебную уборную был его палачом, отсекавшим невинную голову.

За что, за что?

А мать стирала белье, болела, жаловалась на судьбу и ходила на кладбище.

До 13 лет Хорт служил рассыльным, а потом ему улыбнулось счастье: его освободили от чистки уборной и начали приучать несчастного парня кое-что переписывать в канцелярии.

Но руки ему никто не подавал, так как его прошлое пахло не совсем-то привлекательно.

И вообще с ним никто не дружил, никто не разговаривал.

Только жалости ради учили Хорта как-нибудь усвоить канцелярскую работу, чтобы впоследствии выйти и стать человеком с положением.

И вот — наконец — пятнадцати лет Хорт Джойс был зачислен конторщиком бухгалтерии железной дороги.

На один момент Хорту и его матери показалось, что судьба не так уж несправедлива и жестока, что в будущем может быть ждет их удача.

Может быть...

Даже успех, даже благополучие!

Ах, если бы это так случилось: ведь они нечеловечески нестерпимо страдали, изнывали в борьбе за жизнь, унижались, жаловались на судьбу, нищенствовали, болели, молились, ходили на кладбище, мыли белье, голодали, мерзли,

терпели, ждали, надеялись...

И вот Хорт Джойс отныне — конторщик бухгалтерии железной дороги.

Он рано встает от сна, он рано пьет кирпичный чай с черным хлебом и солью, он сосредоточен, он более, чем исправно, первый среди служащих приходит на службу.

Он, как взрослый, сшил себе черную тужурку с обкороченными рукавами и работает молча, упорно, без передышки.

Уходит со службы последним.

И за все это получает столько, сколько хватает прожить неделю или 10 дней; а остальные двадцать — голод, с куска на кусок.

А там опять — получка.

Снова десять дней возрождения.

И опять двадцать дней беспросветной нужды.

Однако ему начали, хотя и брезгливо, подавать руку и даже разговаривать.

Так изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год.

Хорту исполнилось 18 лет.

За эти три года исправной службы он получил такую прибавку, что голодал теперь не двадцать дней в месяц, а 15 или 12.

Однажды в праздничный день, когда мать вернулась от обедни с кладбищенской церкви, она за чаем сказала:

— Слушай, Хорт. Я больна и стара — ты видишь. Я не могу больше работать и не хочу камнем висеть у тебя на шее. Разрешите мне руки на себя наложить... Я уйду, я так устала, измучилась. Там, на могиле отца твоего, прикончу с собой... Отпусти старуху, отпусти... Зачем я тебе? Ты как-нибудь пробьешься, вылезешь, выйдешь, а я — камень на шее твоей... Отпусти. Я мешаю, я в тягость тебе. Разрешите, освободи, сын, сынок мой, сыночек. Ну...

От боли и ужаса стиснул зубы Хорт, проскрипел челюстями, сдавил горловыми мышцами глотку, сжал в комок свое сердце, остановил слезы, чтобы градом не брызнули, дышать перестал, замер, застыл, заледенел.

И долго оставался так, долго: все никак понять не мог, что случилось такое и зачем жизнь вдруг сразу страшной стала, убийственной стала.

Зачем мать решила руки на себя наложить и отпустить просит...

В ушах зачем такой тихий звон:

— Сын, сынок мой, сыночек...

Потом мать с сыном до вечера рыдали и потом неделю молча смотрели друг на друга, пока — наконец — мать не придумала такой исход:

— Слушай, Хорт. Если не отпускаешь ты меня к отцу твоему, сделай так: подыщу я тебе в помощницы невесту, девушку такую, чтобы белье могла стирать, чтобы нужду нашу разделила. Я подыщу.

Хорт — что делать — согласился.

И через месяц (как раз к получке) Хорт женился на бедной девушке Эдди, которая на третий день свадьбы уже мыла чье-то грязное белье за гроши, чтобы к периоду безденежья получить что-нибудь.

Через год у Эдди родился мальчик Умб, и еще через год родилась девочка Чукка.

Две жалких прибавки жалованья за эти годы не смогли поддержать двух маленьких существ Умба и Чукку, и острая злая нужда, как всегда, стояла железным коленом на груди Хорта.

Как всегда, готовая каждую минуту раздавить ничтожное сопротивление.

Попрежнему однако Хорт, как мог изворачивался в лапах нищеты и по-прежнему — месяц за месяцем, год за годом он исправно ходил на свою службу и с величайшим терпением нес свой крест.

Эдди помогала ему.

И только мать Хорта, только вообще мать, замученная сознанием, что она камнем висит на шее, решила уйти без разрешения: в один из вечеров она не вернулась с кладбища, отравившись там, на могиле мужа.

Через 5 лет, от переутомления, разорвалось неожиданно сердце Эдди и бедные дети Умб и Чукка остались без

матери.

Хорт обезумел от горя, высох от нужды, согнулся от работы.

Хорт зачерствел, как старый ржаной хлеб.

Хорт повесил голову.

Через год его сын Умб, купаясь где-то, в лесном озере, утонул.

Хорт шесть дней розыскивал по озерам и речкам Умба и наконец отыскал его в болотном лесу, сам вытащил его со дна озера и, вытащив, целый час целовал зеленого, слизкого сына, с разбухшим животом, целовал и медведем ревел в лесу.

Небу и деревьям показывал Умба.

А потом по городу нес его зеленого на вытянутых руках, нес и тихо ревел.

Все охали и шарахались.

Чукка вымыла братца чистой ключевой водой и травой с цветочками обложила утопленника.

В руки ему записочку вложила с печатными буквами:

Прощай бедный Умб.

После похорон Чукка часто бегала из школы на кладбище, — это было ранней осенью.

Хорт ходил на службу и молчал.

А весной в город наехали цыгане, ходили по дворам ворожить.

Хорт, вернувшись раз со службы, не нашел дома Чукки и напрасно прождал се у ворот до самой ночи.

Куда могла деться Чукка?

Ночью, как только зажглись огни, Хорт, обезумевший от лезвия охватившего ужаса, ошалевший от суживающейся петли злого предчувствия, кинулся бежать по дворам, по соседним квартирам, по сараям и чердакам, всюду, по улицам с тяжелым шопотом:

— Чукка где? Где моя Чукка? Чукки нет дома... Где моя дочка? А?...

Но никому не было дела до Чукки и многие полусонно говорили:

— Придет завтра, иди спать.

Всю ночь Хорт искал Чукку и не нашел.

Чукка не пришла.

В участке сказали:

— Наверно похитили цыгане; хорошенькая девочка была Чукка — вот и похитили.

Впервые в жизни Хорт взял отпуск на 5 дней и бросился за цыганами вдогонку.

И узнал Хорт, что цыгане раз'ехались по разным дорогам и бросился напропалую.

Через 3 дня на тракту у речки, он встретил табор цыган, но Чукки там не было и ничего цыгане не могли сказать — где Чукка, и где другие цыгане, и где правда.

Сунулся Хорт в другие места и вернулся домой без Чукки.

Отпуск кончился — Хорт Джойс вернулся на службу и осиротевшими впадинами глаз впился в казенные, холодные цифры.

И сквозь ледяной туман бухгалтерии, сквозь бесконечную мглу тусклых дней, без просветов и радостей, он видел только большие сизо-черные глаза Чукки, — два навозных жука, два зорких смысла, две угасшие надежды, две упавшие звезды.

Каждый раз, уходя после занятий, Хорт выбирал какую-нибудь новую дорогу по окраинам города и до ночи, до огней, искал свою дочь, шепча запекшимися губами:

— Где моя Чукка? Где ты? Чукка, дочка моя, где ты?

Но Чукки не было нигде.

Безответная пустота давила грудь.

Сгорбленный, сжатый, стиснутый, он медленно возвращался домой.

Через месяц Хорту сообщили, что в 10 верстах от города, в лесу найден труп.

Хорт бросился туда, ему указали разложившийся труп, и не мог он понять, Чукка это или нет.

Через полгода Хорт запил.

Пил он тихо, упорно, настойчиво, будто делал глубоко задуманное дело, пил медленно, неизменно один, пил молча.

И попрежнему исправно ходил на службу.

Прожитые тяжкие годы, как змеи, таились в черных расщелинах прошлого.

Годы и гады.

Выползали новые годы, ворочались, извивались, шипели и гадами уползали в сырой мрак.

Что впереди?...

Получив наследственный туберкулез от отца, он начал кашлять, а вино ухудшало его здоровье.

Что впереди?...

Хорт об этом никогда не думал: он просто ждал собачьей смерти.

Собачьей смерти в канаве.

В канаве он видел место свое.

— Крышка! Довольно! Издохнуть хочу!

Кричал себе в пустую душу пьяный Хорт, добираясь домой.

А утром шел на службу.

Годы и гады ползли, ползли, ползли.

Так продолжалась его жизнь до 40 лет, до 40 мертвых зим.

До сорока могил.

Сорокалетний Хорт решил наконец в день своего рождения, как следует напиться в кабаке, дотянуться до кладбища и там повеситься.

Хорт так решил.

Первый раз в жизни он с утра самовольно не пошел на службу, а пошел в кабак, чтобы к вечеру расчитаться с собачьей жизнью.

Веревку в карман спрятал.

Пошел в кабак.

Напился.

Сам себя молча с именинами поздравлял, скрежетал челюстями, кашлял, харкал, стонал вздыхая, ждал вечера, томился, пил, смотрел в стакан.

И в гранях толстого стакана видел последние проблески уходящего на веки дня.

Чорт с ним — с днём!

Пил и нащупывал веревку. Думал:

— Ну, чорт с ним, с этим днем. Крышка. Могила. Гвоздями забьют. Снимут с дерева, скажут: пьяный с горя — это Хорт Джойс, конторщик с железной дороги. Со святыми упокой: он был прав, что повесился. Что оставалось больше делать? Ни-че-го! Жизнь доканала, допекла. Вот. Лежи. Спи в прахе. Рядом мать, отец, Эдди и Умб. А где дочка Чукка? Неизвестно. У Чукки глаза — два навозных жука...

Вспомнив о Чукке, он молча стиснул граненый стакан и выпил до дна.

Закашлялся, харкнул.

Думал дальше:

— Итого. Всего. Кредит. Дебет. Остаток. Перенос. Баланс. Жизнь — вонь служебной уборной. Прошное — кладбище, будущее кладбище, настоящее — кабак. Впереди — веревка, могила, черви, земля. Поздравляю вас со днем рождения, Хорт Джойс, незабвенный труженик. Спи, успокойся. Ты устроил себе долгий отпуск. Спи.

В этот момент в кабак вошла цыганка и прямо к Хорту:

— Хочешь погадаю? Дай руку, дай, дай. Я скажу, о чем задумался: ой, ой, плохое дело, задумал ты, все вижу, всю судьбу вижу, все горе насквозь вижу.

Не помня себя, Хорт выхватил из кармана веревку, накинул на цыганку и начал душить, хрипеть:

— Где Чукка моя, где дочка моя... Это ты, может ты, стерва...

Цыганку выручили, Хорта успокоили.

Пришел вечер.

Хорт выпил последний стакан, выпил стоя, твердо.

Еще раз нащупал веревку и пошел, зашатался, толкаясь о заборы, пошел к кладбищу.

У самых кладбищенских ворот встретил другую цыганку.

Та опять пристала:

— Дай погадаю. Скажу судьбу, скажу, зачем сюда идешь. Все знаю, задумал ты погубить себя, а напрасно, — счастье у тебя впереди, ой, большое счастье. Все, все найдешь, что потерял, все... Вижу.

— Молчи, стерва.

— Ой большое счастье, ой богатый будешь.

— Где Чукка, дочка моя, убийцы!..

— Знаю, что найдешь...

— Где дочка моя?

— Жива...

— Где, говори, где?

— Дай, положи на счастье. Скажу все. Знаю.

Хорт вытащил из кармана последние деньги и бросил цыганке.

— Нна! жри.

— Знаю. Дочка довела до могилы, дочка жива, дочка ждет тебя. Вижу дочку твою, как тебя. Жива она, золото твое.

— А какие глаза у дочки моей?

— Вижу не черные бриллианты, а глаза твоей дочки. Садись, да поезжай к ней...

— Куда?

— А с утра куда облака пойдут, за ними и поезжай. День, два, три поедешь, неделю поедешь, месяц поедешь, и еще поедешь и найдешь. Она — дочка твоя — найдет тебя. И будешь ты 10 лет, ой, счастливо, ой, богато жить. Все завидовать тебе будут. А через 10 лет, в этот день, в этот час умрешь, запомни, запиши этот день. Так будет.

— Я сегодня сдохну! Молчи...

— Ой, нет. Десять лет из минуты в минуту доживать ты будешь, и все горе твое — в счастье золотом перелется. Спасибо не раз цыганке скажешь, и дочка твоя спасибо скажет. Богатство, слава, большие дороги у тебя впереди, большие дела, большой успех будет, большая любовь будет...

— Пойдем в кабак.

— Пойдем.

И там, в кабаке, цыганка Заяра, рассказала Хорту:

— Далеко в заморских краях, среди изумрудного моря стоял один остров: жили там только дикие эфиопские люди. Жили и не знали, что, кроме этого, эфиопского острова есть богатые, славные страны, как Америка, Европа, Турция и знатные города. Так жили, умирали они — эти дикари и не думали, что кроме эфиопов живут разные великолепные, богатые, умные и удивительные люди. А жили они, как чистые звери, с кольцами в ноздрях, черные, волосатые и жрали друг друга и дохли, кто где попало. Случилось раз так, что после кораблекрушения на обломках принесло море эфиопам белого человека. Дикари решили сожрать его и костер развели, а белый сказал: с'ешьте меня, потом, через неделю, а прежде дайте вам башню устроить, чтобы с высоты увидеть все другие острова, всех других людей, и все палаты и все дворцы. Эфиопы послушались белого. И через месяц с башни увидели разные чудеса: и Америку, и Европу, и Турцию, и знатные города. И построили корабль и поехали путешествовать, а белого капитаном сделали, своим вождем об'явили. С тех пор эфиопы самые счастливые люди, потому что, счастье, само счастье пристало к их острову. Море послало это счастье — богатую и щедрую судьбу. И все завидуют эфиопам. Чистые красавицы, настоящие красавцы живут там, как в раю. И деньги большие есть у них, и веселая жизнь гуляет. Потому что — говорю — счастье, само счастье пристало к их берегам. И не думали — не гадали эфиопы так богато жить, а вот поди — живут расчудесно, и Америка в гости к ним приезжает. И твоя дочка Чукка, наверно, там благоденствует. Понял, али нет, что такое счастье, о чем говорю я тебе — Заяра. Понял?

Хорт, затуманенный, вз'ерошенный, спившийся Хорт захрипел.

— Ты, что ли, счастье мое?

— Дурак! Не я, а — дочка, Чукка твоя — счастье твое.

— А ты кто?

— Я — случай, судьба. Понял?

— Где же, где Чукка моя, счастье мое?

— Жива она, здорова и ждет тебя, на облака смотрит. Ты утречком и поезжай. Спасибо скажешь Заяре. Понял?

Заревел спяну, с горя, с тоски, застонал Хорт:

— Что делать мне, окаянному? Что? Собака я, и в канаве издохнуть хочу... Будь ты проклята, жизнь моя... Змеи кругом, гады слизкие, убийцы, бухгалтерия...

— Я тебе правду говорю, слушай, дело говорю, — поезжай. Ждет она...

— Сгину я. Крышка, могила.

— 10 лет, 10 золотых лет проживешь.

— Пропаду. Удавлюсь.

— Ой, нет. Если не удавился вчера с горя, то завтра от счастья не удавишься.

— От какого счастья, где оно?

— Вот завтра и увидишь. Жизнь тебе малиной будет. Вижу я, вижу. Ой, счастье плывет к твоим берегам. По руке вижу, по глазам вижу, по сердцу слышу. Красивый будешь, здоровый, богатый, знатный будешь.

— Нет, не буду. Обман. В могиле лежать буду.

— Эфиопом прожил, дня ты счастливого раза не видел, только — горе да горюшко, пил, до веревочки дожил, а завтра с утра праздник начнется и 10 лет не кончится...

В кабацком дурмане пьяных чувств и пестрых цыганских слов, среди посудного шума и нащупывания веревки, замызганный, изничтоженный, на веки оскорбленный, Хорт первый раз в жизни за 40 лет каторжных тяжких будней услышал легенду о каком-то эфиопском острове — так похожем на его черное прошлое — и первый раз в жизни встал из-за стола и сказал речь:

— Я — конторщик бухгалтерии железной дороги Хорт Джойс, самый несчастный бедняк на свете, заявляю всем, что я сошел с ума и в день своего рождения пью стакан за новую жизнь. Истинно: за новую жизнь с утра. Что я? Или в самом деле собака, пропадающий пес? Что я, а? Дайте ответ: где мое счастье? Где дочка, Чукка моя, где этот остров? Я найду его и я увижу Чукку. Я проживу 10 лет вели-

коленно! Каждый день буду Чукке дарить подарки и буду пить шикарное вино. Гости приедут ко мне из Америки, и я — Хорт Джойс в модном новом костюме выйду их встречать. Все это будет совсем, как в кино, и я докажу свою натуру. Х-ха-ха. Хорт Джойс ничего не говорит зря!

Хорт выпил залпом и стукнул стаканом, будто поставил печать.

Цыганка вскочила на табуретку и запела:

Глаза мои, ой, были
Черными бриллиантами,
А теперь разбитое стекло.
Кровь мою
Малиновыми бантами
На груди любовью запекло.
Шалма, ох, амая,
Заяра, аймава,
Пропадай, цыганская
Шальная голова!
Эх-ма, ма...

Хорт подарил веревку Заяре.

2. ХОРТ ПОЕХАЛ.

На завтра исправно Хорт явился на службу, но от пьянства, слабости, и бессонной ночи не мог писать — так тряслись руки.

— Тем лучше, — пробормотал он и, ухмыляясь, сделал вид, что идет в уборную, а сам отправился на вокзал, поглядывая на облака.

На вокзале Хорт увидел готовый к отправке товарный состав.

Облака приблизительно плыли в сторону, куда смотрел паровоз.

— Дело! — крикнул Хорт, подошел к машинисту, молча пожал знакомую волосатую руку, которую также жал раньше, встречаясь в кабаках, сказал:

— Еду за дочерью, за Чуккой, довези меня вплоть до смены; — там посмотрим.

— Лезь, — ответит машинист.

Хорт полез на паровоз.

Поезд тронулся.

И через несколько минут, через полчаса, Хорт, жуя соленый огурец, поднесенный машинистом, разглядывал лесную панораму, указывая огурцом на убегающих зайцев с полотна.

Встречные раз'езды, полустанки и станции шире и ярче открывали глаза Хорту, глаза, которые не видели ничего, кроме горя, слезящиеся глаза, которые не знали улыбки за все 40 лет убийственной несчастной жизни.

И вдруг...

Волнующее очарование могущества машины, руководимой человеком, созданной человеком.

И вдруг... .

Быстрое, стремительное, плавное движение в бесконечную даль, мимо лесов, гор, деревень, заводов, станций, лугов, полей.

Все вперед и дальше.

Где-то там — сзади оставшаяся болотная окраина, служба, бухгалтерия, кабаки, кладбище, служебная уборная.

Чорт знает!

Хорт посматривал на облака и думал:

— Кати, Хорт, кати. Час твой настал, сроки приблизились. Облака указывают путь. Небо высоко, земля широка, жизнь — всяческая, и надо с толком все это проверить. Да! А вы, облака, вы ведете меня за руку, как ребенка малого, вы, облака научите меня ни на минуту не останавливаться на месте, чтобы все увидеть, все узнать, все пройти, всему научиться. Если за 40 лет не сумел я — собака — лучше петли ничего придумать, так может за 10 лет, или сколько придется, я наквитаю потерянное, нажму на последнее, развернусь во все крылья, обследую, промеряю, обдумаю, попробую. Да! И скажу свое слово. А Хорт Джойс ничего не говорит зря.

К вечеру поезд дошел до смены паровоза.

С помощью знакомого машиниста Хорт устроился на сменный паровоз и поехал дальше.

Поздно ночью, когда и этот паровоз дошел до деповской станции, Хорта согласилась взять к себе кондукторская бригада, и он залег спать в теплушке.

Однако у него не было с собой постели и ему пришлось под голову положить свою худую руку.

Только потом, когда захрапел Хорт, кто-то из кондукторов положил ему под голову брезентовый плащ.

И увидел Хорт золотой сон.

Будто не в товарном поезде едет он, а — сидит важно на шикарном автомобиле, и рядом с ним Чукка — красавица Чукка. Будто едут они не по лесам и полям, а — по улицам громадного солнечного города. Мимо блестящих магазинов, ресторанов, дворцов, садов, мимо шумной тротуарной толпы. И многие ему — Хорту Джойс почтительно кланяются. А потом — корабль. И на корабле, музыка, бал, игры, песни. Но всех замечательнее на корабле — это Чукка и ее отец — Хорт Джойс. Будто над головами, на мачтах, изумительные нарядные птицы сидят и шурются от ослепительного солнца, тихо посвистывая, тихо поглядывая на Чукку

и Хорта. Будто весь корабль во власти Хорта и едет на остров к дикарям, к прекрасным эфиопам, у которых давно гостит Америка и все ждут только Хорта с дочерью. Ждут, чтобы начать строить хрустальную, высоченную башню. И вдруг на корабле появляются цыгане, много цыган, и все окружают Чукку, оттесняя Хорта...

Хорт проснулся с отчаянным криком:

— Не дам, не дам, не дам!

Около него кондуктора пили утренний чай.

Поезд стоял на большой станции среди густого скопления составов.

Хорта напоили чаем, спросили:

— Ну, что же дальше?

Хорт ответил:

— Пока не выгонят — поеду дальше, а выгонят — пойду пешком. Я найду свою дочь, я приближаюсь к ней. Сделайте милость...

Кондуктора загалдели в стаканы:

— Валяй.

— Езжай.

— Нам что.

— Знай колеси до небеси.

— Может еще поверстные получишь.

— Езжай и никаких.

У Хорта неожиданно полились в чайный стакан слезы от радости, что его не гонят, что даже шутят с ним: значит не даром он честно прослужил 30 лет на железной дороге, рассчитывая на внимание, повышение и прибавку.

Главное, значит не даром поверил ни с того, ни с сего в какую-то высшую фантастическую справедливость на свете, справедливость —

счастье для каждого,
счастье для всякого,
счастье, хоть на минуточку,
для пса...

Значит — теплая, ласковая, материнская рука судьбы с ним, и он — Хорт Джойс отныне лишен права в этом сомневаться.

— Ого, чорт возьми! крикнул внезапно Хорт, когда один кондуктор налил ему стакан вина, а другой подарил ему фунт колбасы.

— Чем-то я буду расплачиваться за ваше угощение? — добавил Хорт.

— Вот как получишь поверстные, приходи к нам с бутылками!

— Ха-ха, ха. Вот именно.

— Когда расжиреешь!

— А я должен расжиреть, друзья, честное слово должен! — уверял Хорт — иначе зачем бы я поехал за облаками, иначе зачем бы служил собачьей верностью 30 лет. Слушайте, друзья мои, ангелы, только один раз я был случайно в кино и видел там, как живут богатые, знатные, красивые люди, и не поверил — дурак — что это есть в самом деле — такая шикарная жизнь. А теперь верю! Вот — смотрите — вот звезда зажглась надо мной. Это моя звезда. Судьба зажгла ее. Я вижу, чувствую, понимаю. Простите меня, дело не в том, что я выпил за ваше здоровье вино, и может быть, говорю лишнее. Но я говорю от сердца, от крови, от благодарности. Дайте только мне еще проехать подальше, и я докажу свою правду, я спою свою песню. Чукка будет со мной и может быть — не смейтесь, ангелы, — Чукка будет сидеть со мной в автомобиле... Эх, сон я такой волшебный видел — Чукка со мной, красавица дочь моя.

Слезившиеся глаза Хорта светло заслезились, вздохнул он крепко, горячо и замолчал, затих, затуманился.

Поезд тронулся дальше.

Снова покатались колеса, снова двинулась панорама, открывая на каждом шагу новые, невиданные картины.

И чем дальше — тем радостнее — тем ярче.

Не было границ удивлению Хорта, не было берегов изумлению, не хватало никаких сил благодарно запомнить все, что так величественно шло ему навстречу, увлекая его

на грядущие горизонты.

Так станция за станцией, узел за узлом, день за днем, ночь за ночью, с поезда на поезд перебирался Хорт к южному морю, чтобы там яснее, шире увидеть, куда и зачем плывут корабли, где живет счастье, где остановит судьба...

И вот — наконец — Хорт добрался до морской грандиозной гавани.

Было это утром рано.

Хорт почти бегом побежал с вокзала к кораблям и, не добежав, вдруг увидел безбрежную сияющую ширь моря, из которого только что взошло солнце.

Хорт застыл в чуде, перестал дышать, схватился за сердце, обомлел, ошалел.

О, конечно, он достаточно много слышал описаний моря и всякие видал в журналах и открытках виды, но то, что он видел сейчас своими глазами — это все было — волшебным открытием: это все близко касалось его существа, это все говорило с ним языком живой сказки, это все давало ему целое царство разрешений и — главное — окончательно освобождало его от прошлого, от рабства, от горя, от суеты.

Только теперь первый раз в жизни улыбнулся так настоящему, что треснули сухие, запекшиеся губы, и показалась кровь на устах.

Хорт выпрямился, вдохнул полной грудью морской ветер и понял свое исцеление, дыхание жизненной судьбы.

Бодрый и трепетный, он зашагал в гавань, к кораблям, и руками потрогал первый пароход у пристани.

Качание леса мачт и снастей, свистки, громыхающие лебедки, цепи, крики, чайки, паруса, матросы, рабочие, товары, погрузка — все это радостно-детски взволновало Хорта.

Он не знал, куда кинуться, что смотреть, с чего начать.

Он даже сразу поверил, что именно здесь, в гавани, найдет себе какое-либо дело, которое посадило бы его на корабль и отвезло в заморские края.

Подумал:

— Гори, звезда, гори! Я жду.

3. БЕЗ БЕРЕГОВ.

Третий день не было видно берегов.

— И не надо, — повторял про себя Хорт.

Третий день кругом сияло солнце, слегка лениво зыбилось море, высоко голубилось небо, а по ночам низко висели наливные, сочные звезды.

Из кают-компания звучально разливалась музыка на фоне глухого машинного гула.

Царило спокойствие, похожее на вечность.

Пассажиры и команда в белых одеждах еле двигались, еле говорили, еле жевались.

Хорт, упоенный тихой гордостью, торжествовал, ухмылялся, наблюдал, размышлял.

Он был теперь одет в светло-серый, клетчатый, чуть подержанный, но вполне европейский костюм.

И даже курил английскую трубку.

То и другое он получил в подарок от своего хозяина, табачного коммерсанта, ехавшего в первом классе на том же корабле.

Изредка Хорт, как и все пассажиры 3-го класса, поглядывал на то палубное возвышение, где заманчиво-картинно красовались шикарные люди 1-го класса, важные, особенные люди, к услугам которых было все, без отказа, от малого до великого, от невозможного до возможного.

— Что это за владыки? — соображал Хорт, — почему это именно они — владыки: вероятно у них — великие, ученые головы, вероятно это они выдумали самые замечательные вещи на свете...

Особенно занимала Хорта мысль: откуда черпают эти люди такое множество денег?

— Верой и правдой прослужив на железной дороге 30 лет, я не очень-то начерпал денег, — ухмылялся Хорт, — а вот теперь попробуем черпануть с другого конца, попробуем... Пустяки, если я не начинаю что-то соображать...

А соображать ему, действительно, было о чем.

Хозяин Хорта, крупнейший табачный фабрикант, сам рассказывал ему, как он жестоко нуждался в молодости, пока наконец случай не представил ему достать небольшой капитал, на который он развернул свое табачное дело.

Теперь 30.000 пуд. листового табаку высшего качества вез с собой на корабле его хозяин, а Хорт был нанят в качестве надсмотрщика за погрузкой и выгрузкой.

Это была достаточно ответственная должность, требующая исключительного внимания к работе.

Дело в том, что, ради экономии, табачный груз был упакован не в ящиках, а в полотнянных прессованных тюках, и надо было следить за ходом погрузки, перегрузки, доставки, чтобы сократить законную утерю веса и законный процент брака.

Никакой специальности тут не требовалось.

Хорт знал точную цифру законного минуса брака своего груза, до места назначения, и по окончании доставки должен был получить 25% с плюса от выгоды сокращения утери веса.

При первой погрузке в гавани Хорт развил необычайную энергию предупредительности, осторожности, соображения, внимания.

Хозяин сразу оценил талант надсмотрщика и заключил с ним условие работать дальше.

Каким образом Хорт устроился надсмотрщиком и каким образом вообще он довольно гладко, проехал громадный путь с севера на юг, по различным железным дорогам, без копейки, — об этом надо сказать следующее.

Как известно, Хорт был худ и высок, как старая жердь, торчащая в лугах.

И то, что он был непомерно высок — играло в его теперешней жизни важную роль.

Сумма наблюдений над человеческим ростом утверждает, что люди, обладающие высоким ростом, обладают обаятельной способностью внушать всем окружающим какое-то особенное чувство доверия и даже почтение, и даже чувство неиз'яснимой симпатии.

Высокого человека (в отличие от человека маленького роста) всегда видеть просто приятно и приятно говорить с ним, приятно знать, что он занимает высокий пост.

Высокий человек всегда импонирует.

Высокий человек добр, солиден, значителен, широк, умен.

Высокий человек напоминает слона, любящего охранять детей.

Таким слоном выглядел Хорт.

А его — худощавость, большой нос, слезящиеся красноватые глаза, длинные руки и — отныне — неизменная внутренняя улыбка, — делала его обаятельным.

И в то же время моментами он был решителен и даже суров.

Моментами он был наивен, нелеп, неожиданен, смешон.

И всегда был, как море без берегов, обаятелен, чист, раздолен.

Теперь Хорт сам ценил свой высокий рост, потому что не раз слышал от важных людей, что его рост вызывает зависть.

Это ему льстило: ведь это было единственное его преимущество.

Преимущество, за которое везли его кондуктора, обычно обладающие небольшим ростом.

Преимущество, которое заметила маленькая дочь хозяина Наоми.

— Папа, смотри! — крикнула она в гавани, — смотри, какой превосходный высокий человек. Папа я хочу поговорить с ним...

Так Хорт стал табачным надсмотрщиком, а в день отхода корабля Наоми подарила ему костюм и трубку.

Наоми было 11 лет.

Других детей у хозяина не было, и, пользуясь своим правом единственной избалованной любимицы, это она настояла взять на службу Хорта, заставив отца выслушать рассказ о Чукке.

— Мы ее найдем, — тогда же решила Наоми.

И тогда же в гавани, в пяти газетах, было сделано об'явление:

Я, Хорт Джойс,
бывший конторщик бухгалтерии Крайне-Северной железной дороги, **розыскиваю**
свою дочь **Чукку,**
потерянную 10 лет назад.
Адрес: Гавань. Старт, 23.

Словом, — высокому человеку Хорту, когда ему осталось дожить 10 лет, приблизительно повезло настолько, что он, право, не решился бы теперь хоть в чем-либо упрекнуть свою расцветающую судьбу.

Он бодр, сыт, одет, с деньгами.

У него — подушка, плед, три пары белья, американские ботинки, пальто, табак.

Он — на великолепном корабле, с нумерованной койкой, с продовольствием.

К нему, сопровождаемая гувернанткой, иногда приходит на минуту Наоми, и говорит, протягивая коробку:

— Хорт, я принесла вам печенье к чаю, видите — я немножко думаю о вас. Мы найдем Чукку — не правда ли? Спокойной ночи, Хорт, завтра я опять приду.

— Непременно, буду ждать, — отвечает стыдливо Хорт, а потом через час догадывается, вспоминая о Наоми, что забыл поблагодарить за печенье, и ругает себя: — медведь, чистый медведь...

Однако в ближайшем будущем, Хорт рассчитывал, что быстро сумеет усвоить эти внешние деликатности, и — главное! — словесную находчивость.

К тому же он заметил, что у него яснее память, развивается наблюдательность, движется соображение, что он вообще преисполнен возрождением: а ведь прошло пустяки

— месяц.

Впереди еще ровно 119 месячных жизней.

Поэтому Хорт в душе считал себя не сорокалетним мужчиной, а девятилетним юношей, начавшим жить.

Все его прошлое, вместе с брошенной квартирой, было решительно вычеркнуто, вырвано из его памяти, как тяжкий, кошмарный, мучительный сон, а здесь — на корабле — ехал только юный Хорт, ровесник Наоми, делающий первые шаги, мечтающий о славном будущем.

Хорт отлично сознавал свое забавное, смешное, почти нелепое положение, но — что делать — это исключительное обстоятельство он считал временным, даже кратковременным.

Хорт упорно, верил в свой прогресс, верил в свою сияющую звезду, верил в судьбинную руку, ведущую его к счастью...

И может быть — к Чукке.

Ведь счастье — это и есть Чукка, ведь если бы ее не было в живых, разве он Хорт — сидел бы сейчас на корабле, разве все, что он проделал в этот месяц, было возможно без участия самой Чукки, призывающей его к себе?

О, никогда, нет, нет.

Его, новая, первая, неожиданная, настоящая жизнь — это истинный признак жизни Чукки.

Это по ее волшебным повелениям создается легендарная жизнь Хорта.

Чукка жива.

Потому что жив Хорт.

Это все он чувствовал, сознавал, понимал по всему совершающемуся...

И только не мог выразить это или об'яснить.

Пока...

Впрочем, кому и что он — по существу совершенно одинокий и ненужный — может открыть свои мысли, свои проекты.

Никому...

Поэтому Хорт был молчалив и всячески избегал пустых разговоров с пассажирами, предпочитая наблюдать и учиться

ся.

Ведь кругом благоухала весна, и оттого на корабле так было все торжественно, пышно, богато, важно.

Будто все ехали на свадьбу.

Всюду цветы, духи, белые платья и музыка дополняли праздничное воображение.

Хорт смотрел на тихое море и тихо, но глубинно думал:

— Без берегов, как я...

4. КАРЬЕРА РАСТЕТ.

Всякое коммерческое дело, особенно крупное, как известно идет своим шаблонным, традиционным порядком, разрастаясь за счет выдержки, времени и удачной конкуренции, удешевляющей цены широкого спроса.

И всякие новые мероприятия, видоизменяющие налаженный торговый аппарат, являются для дела, во всяком случае, рискованными.

Редкие из солидных фирм, застывшие в своей традиционности, вводят реформы, предоставляя такую «американскую» игру воле темперамента или тоскующему капиталу.

Однако все движется, все растет, все достаточно убедительно совершенствуется.

Хорт Джойс учел это обстоятельство сейчас же, как только был приглашен директором в фирму «Старт» — через восемь месяцев своей успешной работы, сделавшей ему имя в своих кругах.

Наблюдая и изучая движение, рост, значение и влияние авиации, вполне созревшей — по общему мнению — для коммерческой эксплуатации, Хорт сумел убедить и доказать фирме «Старт», что его авио-мероприятия в течение первого же года дадут фирме громадный плюс, если только удастся захватить в свои руки весь проектируемый южный аэротранспорт.

Хорт верно и точно исследовал центр экономического тяготения.

Он ничуть не был фантазером или игроком.

Напротив — долголетний опыт железнодорожной бухгалтерии, знание транспортной калькуляции, привычка иметь дело с цифрой, — сделали теперь, когда ему предоставили широкую самостоятельность, все его проекты превосходными.

Недаром же в коммерческих кругах сразу оценили его организаторские способности, и никто не думал удивлять-

ся его естественной карьере.

Правда, с запозданием на много лет, но — что делать так бывает...

Ведь даже мудрецы утверждают: всё — приходит слишком поздно.

Хорт об этом знал и думал:

— Но все-таки приходит, непременно приходит. Да, да. Пришло, вот...

Звезда горит.

Поэтому он спокоен, уверен, насыщен расчетами, проектами.

Поэтому и довольно равнодушно, почти холодно принимает дары судьбы.

— Так должно, так обязано быть. Это порядок вещей. Скверный порядок, но порядок... — утешал Хорт себя и себе подобных, особенно тех, кто еще не дожил до этого обязательного порядка.

Как в свое время до сорока лет, Хорт должным образом принимал все жестокие удары своей каторжной доли, все убийственные несчастья, все мерзости болотной жизни, так теперь он — директор «Старта», фирмы с двумя миллионами долларов основного капитала, он Хорт Джойс, затягиваясь сигарой в своем роскошном кабинете, также должным образом принимал радости своего восхождения на высоту неслыханной карьеры.

Так, в связи с проводимым им проектом южного аэротранспорта, имя Хорта Джойс всюду пестрело в газетах, а в журналах печатались его портреты и — наконец — появилась всюду его краткая биография.

Фирма «Старт» торжествовала.

Сам Старт, его жена Тайма и дочь Наоми без конца радовались за Хорта и так горячо любили его, что следили за каждым его шагом, за каждым часом жизни, за каждым движением, чтобы только Хорт не чувствовал себя одиноким и — главное — верил, что скоро найдет свою Чукку, и все будет гениально.

Хорт искренно дружил со Стартами и очень хотел найти Чукку, которой всецело был обязан своей изумительной

судьбой.

С успехом проводимая идея создания южного аэро-транспорта также принадлежала — по мнению Хорта — Чукке, так как, во-первых, аэропланы захватывали громадную территорию, где могла жить Чукка, а во-вторых, это была, пожалуй, единственная возможность нащупать следы во всех концах сразу и — самое важное — приблизить сроки встречи: ведь жизнь убывала с каждым днем, таяла с каждым месяцем.

Уже менее девяти лет оставалось дожить Хорту, а следов Чукки не было, не смотря ни на какие меры, поглотившие напрасно много средств, много светлых надежд.

Чукка только иногда снилась отцу.

Чукка только казалась.

Чукка только чувствовалась в крови.

Чукка только звала.

Но Чукка, была жива, жива!

И это «только» для Хорта было всем смыслом, всем разумом, всем существом, всем оправданием.

Хорт почему-то представлял себе ясно, что Чукка находится в плену у похитивших ее злодеев.

Что Чукка знает все об отце и ждет помощи.

Что злодеям также известно, кто такой теперь Хорт Джойс.

Злодеи рисовались Хорту непременно с черными сверкающими глазами на загорелых лицах.

Были ли это цыгане, или ковбои, или пираты — Хорт не знал, но ясно чувствовалось, что злодеи, владеющие Чуккой, именно такие.

И было совершенно ясно, что Чукка живет на территории южного пояса и где-то в 3-х, 4-х тысячах километрах.

Или чуть дальше.

О, Хорт об этом прекрасно знал!

Он горячо верил в свое собачье чутье, потому что всю жизнь считал себя собакой и умер бы собачьей смертью, если бы не Чукка...

Верней — если бы Чукка во-время не послала цыганку Заяру, чтобы та сказала о жизни Чукки и тем спасла Хорта.

Так вот мыслил Хорт и мыслил, как истинный бухгалтер, точно, реально, расчетливо, кропотливо суммируя.

Был ли Хорт мистик?

Ничуть, нет.

Особенно теперь. Смешно.

Разве директор «Старт», по общему прозвищу — «самый высокий директор», — мог быть мистиком, когда каждую секунду он брал в твердый счет все явления вокруг, внутри и около, так строго математически анализировал, что на этом анализе и строилось все коммерческое благополучие «Старта».

И весь талант Хорта заключался именно в его феноменальной организации учета, калькуляции.

А интуиция, чутье, наблюдательность были его несравненным плюсом.

Тем плюсом, который сам по себе уже является громадным достоинством.

До сих пор Хорт был похож на бездействующий, спящий вулкан.

И вот, вдруг этот забытый вулкан очнулся, открылся, задымился и с необычайной энергией начал действовать, извергая лаву.

Все, что давалось многим, как результат учения, навыка, исследования, постижения, дохождения — Хорту все это приходило само, без малейших затруднений.

Там же, где он хоть на секунду задумывался или впадал в неясность, или задавал вопросы, или нуждался в раз'яснениях, или — в знаниях — там со всех сторон к нему на помощь приходили нужные специалисты, мастера, знатоки, практики, дельцы.

У Хорта теперь было много денег, и он мог великолепно учиться, быстро постигать, совершенствоваться.

У него развилась изумительная память, обострилось глубокое наблюдение, появилась стремительная проницательность, расцвел вкус.

Он прекрасно стал разбираться в искусстве, особенно — в литературе.

Каждый новый прожитый месяц подымал его на новую ступень достижения.

И Хорт не уставал, напротив — он был гордо обвеян сияющей энергией, и светло смотрел на ожидающую высоту, на высоту, которой хотел поразить Чукку, удивить ее, вознести.

Ведь Чукка должна помнить свою прошлую северную жизнь, даже своего утонувшего братца Умба.

И вдруг теперь...

Сказочная перемена: юг, тропическая флора, роскошная вилла, свои аэропланы, моторные лодки, автомобили, картины, книги, масса развлечений.

Дело только за Чуккой.

За ней.

Ведь осталось жить Хорту менее 8-ми лет, а он все еще один, без Чукки.

Без вершины счастья.

И еще впереди — задуманная большая программа.

Надо успеть пройти все свои дороги, исполнить все затеи, осуществить все расчеты, развернуть себя до конца, чтобы, умирая, вздохнуть с большим удовольствием, без зависти, к жить остающимся, без покаяния в прекрасных грехах.

Жизнь, жизнь!

Ему ли — Хорту не были известны все жизненные капризы судьбы, все изломы, зигзаги, провалы, возвышения, горести, нелепости, дикости, достижения.

Он ли — Хорт, не имеет права и дальше рассчитывать на такое изумительное сцепление обстоятельств, чтобы в результате найти Чукку и вместе с ней придумать какой-нибудь крепкий философский фейерверк для конца дней.

Его глаза на вершине.

5. ВСТРЕЧА С РЭЙ-ШУА.

На океанском пароходе «Ориант», направляющемся из Нью-Джерсей в Гибралтар в кают-компании за табль-дотом, после завтрака, когда только что пассажиры кончили есть пуддинг, обожженный тут же за столом ликером, когда задымились трубки и сигары — шел такой разговор:

— Оль райт. Выходит так, что даже случайным встречам, хотя бы происходящим здесь в кают-компании «Орианта», вы придаете какое-то закономерное значение?

— Да. Так называемые «случайные встречи» строго говоря в научном плане, никогда не происходят зря, без толку, без смысла, без теоретического оправдания...

— Позвольте, неужели всякий случайный разговор за случайным столом...

— Простите, как этому поверить?

— Очень, очень странно...

— Даже жутко...

— Однако для полной ясности я должен оговориться, что развивая свою психо-аналитическую теорию «Радио-мысли», в данной обстановке, выделяю из общего числа «случайных встреч» те немногие, которым было предназначено, сознательно или подсознательно, осуществиться и которые, реализуясь впоследствии в определенную форму, станут просто материализованной сущностью, бытием.

— И без участия сверх-естественных сил?

— Без мистической предпосылки?

— О, конечно. Разве работа радио-телеграфа связана с волшебством или мистикой, или религией? Так и моя теория «радио-мысли». Полная параллель. Работа магнитного поля в динамо и работа мозга в черепной коробке — одно явление. Посылаемые волны по радио в пространство и где-то там — за тысячи километров — организованный прием на мачтах, — это и есть представление полной картины работы мыслительного аппарата. Разница меж радио-телеграфом и «радио-мыслью», т.-е. человеческой головой, за-

ключается в организации первого и неорганизованности второго. Но стремительное движение современной науки электричества разворачивается с такой быстротой, что, несомненно, через короткий промежуток времени мы раз-навсегда покончим с чудесами и мистикой и будем на свои головы смотреть, как на радио-станции.

— Браво, браво, Рэй-Шуа.

При этом имени — знаменитого австралийского модного писателя, Хорт, находившийся здесь, нервно вздрогнул.

Во-первых, Хорт не знал, что это — Рэй-Шуа — прославленная голова, чьи книги не раз приводили Хорта в восхищение, во-вторых, в связи с разговором, Хорт все время думал о своей Чукке, которой так хотелось немедленно передать свою нестерпимую «радио-мысль»:

— Будь со мной.

В-третьих, весь затеянный за табль-дотом разговор произошел по недавней мысли Хорта, когда, купаясь в Нью-Джерсей, он случайно услышал о том, что на курорте гостит Рэй-Шуа, и подумал:

— Я с ним увижусь на «Орианте», когда мы будем идти обратно в Гибралтар... Тогда, после завтрака, будет разговор о радио-мысли... Рэй-Шуа должен сыграть свою роль... Решено...

И вдруг.

— Браво, браво, Рэй-Шуа!

Сбылось, как многое...

Хорт, вздрогнув, подумал:

— Может быть, настали сроки... Пора.

Ведь менее семи лет осталось жить, а Чукки нет и нет. Почему бы не сбыться и этому?

Пассажиры кричали:

— Привет, оль райт, Рэй-Шуа.

Хорт смотрел, слушал, ждал, томился.

Рэй-Шуа, затягиваясь сигарой и беспечно улыбаясь, продолжал:

— Джентльмены, я держу пари, что с некоторыми из вас, в качестве подтверждения моей теории, «случайная встре-

ча» со мной, здесь на «Орианте», пахнет роковыми последствиями. Я это знаю, как свою теорию, ибо моя радио-голова недурно работает. Я к вашим услугам. Надо же иметь мужество сказать, кому я так нужен, какая мозговая станция тоскует по сообщению со мной? Плиз...

— Я, — твердо ответил Хорт.

Рэй-Шуа протянул руку.

— Мое имя Хорт Джойс. Директор Южного Аэро-транспорта «Старт».

— Великолепно, — обрадовался Рэй-Шуа, — великолепно! В моей записной книжке имеется только один портрет, кем-то вырезанный из журнала «Док» полгода назад. Вот он.

Рэй-Шуа достал записную книжку и там отыскал портрет Хорта.

— Вот, пожалуйста. Это вы? Да? А на этой странице маленькая запись:

«В почтовой конторе Мельбурна, на окне, перед самым концом занятий, я нашел этот портрет, смотревший на меня большими грустными глазами, внизу была подпись: «Хорт Джойс, директор Южного Аэро-транспорта «Старт». Молча я спросил, что ему нужно? И он молча ответил, что все скажет потом, на корабле... Что я могу помочь...»

— Потрудитесь проверить, — Рэй-Шуа всем на удивление показал портрет и свою запись.

Хорт с большим волнением рассказал о бесплодных поисках Чукки и о том, что эта «случайная встреча» с Рэй-Шуа была ему точно известна еще в Нью-Джерсей.

Рэй-Шуа торжествовал.

Спутники искренно аплодировали, потребовав черного кофе и джину к столу, чтобы несколько прийти в себя после случившегося: ведь не так уж часто встречаются знаменитые люди, да еще при таких необычайных условиях.

— Браво, Рэй-Шуа!

— Браво, Хорт Джойс!

Пассажиры оживились, заспорили:

— Вот вам и доказательство.

— Просто и убедительно.

- Какое же это доказательство?
- А что?
- Случайное совпадение.
- Х-хэ-хо. Хорошее совпадение!
- Неужели радио-телеграмма тоже совпадение?
- Дьявольская сила гипнотизма.
- Ох, нет, тут надо строго разобраться.
- Подумайте, а...
- Налейте еще бокал. За радио-мысль!
- Тэнкт ю.
- Я мог бы тоже кой-что рассказать о «случайных встречах», которые впоследствии оказывались ничуть не случайными.
- Знаю и я такие.
- Все знаем.
- Но молчим как-будто это действительно зря, ни с того ни с сего.
- А разве каждый из нас не был во власти случая много раз, разве редко мы благодарили счастье случайной встречи, разве иногда мы не рассчитывали на успех случайного свидания...
- Вспомните общеизвестный факт, как одна конкретная идея, носящаяся в воздухе, вдруг появляется сразу в нескольких отдаленных местах.
- Наконец, история знает достаточное число случаев, когда мысль посылалась в пространство, как последнее усилие, координирующее действие и такая мысль победно завершала свой путь.
- Нам ли не приходилось читать, что многие открытия являлись результатом настойчивой мысли коллектива.
- Я знал одного йога, который, как книгу, читал любые мысли любой головы на любом расстоянии.
- Пришлось ли вам проверить йога?
- О, да. Тогда я спросил его, о чем сейчас думает мой отец, живущий в Вашингтоне, мой далекий отец, которого я не видал 3-года. Йог закрыл лицо рукой и через 2 минуты ответил, что отец вот уже 10 дней, как переехал в штат Иллинойс с семьей после пожара, что отец стоит у ворот и

собирается посылать телеграмму сыну. Я все это записал. А через день действительно получил от отца телеграмму с извещением о пожаре и переезде в Иллинойс.

— Однако иогизм — диллетантство!

— Йоги, тренируясь на концентрации волевых центров разума, достигают иногда удивительных результатов, но вследствие своей некультурности, вмешивая сюда мистическое, божественное участие и ничего не зная об электричестве, йоги работают в пустую, зря. В йогах пропадают хорошие механики мозговых радио-станций.

— Йоги пользуются популярностью!

— Йоги — люди феноменальной воли!

— Йоги — великая сила.

— Еще бы! В свое время алхимия играла не менее важную роль, а с появлением химии исчезла.

Рэй-Шуа сказал:

— Друзья времени, давайте поднимем бокалы за тот момент, близкий момент, когда Маркони или ему подобный гений, сидя у себя в лаборатории, откроет электро-закон движения мысли, и мы спокойно по какому-нибудь психометрическому аппарату будем разговаривать друг с другом по всей территории земного шара. Мою теорию «Радио-мысли» прошу принять, как новое мое литературное произведение, потталкивающее ученых к работе в этой великой области.

— Браво, браво, привет, Рэй-Шуа!

Бокалы быстро были опрокинуты за здоровье Рэй-Шуа.

Началась музыка.

Хорт предложил Рэй-Шуа пройти к нему в отдельную каюту.

Через час дружеской беседы, на протяжении которой Рэй-Шуа выслушал биографию Хорта, оба собеседника многозначительно смолкли.

С величайшей надеждой и упованием, с напряжением последних глаз смотрел Хорт на высокий, блистающий, бронзовый лоб Рэй-Шуа, и ждал слова утешения, слова творческого участия, слова дружбы.

Рэй-Шуа молчал.

Молчал и Хорт.

Все нужное было сказано, оставалось только в глубинном молчании, в перекрестном огне неуловимых молний, в сверкающем рое электронного шума, в проблесках интуитивных вспышек, в взаимодействии почувствовать, понять, приблизиться к истине, чтобы не зря сказать — да, не зря взяться за дело.

Если бы не портрет Хорта, найденный писателем в Мельбурне, Рэй-Шуа, всегда бесконечно занятый, несомненно, просто не имел бы никакого права пускаться в столь сложные дела, как розыск Чукки, но сохраненная находка в записной книжке и встреча с Хортом, и — главное — личные обстоятельства Рэй-Шуа, сопровождавшие в то время находку, — все это вместе достаточно взволновало его голову.

Далекий от какой-либо сентиментальности, или фарисейской добродетели, сам много испытавший, переживший, зачерствевший, всегда нуждавшийся, Рэй-Шуа сразу же стихийно-дружески загорелся к Хорту и теперь в длительном молчании надо было решить — да или нет?

Наконец, Рэй-Шуа откинулся на спинку кресла и протянул Хорту дружескую, сильную, горячую руку.

— Да, — Хорт, да.

Хорт не выдержал, заплакал от потрясающей радости: ведь сам Рэй-Шуа взялся помочь найти Чукку.

— Мне завидно, что у вас еще есть слезы, — сказал Рэй-Шуа, допивая бокал, — а мои глаза сухи, как лавровые листья, приготовленные для гастронома. Я с громадным удовольствием поплакал бы с вами, но не могу, иссох. Вся жизнь я был одинок, как сукин сын, и без конца скитался. Зачерствел, зажелезенел. Никогда у меня не было никакой Чукки. Никакой, чорт возьми. Но я вполне искренно понимаю вас, что найти Чукку, необходимо. Принципиально. И мы найдем — вот рука!

Хорт схватил горячую крепкую руку Рэй-Шуа, сказал:

— Я обладаю приличной интуицией, не плохим собачьим чутьем и я уверен, что только благодаря этой изумительной встрече с вами мы найдем Чукку и больше: мы все

трое будем неостывающими друзьями.

— В таком случае, — решительно заявил Рэй-Шуа, — мы вызываем по радио в Гибралтар моего редкого друга, гениального сыщика из Чикаго — Джека Питча.

6. СЫЩИК ДЖЕК ПИТЧ.

Через пять дней после приезда, в двери кабинета Хорта постучался трубкой молодой бритый человек, небольшого, грациозного роста, в сером костюме, в серой шелковой кэпи.

Хорт сразу, по описанию Рэй-Шуа, узнал в нем знаменитого сыщика.

— Джек Питч, — отрекомендовался желанный гость — друг вашего друга Рэй-Шуа. Я только что прилетел на аэроплане и весь к вашим услугам. Не будем, если можно терять ни секунды. Я едва мог оторваться от важных дел, которые все-таки благополучно закончил. И вот я — ваш. Плиз.

— Очень тронут, очень, — благодарил Хорт, — теперь я вооружен идеально и готов верить в счастливый исход. Рэй-Шуа будет не менее рад вашему прилету. Немедленно мы отправляемся обедать. Нас ждут. Прошу.

За обеденным столом у Стартов Наоми рассказала свой сон, виденный прошлой ночью.

— Когда-то давно Хорт рассказывал про какой-то фантастический эфиопский остров, куда попал, после кораблекрушения, белый человек, сделавшийся впоследствии вождем этих дикарей, которых он осчастливил на славу. И вот мне приснилось, что этот белый человек были вы, Джек Питч. Будто вы пригласили всех нас в гости к дикарям, но однако, оказалось, что этот остров находится не в море, как говорил Хорт, а на середине озера, где-то в далеких дебрях, и будто Чукка была вашей женой...

— Чорт возьми, — воскликнул Рэт-Шуа, — я ревную. Слышишь, Джек, я не допущу больше никому, даже Наоми, видеть во снах Чукку — нашу гениальную легенду.

В этот момент Джек Питч записал в свою записную книжечку несколько стенографических строк.

— Неужели, — удивилась Наоми, — вы записали мой сон?

— Да, записал, — ответил Джек, — в моей практике сны играли не малую роль. Бывали случаи, когда кем-то случайно рассказанный сон играл существенную и даже решаю-

щую роль. Не так давно один из известных преступников был пойман, как заподозренный в одном кошмарном убийстве. Два месяца он сидел в тюрьме, категорически отрицая пред'явленное обвинение. Преступление было ловко скрыто. Однажды я увидел во сне уличную драку, происходившую около витрины известной кондитерской, где я заметил одну большую коробку с изображением домика, похожего на церковь. В этот же день мне пришлось по делу быть в камере у этого преступника. Он, между прочим, рассказал с печальным видом, что этой ночью ему было дурно, что он видел во сне, как какой-то негр бил его по голове большой железной коробкой, на крышке которой было изображено что-то вроде церкви. Я попросил его нарисовать виденный рисунок и, когда он это сделал, я убедился, что этот же самый рисунок я видел во сне на коробке. Я отправился к кондитерской, но коробки не оказалось. Я вошел и спросил продавщицу: не помнит ли она, кому продала коробку. Она ответила, что коробку купил негр и описала, как он был одет. Через три дня всяческих поисков я случайно взглянул на один дом, обративший на себя мое внимание большим сходством с рисунком на коробке. Я немедленно исследовал этот дом и нашел там нужного негра, купившего коробку. При аресте он оказал упорное сопротивление, а через 4 дня сознался в скрытом убийстве. К сожалению, — закончил Джек Питч, — область сновидений мало исследована наукой, за исключением одностороннего профессора Фрейда... Но и по Фрейду можно кое-чему научиться...

Тема сновидений и снотолкований увлекла всех обедающих.

Джек Питч просил всех по очереди рассказать что-либо виденное во снах в связи с отысканием Чукки.

Все охотно и подробно помогали Питчу, который делал зарисовки и записи.

А потом Питч, захватив с собой портрет Хорта, найденный Рэй-Шуа в Мельбурне, скрылся в кабинет Старта и не показывался два часа.

Затем в кабинет был вызван Рэй-Шуа для подробного описания обстоятельств, при которых Рэй-Шуа нашел вырезанный из журнала «Док» портрет, на окне почтовой конторы.

Джек Питч, после 2 часового осмотра портрета Хорта, считал, что описания Рэй-Шуа обстоятельств, при которых найден вырезанный портрет, чрезвычайно важны...

7. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРИ КОТОРЫХ...

Рэй-Шуа, развалившись в глубоком кожаном кресле, лениво потягивая то сигару, то вермут, описывал так интересные Джека Питча обстоятельства...

«Год тому назад, как известно, вышла в свет моя 23-я книга под названием: «Последняя книга», роман в 300 страниц. Эта книга имела такой превосходный успех, что в одном вашем Чикаго выдержала 9 изданий.

Я достаточно заработал долларов, чтобы собраться наконец на купанье в Нью-Джерсей, где мы с тобой условились свидеться. Приблизительно 7 месяцев назад я повадился ходить в второразрядный шантан почти на окраине Мельбурна.

Меня привлекала там одна совсем юная индуска, которая непередаваемо-вкусно, почти волшебствуя, говорила и пела какие-то изумительные музыкальные слова, танцуя в то же время.

И она смотрела, при этом, только на меня, на одного меня.

Ниа-Ниа, звали ее.

— Ниа-Ниа, — шептал я ей нетрезвыми губами в минуту ее выступления.

— Рэй-Шуа, — отвечала она, распевая, улыбаясь предсолнечным светом.

Я полюбил Ниа.

Через три недели я сделал ей письменное предложение стать женой.

К моему удивлению, Ниа вдруг исчезла совершенно.

Я узнал, что получив мое предложение, она решила ответить мне полным согласием, но ее содержатели вдруг продали ее каким-то пирующим дикарям...

Через неделю я получил утром рано измятую записку от Ниа:

«Рэй-Шуа, вечером будьте на почте. Меня увозят в дебри. Не знаю куда. Может быть вы спасете — тогда я буду

вашей женой. Жду. Наши все будут на почте, перед от'ездом. Спасите. Ниа».

Эта записка у меня дома, и я ее помню из буквы в букву.

Вооружившись, переодевшись, я явился к вечеру на почту, чтобы спасти Ниа.

Напрасно я прождал до конца занятий.

Ниа не было.

Перед закрытием дверей я облокотился в раздумьи на окно я вот вдруг увидел перед собой портрет Хорта Джойс.

Я взял с собой этот портрет, вырезанный из журнала «Док» и заложил в записную книжку после того, как молча спросил: «Что ему нужно?» и он молча ответил, что скажет потом, на корабле... Что я могу помочь...»

Так вот записано у меня.

Тогда мне показалось, что этот портрет имеет какую-то связь с Ниа, и я заботливо сохранил его.

И вот в самом деле мы встретились на корабле с Хортом Джойс.

Однако, он понятия не имеет, кто такая Ниа.

Все остальное тебе известно».

— Сколько лет было Ниа, — улыбаясь спросил Джек, — приблизительно?

— Ну, лет 13, не больше.

— Ага...

— Что, ага?

— Слушай, Рэй-Шуа, ты австралийский дьявол, ты остроумная башка, ты властитель умов и сердец. Почему же ты не разузнал, не бросился за Ниа, чтобы узнать, кто эти покупатели девочек...

— О, не будь у меня в этот час малярийного состояния, Ниа была бы со мной, чорт возьми. Я потерял силы, изнемог от зноя... Бросил.

— Почему же Ниа и ее покупатели не явились на почту?

— По измятой записке я догадался, что все они были на почте, но не вечером, а перед моим приходом, я чуть запоздал.

— Кто же доставил тебе записку?

— Из шантана.

— Слушай, Рэй-Шуа, я боюсь заранее похвалиться, но мне кажется, я на верной дороге, и Хорта можно утешить: мы найдем Чукку...

— Эта фраза: «мы найдем Чукку», — перебил Рэй-Шуа — столько раз говорила Хорту, что я хоть тебя, гениального сыщика Джека Питча прошу ее не говорить.

— Зато я скажу эту фразу в последний раз.

— Ну, черт с тобой, говори.

— И так — улыбался Хорт, — мы найдем Чукку.

— Прекрасно. Но не говорит ли твоя шолковая улыбка, что также легко можно найти Ниа?.

Джек расхохотался.

— Ах, ты австралийский дьявол!

Рэй-Шуа тоже расхохотался.

— Я не очень-то люблю мрачных сыщиков, — подливая вермут, дразнил Рэй-Шуа — но ты, Джек, веселый малый. Право же, я радуюсь за Хорта и пью за его величайшее обаяние. Хорт изумителен.

— Присоединяюсь... Пью за Мельбурн! За Хорта и Чукку!..

8. В МЕЛЬБУРН НА АЭРОПЛАНЕ.

В кабине аэроплана «Наоми» сидели за чайным столом: Наоми, Хорт, Рэй-Шуа и Джек Питч.

Наоми, очарованная путешествием и своей юностью, резвилась за столом, как жаворонок, над полями:

— Право, я так взволнованно рада... Ах... Пейте чай, вот печенье... Смотрите, смотрите... Что там такое?.. Вот ром, пожалуйста... Какое высокое небо. Папа и мама просили меня быть талантливой хозяйкой... Вот я и стараюсь... Хорт я целую вас... Просто от счастья на счастье... Рэй-Шуа тоже могу поцеловать... А Джека Питч боюсь... Смотрите, ах, смотрите, какое под нами молочное облако... Будто скатерть... Плавает себе, гуляет... Хорт, знаете, как я боялась, что вдруг меня не отпустят с вами... Я бы иначе умерла от тоски и зависти... Но меня взяли да и отпустили... Вот какие прелести — мои родители... Может быть, Чукка видит, что мы летим, но не знает, что мы это, мы... А это мы все к Чукке летим... Да, летим...

Когда достаточно наговорила Наоми, и так, что прилегла, слегка укачавшись, на диванчик, когда чай был окончен и оставался лишь неизменный ром, да трубки и сигары, после некоторого молчания, Джек Питч, по просьбе Хорта и Рэй-Шуа, начал высказывать свои соображения:

— Прежде всего во всей этой истории, центральное место занимает факт встречи на корабле Хорта Джойс с Рэй-Шуа. Конечно, это не было «случайной встречей», как это обычно принято полагать, без раздумий. В этом вопросе я всецело подчинен, во-1-х, научным данным, а во-2-х, литературе Рэй-Шуа, развивающей остроумную теорию «Радио-мысли». В своем последнем романе «Последняя книга» Рэй-Шуа заставляет профессора Хораз — великого героя романа — все время сидеть у себя в лабораторном рабочем кабинете и, почти не двигаясь с места, управлять всем миром. К этому идут научные достижения в области движения мысли. Профессор Хораз, сидя над книгой, отпирлял

и принимал радио-мысли. Спокойно улыбаясь, он проводил свои идеи, свои опыты, свои открытия, свои задачи. Великий математик Хораз, на основании цифровых вычислений, мог находить потерянных, управлять заблудившимися, отыскивать ценности. В известной степени по-моему, мы, приобщенные к высшей культуре, все — Хоразы.

— Одни больше, другие меньше. Одни сознательные, другие — подсознательные.

— Как все это замечательно!—восторгалась Наоми. Все улыбнулись.

— О, конечно, — спокойно ответил Джек Питч, — и вы, Наоми, маленький Хораз: об этом скоро все узнают...

— Как все это замечательно, — восторгалась Наоми.

— И вот, следовательно, — продолжал Питч, — по моим соображениям, таким убедительным Хоразом, среди нас является, естественно, Хорт Джойс, чьи биографические обстоятельства вытенировали его мозговую радио-станцию до максимального влияния и обостренной чуткости, т.-е. восприятия. Более, чем 15-летняя упорная устремленность отыскать во что бы то ни стало Чукку выковала и закалила в нашем Хоразе техническую работу передачи радио-мысли. И, вот, читая книги Рэй-Шуа, наш уважаемый Хорт Джойс, вероятно в известный ему момент, набрел на какую-нибудь вычитанную мысль, совпадающую в эту секунду с его мыслью, и очень пожелал где-нибудь встретить Рэй-Шуа, например, на корабле, когда он будет возвращаться из Нью-Джерсей... Вероятно, Хорт Джойс нарисовал точную воображаемую картину встречи. Именно, в этот момент, Рэй-Шуа, находясь в повышенном нервном состоянии, когда явился в Мельбурнскую почту, нашел на окне кем-то вырезанный портрет. И когда спросил свою радио-станцию: что ему нужно? Он получил немедленный ответ — картину встречи на корабле, и положил портрет в свою записную книжку, записав случившееся, т. к. Рэй-Шуа привык некоторым явлениям придавать важное значение: особенно, когда дело касалось «Радио-мысли». Через полгода, перед отъездом из Нью-Джерсей, несомненно, обе радио-станции не раз уславливались о точном месте и часе встречи. И вот

встретились, как если бы стелеграфировались обычным порядком, это все просто, обыкновенно, нормально, объяснимо. Незнученность, неисследованность «радио-мысли» не мешает нам, убежденнейшим материалистам, наблюдать явления этой области и иногда производить практические занятия... Опыт — великая вещь. И я очень благодарен своему другу Рэй-Шуа, который своими книгами доказал мне, что его литература, пронизанная утверждением «радио-мысли», не так уж фантастична. Напротив, — реально до примитивности. Например, я начал свои опыты по его же теории. Не будучи еще знаком с Рэй-Шуа, я мысленно назначил ему в точный момент увидеть меня во сне своим близким другом. Через три дня я увидел сон: что мы встретились в гавани, у дверей кафе одного из островов океана, где и познакомились. Однако, срок не был указан, и я ждал. Ждал упорно. Через месяц по служебному экстренному делу я вылетел на аэроплане на этот остров. Сейчас же, конечно, я поспешил в гавань и там у дверей кафе стоял с сигарой улыбающийся Рэй-Шуа, которого я сразу узнал по портретам. С тех пор мы друзья. Тогда Рэй-Шуа сказал: мне очень приятно, что вы исправно явились в назначенный час, Джек Питч, мой новый друг.

— Браво, Джек! — крикнул Рэй-Шуа, подняв бутылку рома к потолку.

— Браво, — присоединились восхищенные Наоми и Хорт.

Наоми налила бокал рому и унесла его механику-летчику, а когда вернулась, Джек Питч продолжал:

— Теперь разрешите, на основании всех данных, полученных мною, рассказать вам предположительную историю Чукки. Понятно, что Чукка была похищена цыганами на кладбище, куда она ушла, проводив отца на службу. В то время в Константинополе существовала мощная международная организация скупщиков украденных красивых девочек; Чукка была продана туда за большие деньги, так как светлые блондинки были в высоком спросе, и их искали именно на крайнем севере. 12 лет назад эта шайка была раскрыта и частью предана суду. Преступники показали, что девочки продавались, главным образом, черным царь-

кам и богачам в Африку, Австралию, Индию, Америку.

В год исчезновения Чукки был особый вывоз девочек в Австралию, в Мельбурн.

Очутившись в плену, в гареме, где-нибудь в дебрях среди дикарей, Чукка, вероятно, чем становилась старше, тем неотступнее и упорнее думала о своем отце, о своем освобождении. Однако, оставив отца в нестерпимой бедности, она потеряла надежду на возвращение из плена, т. к. ее освобождение потребовало бы много денег. И вот (будучи взрослой), неустанно тренируясь на мысли об отце и освобождении, вероятно, однажды помня твердо день рождения отца, когда ему исполнилось 40 лет, Чукка увидела странный сон: будто отец идет с веревкой, чтобы повеситься на кладбище. Вероятно, она проснулась со страху, и, находясь в высоком нервном напряжении, радио-мысленно, послала ему не только спасение, но все, что случилось потом с Хортом Джойс. Несомненно, в дальнейшем она успокоилась, т. к. видела благоприятные сны и стала верить, настойчиво верить в счастье отца и свое освобождение. Возможно даже, что она вполне осознала силу своего мысленного влияния на отца и, следовательно, стала в твердой степени героем Хоразом. Я допускаю соображение, что отныне она сама руководит нашим розыском. В Мельбурне мы сможем найти более точные следы. А пока в число вех я включаю, кроме всего сказанного, найденные на портрете отпечатки пальцев. При 2-часовом внимательном изучении в кабинете Старта я нашел, что портрет вырезали из журнала «Док» очень подозрительные черные люди, приблизительно такие, которые представлялись Хорту Джойс: это контрабандисты или пираты. Портрет вырезан острым охотничьим ножом. Отпечатки пальцев убедили меня, что один из преступников обладает изуродованной рукой. Полагаю, что портрет был вырезан с целью ограбления директора фирмы «Старт». Вследствие какой-либо ложной тревоги или других неожиданных обстоятельств, портрет был забыт на окне. Может быть приближение Рэй-Шуа было ловко замечено и злодеи второпях исчезли, оставив на портрете свои отпечатки пальцев. Нет сомнения, что эти люди

принадлежат к громадной организованной группе, которая продолжает поставлять девочек куда-либо в определенные места. Так было и с Ниа, которую довольно просто найти по свежим следам, а там — двинемся дальше.

— Джек Питч, объясните, почему я тоже, хотя и маленький, Хораз? — настаивала Наоми.

— Ваш сон, Наоми, — ответил Питч, — у меня записан в точности. Он более других рисует картину местонахождения Чукки. Описанная вами картина походит на природу Австралии. Впрочем, сны других также пахли австралийскими дебрями. Сны же для меня — повторяю — стали играть очень важную роль: ведь человек, находящиеся во сне — в своем так сказать, освобожденном, хаотическом подсознательном состоянии, бывает иной раз необычайно восприимчив к приему посылаемых волн радио-мышления извне. О снах мы еще должны будем поговорить. Однако сказанное ничуть не дает права упрекнуть меня в излишнем увлечении снами в таком исключительном поручении, как розыск Чукки. Я прекрасно понимаю необходимость осторожного подхода к таким мало-исследованным вещам, но в данном случае, уверяю вас — я обязан быть именно таким и только таким...

9. В АВСТРАЛИЙСКИХ ДЕБРЯХ.

- Тхио-тхио-тхио-тхио... Кырт-кырт...
- Чва-чва. Чва-чва. Чва-чва...
- У-уд. У-уд. У-уд...
- Мит-цаб-гыб. Мит-цаб-гыб.
- Ччио-ччио-ччио...
- Хии-хии-хии-хии-хии-хий...
- Шрр ффа шрр-фа...
- Цойт-ооо...
- Увр-ббо.
- Цолт-ббо-цойт....

И снова над вершинами заснувших эвкалиптов пронеслась, хлопая крыльями, как в ладоши, большая рыжая птица с металлическим криком: цойт-цойт... цойт-боо...

В колючих кустарниках слышался предсмертный стон зверька, задавленного змеей.

Испуганные черепахи неуклюже камнями падали в воду.

Всюду четко дробилось: — кыррррррррь... кыррррррррь...

И опять налетали черными молниями черные птицы, пронзительно кричали, свистя и хлопая крыльями, бились о сучья, визжали, нападая на жертву, дрались смертной схваткой, сверкали огненными глазами, мяукали, тявкали, выли, хихикали, верещали.

Над головами только и слышалось:

- Май-ть-мяу...
- Тя-иубб... тя-шубб...
- Ыий-ужь-ыы... ыы...
- Хи-ит... хи-ит... хи-ит...
- Врщ-щ-щ... врщ-щ-ща...
- Чва-ч... чва-ч...
- Цойт-ббо... Цойт...

Около двух костров мелькали ночные золотистые волосатые бабочки-великаны, похожие на летучих мышей.

Наоми, со страху припавшая к плечу Хорта, шептала:

— Кажется, в кустах шипит змея...

— Я тоже так полагаю, но не бойся, — успокаивал Хорт, — не бойся, наша отважная юная путешественница, не бойся: на всякий случай я держу в руке револьвер, и каждый момент могу встретить врага...

— Скоро ли вернутся наши?

— Через полчаса все будут здесь.

— Хватит ли готовых дров?

— На полчаса хватит.

— Они принесут?

— Ну конечно. Иначе мы останемся во власти змеиной опасности.

— Проклятое место...

— Именно — проклятое... Что делать? У нас не было иного исхода. Двигаться дальше стало невозможным — еще опаснее. Однако, по плану, эта болотистая низменность завтра к вечеру должна кончиться, и мы вступим в полосу мелких озер, расположенных по краю плоскогория Аманоо. Там будет легче — я убежден...

— А вдруг индус Саид?..

— Наш проводник не ошибается — ведь у нас есть почти точная карта, а — главное — я верю в память и чутье Ниа.

— Слушайте, Хорт, — таинственно заговорила Наоми, — вдруг индус Саид сговорится там — впереди — с туземцами и продаст всех нас дикарям? Что тогда? А? Ведь мы же не знаем языка? Хорт?

— А Рэй-Шуа?

Наоми смутилась.

— Ах, какой стыд, — я и забыла, что Рэй-Шуа знает туземный язык...

— Кстати он — австралиец и довольно популярный...

— Хорт, перестаньте. Мне так стыдно. Я умоляю не говорить об этом ни слова никому... Это я со страху, право со страху. Я еще не привыкла путешествовать... Я больше не буду...

— Что? Путешествовать?

— Нет. Больше не буду говорить глупостей.

— И бояться змей?

— Ну, я буду только немножко.

— Слушай, Наоми: вот если бы сейчас видели твои мама и папа — где ты и в каком положении. Дома лежала бы в дивной кружевной кровати, с дивной книжечкой, с золотым обрезаем. Лежала и читала бы о путешественниках, застрявших в австралийских дебрях, в змеиных болотах, в проклятых местах. И все казалось бы таким заманчивым, таким желанным... А вот — действительность: в тропическом змеином болоте сидим меж двух костров, на эвкалиптовой горке, кругом змеи, над головами носятся какие-то дьявольские птицы, глушь отчаянная, никому неведомые пространства и среди всего этого ужаса мы... Вот мы... Что-бы сказали твои родители?..

— Во-первых, папа-мама, пожелали бы мне и всем поскорее отсюда выбраться, во-2-х, они знают, что я прежде всего с Хортом, который куда-угодно может взять меня с собой, в-3-х, я так хочу видеть Чукку, что ничуть не жалею о своей кружевной кровати... Лишь бы остаться нам в живых...

— В этом весь фокус...

— Хорт, что говорит ваше предчувствие?

— Я спокоен.

— Чукка охраняет нас.

— Неправда ли? — встрепнулся Хорт, — значит твое сердце, Наоми, чувствует это... Чукка не может не знать о нашей близости — она ведет нас, она слышит нас, она — с нами, наша Чукка...

— С нами, Хорт, с нами...

— Да, неправда ли, — загорелся Хорт, — ведь мы совсем теперь близко. Я даже ощущаю ее тепло и два черных глаза — два навозных жука. Она плачет от счастья, и реву я. Слышишь: она плачет, она ждет. Слышишь, Наоми? Да? Или я сошел с ума... Слышишь?

— Успокойся, милый Хорт, это стонет в далеких кустарниках какая-то птица или зверь. Успокойся.

— Да, да, Наоми. Мои нервы напряжены и дрожат, как корабельная верфь. Я слышу многое, я впитываю многое, я весь насыщен восприятием, но я жду часа, жду приближения сроков... Молчу.

— Вот наконец-то, — взволновалась Наоми, — это идут наши: вот голоса, свистки.

Хорт ответил сигнальным свистом.

И он и Наоми стали смотреть в сторону приближения голосов.

В этот момент громадная желтая, с черными пятнами змея, медленно подползала к Наоми, не спуская глаз с намеченной жертвы, подползала тихо, вкрадчиво, по змеиному.

Наоми, не подозревая опасности, нежнее прижалась к Хорту и вдруг сказала:

— Хорт, мне вдруг показалось, что мама зовет меня, я даже слышу ее голос: Наоми, Наоми...

В секунду, когда Хорт взглянул на Наоми, он впился глазами в глаза змеи...

Змея подняла голову, чтобы броситься...

Хорт выхватил револьвер и в упор начал стрелять, заслонив собой Наоми, стрелять прямо в открытую пасть змеи.

Из кольца в кольцо стала извиваться змея, отступая.

Хорт вскочил и поднял левой рукой Наоми, закричав:

— Скорей, скорей!

В ответ раздалось сразу несколько выстрелов и крики:

— Стреляй, стреляй.

Через минуту сбежались все, бросив дрова по дороге, с факелами, горящими сучьями.

Выстрелы в воздух продолжались, так как сразу никто не мог понять, что случилось.

Первым догадался Саид и все бросились добивать змею, которая успела доползти до кустов — там ее dokonчили: длина ее оказалась не менее 3-х метров.

Это серьезное приключение вызвало общий под'ем.

Все кинулись поздравлять Наоми и Хорта с избавлением от беды.

Ниа обняла Наоми.

Рэй-Шуа кричал:

— Чорт возьми, эй, Наоми и Хорт, вы толкаете меня на горячее желание снова взяться за работу, хотя я поклялся, что моя «Последняя книга» — действительно есть послед-

няя книга. Этот дикий случай обязывает Рэй-Шуа сказать еще одно убедительное слово. Я скажу, напишу, вырублю, преподнесу. Дьявол знает, что происходит кругом. Я напичкан довольно материалом, а впереди — Чукка. У меня чешутся мозги, и я готов на новую пальбу. Эй, Наоми, Ниа, Хорт, Джек, Сайд, давайте выпьем по чарке рому за победу над врагами.

— Но прежде вернемся, — предложил Джек Питч, — за брошенными дровами, чтобы спокойно распить бутылку рому.

Через 20 минут все сидели у костров.

Саид расхаживал в качестве часового, наблюдая за кустами.

Бурлил чайник, пахло ромом.

Джек Питч, нежно поглядывая на Ниа, которая при огне сияла индусской легендой, напоминая судьбинную бронзовую птицу вершин Галайи...

Все понимали предчувственно, что Ниа и Джек Питч нашли друг друга, но все торжественно молчали.

Ниа не могла скрыть улыбки своего счастья, и, радостно волнуясь, заговорила:

— Полгода, каждый вечер, перед сном, я ждала Рэй-Шуа... Сначала, когда меня увезли из Мельбурна в Грампианские горы, найти было трудно, а потом, через месяц, я немного жила в Сидней — там Рэй-Шуа мог найти и мог меня купить, но он не приехал. В Сидней у меня перехватили мое письмо к Рэй-Шуа и увезли в Голубые горы, продали золотопромышленникам, а потом перевезли на Мурумбиджи. Вот оттуда мой господин поехал на Соленый остров, в гости к вождю племени Угуа-Амодео и меня взял с собой и еще — в подарок — двух девочек из белых стран. До этих болот мы ехали на лошадях верхом, а после два дня переходили эти болота, на третий, на лодках поехали по Соленому озеру на Соленый остров к Угуа-Амодео. Я и там ждала Рэй-Шуа и желала видеть его во сне. Но каждый раз видела другого белого...

— Он был похож на Джека Питча? — не выдержала Наоми, — неправда ли, Ниа?

— Правда, — смущенно ответила Ниа, опустив глаза, — правда, правда, он был похож на Джека Питч. И я знала, что он спасет меня... И когда на берегу Мурумбиджи я встретила Джека Питч — сразу его узнала...

— Ниа, — обратился Питч, — я должен поцеловать ладони ваших рук в знак счастья.

Он поцеловал.

Ниа продолжала:

— Там у Угуа-Амодео, у вождя Джоз-Абао, мы гостили 5 дней. Я была посажена в отдельную комнату и не имела права выходить и расспрашивать о жизни Джоз-Абао и о его женах. Однако, перед самым отъездом, черные устроили игры, и я могла из-за занавески видеть Джоз-Абао и его главную жену, черноглазую красавицу Аши...

Все насторожились.

Хорт вытянул голову и сияющими бриллиантами глаз смотрел в черные вершины эвкалиптов: будто там видел он свою Чукку.

— Ну, ну, Ниа, — торопила Наоми.

Рэй-Шуа крикнул:

— Может быть — лучше остановиться, Ниа! Чорт возьми, мы не будем спать и у нас не хватит сил завтра шагать по этой змеиной чертовщине.

— Нет, нет, — запротестовал Хорт, — надо дослушать Ниа, необходимо. Прошу.

Ниа тихо произнесла:

— Рэй-Шуа прав — надо остановиться, потому что это все, что я знаю. Впрочем, мой господин после говорил мне то, что вам уже известно: ведь она единственная, которая живет на Соленом острове у Угуа-Амодео 15 лет. И еще могу добавить: тогда смотря на Аши, мне ясно показалось, что скоро мы будем с ней друзьями... Это — Чукка. — Я уверена, чувствую, вижу...

Ниа смолкла.

Все с восхищением смотрели на Джека Питч, который спокойно набивал трубку...

10. НА СОЛЕНОМ ОСТРОВЕ.

Бидж, телохранитель Джоэ-Абао, мягко вошел к своему вождю, жевавшему стебель наркотической Оа, и вопросительно доложил:

— Наш великий вождь Джоэ-Абао, тебя желает видеть приехавший гость Рэй-Шуа, посланный Хутхоа из Мурум-биджи. Достоин ли он войти к тебе?

— Если он от Хутхоа, — приказал вождь — пусть войдет и будет другом.

Бидж удалился.

Рэй-Шуа вошел и, в знак почтения, сел на пол, на разостланный мех кенгуру.

Джоэ-Абао положил руку на голову Рэй-Шуа и сказал:

— Вот стебель Оа, ломай и жуй. Друг Хутхоа — мой друг. Его последняя жена индуска Ниа также была в гостях у меня.

Рэй-Шуа тихо ответил:

— Великий вождь Джоэ-Абао, это я в Мельбурне нашел Ниа и устроил так, чтобы она попала к Хутхоа. Ее очарование пьянит не меньше стебля Оа, и она стройна, как Оа.

Джоэ-Абао приказал Биджу принести вина.

— У моего слуги индуса Саида — заявил Рэй-Шуа, — есть для тебя бутылка рома из Ямайки. Разреши подать сюда.

— Индуса Саида? — переспросил вождь — насколько мне известно, этот индус бывал здесь с разными поручениями золотопромышленников? Но я не считаю его полезным для тайн Хутхоа... Сайд может выдать Хутхоа — я предупреждаю тебя, друг Рэй-Шуа. Надо быть осторожным: теперь белые, как цепные собаки, стерегут золотые россыпи.

— Но пусть будет известно великому вождю Джоэ-Абао, что мы не один раз испытали Саида и он доказал свою преданность нашей группе. Спокойствие да не оставит дом твой, — успокаивал Рэй-Шуа, пожевывая стебель Оа.

Остро запахло вскрытым ромом.

Джоэ-Абао распорядился угостить вином Саида и дать Оа.

Вождь и гость подняли бокалы и разом опрокинули ром в широко открытые рты, и, по обычаю, уставив глаза в потолок, долго не глотали, чтобы дольше оценить драгоценное предвкушение.

Через полчаса, когда бутылка рома сменилась другим крепким вином, Рэй-Шуа так объяснил свой визит:

— Сейчас у меня имеется около 300 унций золота, спря-
танных в Кислэндских горах, и я в любой день могу доста-
вить великому вождю всю полу-годовую добычу, если Джоэ-
Абао даст сходную цену.

Сизые глаза вождя жадно разгорелись, он захихикал детским смехом и начал торговаться с Рэй-Шуа.

Скоро сделка была заключена.

Джоэ-Абао торжествовал, подливая вина гостю и подсо-
вывал Оа.

Вечером, в честь гостя, по обычаю, были устроены игры у
Угуа-Амодео.

Играющие явились в шкурах кенгуру.

Юные жены Джоэ-Абао смотрели из-за занавесок, блес-
тя глазами в сторону гостя.

Началась музыка на маленьких барабанах.

Рэй-Шуа зорко наблюдал за выполнением важного по-
ручения Саида, который, разыгрывая пьяного, должен был
как-нибудь подбежать нечаянно к Аши и незаметно спро-
сить — знает ли она имя Хорта Джойс?

В разгаре игр, когда была объявлена передышка, а му-
зыка продолжалась, всем на удивление и смех показался
пьяный Саид, смешно и ловко приплясывая.

Рэй-Шуа ждал...

Джоэ-Абао заливался детским смехом.

Саид закружился в пляске и наконец задержался перед
занавесками и упал.

Вставая на ноги, Саид впился глазами в Аши, спросил:

— Знаешь ли ты, Аши, Хорта Джойс?

— Отец, мой отец! — вскрикнула Аши.

В этот момент к Саиду подбежали играющие и увели.

Саид дал Рэй-Шуа условленный сигнал.

Рэй-Шуа взволнованно сжал в своем боковом кармане приготовленное письмо, которое надо было передать из рук в руки, чтобы не подвергать риску столь важное дело.

Письмо было такое:

«Чукка, дочь моя, легенда моя, Чукка. Я ищу тебя 15 лет. Теперь ты со мной. Счастье с нами. Исполни: ровно в 8 вечера через 3 дня, через 72 часа, будь на поляне за озером по этому точному плану, что на обороте письма. Мы подлетим на аэроплане. Мы спасем тебя. Будь же готова. Жди. Ровно в 8. Твой отец, пронзенный предчувствием счастья, твой Хорт Джойс».

В это время к Джоэ-Абао быстро подошел начальник игр и сказал:

— Великий вождь, твоей жене Аши стало вдруг дурно. Она лежит в обмороке, что делать?

У Рэй-Шуа остро, колко забилося сердце и вдруг блеснула мысль — он предложил:

— Пусть будет известно великому вождю, что я считаюсь в Уоддоджи лучшим врачом и могу помочь супруге.

— Твоя рука, Рэй-Шуа, — обрадовался Джоэ-Абао — пусть спасет Аши. Спаси...

Через минуту Рэй-Шуа, глядя на часы, отсчитывал биение пульса Аши, стоя близко у изголовья.

Он дал ей холодной воды и произвел искусственное дыхание.

Аши очнулась.

Улучив момент, Рэй-Шуа вложил Аши в руку письмо, прошептал:

— Это от Хорта Джойс.

11. НА ВЫСОТЕ 8-ми ТЫСЯЧ МЕТРОВ.

Барограф аэроплана «Наоми» показывал 8 тысяч метров, когда механик-летчик известил Хорта Джойс, что при данной нагрузке большей высоты он дать не может.

— Я горячо благодарен и за этот рекордный под'ем, — ответил директор, посылая летчику бокал итальянского цинзаро, — для моего счастья это первая и последняя высота... Выше мне никогда не подняться и не надо. Не правда ли, Чукка?

— Да, отец, не надо... — кротко и тихо произнесла Чукка, ни на секунду не отрываясь от груди отца, куда припала, как ребенок, с момента своего входа в кабину.

Светлая полнолунная ночь, напоенная звездной тишиной, торжественно царила кругом, сковывая всех счастливейшим молчанием.

Музыка мотора гулко и мягко таяла в опаловом пространстве, никому не мешая.

Электричество решили не зажигать.

В окно смотрела только Наоми и то лишь потому, чтобы никого не стеснять и — главное — не заговорить, не нарушить сказочного молчания, которое сразу создала Чукка.

А поговорить Наоми хотелось так нестерпимо, что у нее кружилась голова: ведь там много произошло чудесного, волнующего, замечательного, радостного, горестного, разного...

По движениям ее локтей, по нервным плечам можно было предсказать, что едва ли у Наоми хватит героического терпения молчать, тем более, пейзаж лунной ночи был для нее однообразен, а созерцать она не умеет.

Впрочем, здесь Наоми понимала все без исключения и, вероятно, только ради одной Чукки, испуганной птицей прижавшейся в уголок к отцу, только ради ее, не привыкшей к словам, длилось глубинное молчание.

Очевидно все ждали, чтобы заговорила Чукка.

Но Чукка только, как прожекторами, водила своими черно-бархатными глазами и, казалось, хотела осилить, осознать происходящее или просто хотела поверить...

Поверить может быть во все то, что создала сама стальной силой своей твердой воли, — концентрацией своей непоколебимой настойчивости, неостывающим желанием добиться свободы, именно такой свободы, счастливая вершина которой не ниже этих 8 тысяч метров.

Поверить — главное — в волшебные недавние сны, ставшие явью.

И в этой яви поверить в многое то, что должно осуществиться...

На минуту Чукка остановила свои глаза на Рэй-Шуа, чтобы молча узнать, почуять, понять, впитать, уразуметь о своей судьбе дальше.

И узнала...

Рэй-Шуа медленно тянул ром, курил сигару за сигарой и не сводил глаз с Чукки, чье беспредельное обаяние было подобно беспредельности межзвездных пространств, чье магнитическое насыщение непреложно влекло, звало, тянуло, приковывало.

Рэй-Шуа говорил с ней вот этим магнетическим молчанием, говорил медленно, глубинно, возвышенно, нежно.

Говорил не тревожа, не волнуя.

Напротив: каждую новую секунду, он бережно, на руках тонкой мысли, доносил, оберегая ее покой, и молча спрашивал: говорить ли еще?

И когда молча она отвечала: говори...

Он говорил еще.

Все, кроме юной Наоми, точно знали и слушали слова молчания, так как все кругом было единым общим счастьем.

Джек Питч и Ниа сидели друг против друга, освещенные голубым серебром луны, и также бессловно говорили глазами и улыбками.

Ниа ехала с Джеком в Америку: так о них думали все и, кажется, не ошибались.

Ниа неизменно светилась индусской легендой, напоминая судьбинную бронзовую птицу вершин Галайи.

Ниа вся отдалась течению обстоятельств и могла только улыбаться.

Джек Питч тихо гладил ее руки, тихо курил свою трубку.

Он был спокоен за свою великолепную судьбу — он нашел Ниа.

Теперь — он знает — утроит энергию, и умножит наблюдение, разовьет опыты и вообще возвеличит свою карьеру.

Тем более, что удачный исход дела Джойс будет широко популярен, а Ниа будет гениальным плюсом во всех его начинаниях.

Высота 8-ми тысяч метров была и его высотой: это видели все, даже Наоми, которая за эти немногие дни неузнаваемо выросла, расцвела, поумнела, стала острее, ярче.

Однако все же она не могла усвоить вполне: почему надо так долго молчать?...

Но как только она возвращалась к догадке, что все это создано Чуккой и ради Чукки, она успокаивалась, стихала.

Чукка ей казалась сказочной волшебницей, щедро раздающей целые державы счастья, — той воскресшей из чудесных книжек волшебницей, во всемогущей власти которой были все радости земли и неба.

А глаза-прожекторы Чукки сияли снопами повелений.

И Хорт, упоенный близостью Чукки, ее возносящим теплом, теперь казался также не тем обыкновенным Хортом, которого она знала, а другим, совсем иным, новым, невиданным, неожиданным, таящим в себе необъяснимые дивные возможности.

О чем думает Хорт?

Кем стал теперь Хорт, кем?

И в самом деле — Хорта трудно было узнать: он весь так был поглощен совершившимся, так схвачен происшедшим, так овеян обилием счастья, что еле сознавая себя, переживал истинное перерождение...

Ему стало ясно, что приблизились сроки, когда Хорт Джойс должен построить жизнь по иному плану.

12. ОБЕД У СТАРТА.

— Мамочка, мамочка, послушай, — кричала свои австралийские впечатления Наоми, — около Соленого озера, где жила Чукка, я на дереве видела сумчатого медведя. Мамочка, уверяю тебя — этот медведь бесконечно симпатично смотрел на нас и особенно на меня. Я просила Рэй-Шуа не убивать его. Право же он интереснее и кенгуру, и даже важного страуса Эму, и даже индюковатого казуара. В Австралии этот медведь называется Коала, или Шими-дуу: кажется, это означает, что медведь симпатичнейшее существо... Впрочем я не знаю. Но он никого не обижает, он маленький и также боится змей, как я. Ах, какая прелесть большая альциона — это такая же шикарная птица, как милый розовый какаду-инка, который часто сердится и громко кричит: кря-кру-ричч... кря-кру-ричч... У альционы очень внимательная голова — вот если бы у меня была такая. Мамочка, а какие дивные там живут в озерах черные лебеди с коралловыми носами. Ах, как страшно там по ночам около костров: над головой сплошь с криком проносятся ночные птицы, а в кустах шуршат змеи — знай берегись! Если бы ты во сне не крикнула во-время — меня не было бы на свете. Ты и храбрый Хорт спасли меня. Ах, мамочка, но лучше всего на свете была та лунная ночь, когда захватив Чукку, мы возвращались домой. Мы всю ночь молчали, хотя мне очень хотелось поговорить. Чукка — настоящая красавица-волшебница. Ах, какие удивительные глаза у Чукки... Скоро ли они все соберутся обедать. Джек Питч — воображаю — как важно разгуливает с Ниа. Мамочка, мне очень жаль, что завтра Джек Питч и Ниа улетят в Америку. Ниа — очарование. Ее наши называют индусской легендой Галайи... Чу. Телефонный звонок. Я подойду. Алло? А? Это папочка? Мерси. Мы ждем. Очень. Да. Все готово. Да. Вкусно. Что? Рассказываю десятый раз об Австралии. Я забыла тебе сказать, что видела раз утконоса — он очень милый. Спроси у Рэй-Шуа. Боюсь только змей и то не особенно. Да. Теперь

не страшно. Нет. Да. Мерси. Ждем. Принеси. Больше. Много. Кучу. Джек Питч стал важничать; понимаю. Ниа — прелесть. Но Чукка, ах, папочка, Чукка — волшебница, Чукка — единственное чудо в мире. Рэй-Шуа без ума — он сразу никого не узнает, даже меня. Да. Не смейся. Бедная Наоми. А все-таки я — знаменитая путешественница по Австралии, а ты нет. До свидания! Или «чпри-чпри» — так кричала одна птичка перед заходом солнца на Мурумбиджи. Приезжай.

Через час, когда все собравшиеся разместились за обеденным столом, Джек Питч со свойственной ему улыбкой, обращаясь к Наоми, сказал:

— Я готов держать пари, что без нас вы, юная путешественница, развлекали свою маму рассказами о животных Австралии и, вероятно, особенно похвалили Коала, сумчатого медведя, которого вы видели на дереве? Не правда ли?

— Правда, правда! — воскликнула восторженная Наоми, — но каким образом вы могли это узнать? Надеюсь, не из распросов мамы?

— О, конечно. Это было бы слишком примитивно, — улыбался Джек Питч, — и просто недостойно приличного сыщика.

— Но как? — изумлялась Наоми.

— И скажу больше — вы говорили по телефону, — продолжал улыбаться знаменитый сыщик.

— И это — правда.

— Да?

— Я говорила по телефону.

— Тоже о животных?

— Кажется об утконосе, о змеях и о всех вас...

Все засмеялись.

— Ну, вот, — обиделась Наоми, — я не понимаю, почему это люди считают себя настолько выше милых, чудесных животных, что даже не позволяют в разговорах свои имена ставить рядом с такими прелестями, как: медведь, кенгуру, утконос, динго, вомбат, казуар, какаду. Право же я так люблю животных.

— И нас? — перебил Старт.

— И вас, — успокоила Наоми, — однако я хочу немедленно знать, откуда Джеку Питчу известно, что я говорила о медведе без вас?

— Я наблюдал, — начал Питч, — что люди, рассказывая свои волнующие впечатления, особенно о животных и птицах, незаметно для себя, моментами впадают в подражание жестов, интонации, характера и разных индивидуальных особенностей этим самым животным, указывая руками форму и высоту повествуемого. И вот, когда я вошел в гостиную, я обратил внимание, что на гладкой позолоте нижней рамы картины имеются на тончайшем слое пыли свежие 2-3 отпечатка пальцев. Я сравнил их с имеющимися у меня в записной книжке и нашел, что это пальчики Наоми. А так как в момент рассказа обычно рассказывающий берется за самые неожиданные вещи, то по отпечаткам пальцев можно предположить, о чем шла речь. По высоте рамы я решил, что Наоми говорила вероятно о каком-то животном, которое видела на дереве, а ее отпечатки пальцев изображали лапы медведя. Любопытства ради, я пристально осмотрел ряд вещей и быстро нашел на телефонном аппарате продолжение следов, расположенных в точном порядке, как на позолоте рамы. Вот и все; это довольно просто, если уметь...

— Bravo, bravo, — разнеслось всюду.

— Я в исключительном восторге, — кричала Наоми, — ах, мамочка, а как было интересно, когда Джек Питч в Мельбурне по отпечаткам пальцев, оставленных на портрете Хорта, начал розыскивать в разных местах этих подозрительных людей, которые увезли Ниа.

— Я уже рассказывал Наоми, и кажется при вас, при всех, — заявил Джек Питч, — гораздо более интересным я считаю выслушать рассказ лэди Старт о сне, которым она спасла свою дочь от укуса змеи, когда мы были за тысячи километров. Чукка этого еще не слыхала да и мы вскользь...

— Очень прошу вас, лэди, — подтвердила Чукка.

— В свою очередь Чукка, — вмешался Рэй-Шуа, — обещала нам после обеда рассказать о себе: по существу, ведь она и есть Хораз, во имя чье написано моя «Последняя кни-

га» — это ли не величайшая организация радио-сцеплений отдельных интеллектов и явлений в одно целое — в один активный разум... Чорт возьми, разве есть более высшие доказательства моей теории радио-мысли, как то, что скажет нам после обеда Чукка и сию минуту лэди Старт.

— Прежде всего я должна извинительно сознаться, — с искренним волнением начала лэди Старт, — в своем скептицизме относительно всякого рода теорий передач радио-мыслей, особенно во снах... Но случившееся со мной отныне изменяет мой взгляд: теперь я верю книгам Рэй-Шуа и особенно «Последней книге», где профессор Хораз мог, не выходя из кабинета, предвидеть между прочим, различные опасности, грозящие кому-то за далекие тысячи километров, и мог своей волей предотвращать неминуемую беду.

Рэй-Шуа благодарно кивнул головой.

— С минуты, как только с вами улетела Наоми, — продолжала лэди Старт, — я естественно беспокоилась за благополучие ее первого путешествия. Всячески мысленно я желала ей и всем счастливого пути. Муж меня успокаивал именем нашего друга Хорта. Но вот однажды — этот день и час ночи записаны и у меня и Наоми — я немного ранее обычного легла спать, а муж читал. И я увидела сон, будто в австралийских джунглях, в темную ночь, у двух костров сидят на земле Наоми и Хорт. Будто огромная змея подползла из кустов к Наоми... Но Хорт был отвлечен и не видел... Желая спасти Наоми, не помня себя, я закричала: Наоми! Наоми! и проснулась с сильно бьющимся сердцем. Муж сказал: «Ты только что кричала: Наоми, Наоми. Что случилось?» Я объяснила свой крик страшным сном, и мы вместе с мужем поверили в счастливый исход грозившей опасности.

— Вот, я жива и здорова, — весело раскланивалась Наоми.

Лэди Старт поцеловала свою дочь.

Час оживленных рассуждений и воспоминаний, связанных с этим случаем, привел обед к концу.

Пить кофе с ликером и фруктами все перешли в гостиную.

Мужчины закурили.

Было заметно, как Хорт заволновался перед рассказом Чукки...

13. И РАСКРЫЛИСЬ ЧУККИ УСТА.

Последние лучи заката загасли и остудили золото картинных рам, когда все, будто по волшебному мановению, затихли, насторожились, как перед чудом.

С чистого, из-синя-изумрудного неба голубым бриллиантом смотрела в окна вечерняя звезда, ожидая желанных слов...

Опустив вуаль длинных ресниц, Чукка, глубинно вздохнув, выждав готовность всех ее выслушать, начала свою повесть...

И раскрылись Чукки уста:

— Дикой птицей Хохт-амо-ноо с далекого Соленого озера племени Угуа-Амодео я сижу здесь, среди вас, цветов культуры и чудес, мне незнакомых. Что я и где — едва ли известно кому-нибудь. И верны ли дороги мои — не знаю, еще не знаю. Но слова мои верны, как верен отец мне и я отцу. Он ли не помнит того последнего дня, как расстались на-долго мы. Тогда с кладбища нашего, с могилы матери моей взяли меня черные волосатые люди и на лошадях в далекие края увезли. Говорили, уверяли, клялись, что умер отец мой Хорт и одна я осталась. Зандой называли меня, петь, плясать, гадать, плакать просить учили. И всему научилась я. Потом в Турцию продали. А из Константинополя в Калькутту увезли и снова в Мельбурн продали — оттуда к племени Угуа-Амодео на Солёный остров попала и в жены взял меня Джозэ-Абао, великий вождь. Еще другие там жены были и еще других привозили. Кораллами, раковинами, хвостами кунит и золотом украшали наши тела девицы. И ничего не понимали мы, ни о чем не думали, пели, играли на струнном тай-тра, жевали стебель Оа, плясали перед Джозэ-Абао. Вместе сначала росли мы, как горные кенгуру, а потом разделять нас стали. Главной женой великого вождя объявили меня и в комнату отдельную посадили; там в мехах, в перьях страусовых заглохла я. И толь-

ко думы о своей снежной, лесной родине, да об отце согревали меня, а не вино Джоз-Абао, не стебель Оа, нет...

...Разные редкие гости к нам приезжали, золото в слитках тайно привозили и по вечерам веселый Джоз-Абао игры и пляски Угуа-Амодео устраивал. Мне подарки дарил: камни и золото, и шелк, и травы душистые. Но не эти радости веселили меня. Сладостью жизни моей думать думы об отце и лесном севере было. И случилось раз так, что в долгом сне я отца увидела, да так близко и верно, будто живого увидела, и дыхание его тепла сердцем почувствовала. И поняла, что жив мой отец и обо мне думает — жива я или нет. И поверила я этому сну, всем думам, всем чувствам поверила. Стала прямой, настороженной, высокой, как голова страуса, и снами об отце стала жить и мысли ковать научилась и острыми стрелами посылать отцу, бедному далекому отцу моему Хорту, посылать научилась. Так мне казалось тогда, что я научилась. И новая жизнь открылась мне: в снах узнавала я, как живут разные люди; о делах и желаниях их узнавала, слышала голоса и язык понимала. Сама будто улетала к людям, куда хотела, спрашивала обо всем и ответы на все получала. И только отец молчал, слышала, как молчал от горя и бедности, от пустоты, одиночества. Даже забывать меня начал. Высох мозг его, а глаза заслезились. Видела это я, понимала, мучилась, страдала, а вырваться никак не могла, сил не находила, не умела, боялась. Тогда в самом золотом расцвете, как пальма весной, была я, и Джоз-Абао сам за каждым движением моим следил, и слуги зорко следили. Особенно, когда гости на остров приезжали — ревнив и суров он был. А после золото и камни мне приносил, стебель Оа. Богатством дышала я и никак не могла с отцом поделиться, чтобы отдохнул он от бедности, от неразумной борьбы, от черной жизни. Много золота у меня лежало в мехах и раковинах, а отцу ведь только горсть одну или две надо было. Но и этих горстей дать не могла. Долго, мучительно, больно, с острыми, как стрелы, своими мыслями я жила думами об отце, долго о нем и жадно думала, жадно, будто только один глоток воды просила, а он не давал. Вот вдруг и произошло что: стра-

шный сон мне приснился — всю меня черными лапами в комок сжал. Своими глазами увидела я, как отец с веревкой в кармане на кладбище, идет к своим могилам и удавиться хочет. И пьяный он и не понимает меня. Тогда пеструю женщину на улице нашла я, и упросила спасти отца, и еще другую нашла, и к кладбищу послала скорей, и слова всякие быстро, знойно говорила, и все отцу просила передать. Со страху, от тяжкого мучения к восходу проснулась и снова поверила, что от смерти отца спасла, и надо ему сказать, повелеть, надо заставить его жить новой жизнью и такой, какую я сама — я дочь его — Чукка выдумаю. Вот и поверила, я, что отец в моей полной власти, и я могу им владеть, могу. Путь его новой жизни, счастьем, как солнцем, залила, и к себе приближать начала, ближе к себе, чтобы конец его дней теплее согреть, а жить отцу менее 4-х лет осталось. И он и я знаем об этом и теперь знать будете вы. С отцом и с вами неизменно была, как неизменно я знала час своего освобождения — час приезда Рэй-Шуа на остров и, может быть, помнит он, как дурно мне стало, и это я сделала так, чтобы к изголовью привели его помощь подать мне и письмо отца в руку мою вложить. Рэй-Шуа много раз снился мне и книги свои читал, и сама я читала. И о всех о вас знала я потому, что с отцом неразлучно была и неразлучной до последней минуты с ним быть собираюсь. Ведь конец дороги его не так уж далек, а дни сосчитаны точно. Сроки назначены и приближаются, и никакой нет в этой печали, нет, и тоски нет никакой. Надо только помочь отцу разумнее дожить, вернее до конца дойти, стебель Оа спокойнее доживать, и птиц поющих с улыбкой тепла дослушать. Я и Рэй-Шуа мы поможем отцу, поможем...

14. РАЗГОВОР МОТОРНОЙ ЛОДКИ.

— Далекая снежная вершина среди синих гор высывалась, как голова лебедя из кустов... Помню...

— Держи правее — там, кажется, островок.

— Ну и что же?

— Тише — в лесу слышен смех.

— Это филин.

— Он не очень-то любит белые ночи.

— Летел бы на юг.

— Здесь гуще.

— Смотри — какой всплеск.

— Это охотится щука.

— Слева у самой сосновой горы озеро. Заметно по туману.

— Я был на той вершине — на голове лебединой...

— Мы могли бы чуть остановиться.

— У озера?

— Да.

— Нет, нет, едем дальше. Ночь призывает.

— Мотор упоительно работает.

— Дисциплинирован.

— Там костер.

— Рыбак.

— Один?

— Нет — с ним чайник и наверно топор.

— Перед глазами — река.

— В реке — рыбацьи проекты.

— В проектах — один процент сбытия.

— Ему довольно одного.

— Что он думает о нас?

— То же, что и о дыме своего костра.

— Мимо.

— Тем более мы в легком тумане.

— Он ближе к истине.

— Около и останется.

— Помню: на той голове лебединой мысль застыла о вечности, а сердце жалко билось...

— Сердце — пугливая, хрупкая птица, нежная птица в клетке грудной.

— Вечность — для разума.

— И, пожалуй, для глаз, если хорошее зрение.

— А сердце, бедное сердце, считает секунды.

— И бедное сердце побеждает богатый разум...

— Смешно.

— Но так.

— Жизнь, есть жизнь.

— Бессмысленно думать о переделке.

— Держи левее — к кустам.

— Мудрецы об'ясняли мир.

— Пробовали управлять.

— Ничего не вышло.

— Понятно: сколько мудрецов — столько напечатанных мировоззрений.

— Есть еще ненапечатанные.

— И будут еще.

— Софизм — курорт интеллекта.

— Смотри — что это?

— Не вижу.

— Вот — у водокрая, на берегу.

— Журавль.

— Пожалуй.

— Но курорты требуются только иногда, а потому софизм прекрасное, но временное явление.

— Подкачай масла.

— Есть.

— Туман сгущается.

— Это к рассвету.

— Джек Питч крепко засел в Нью-Йорке.

— Ради карьеры.

— Ниа любит Нью-Йорк.

— Разумеется, — там больше кино.

— Для первого дебюта Ниа выступила превосходно.

— Острое существо.

- Чертовски чувствует форму жеста.
- Ого.
- Через 3-4 месяца увидим Ниа на экране.
- Но я убежден, что роман мой использован слабо: слишком торопились.
- Конкуренция, как две палки о четырех концах.
- Дай спичку.
- Вот.
- Табак отсырел.
- Восток и щеки Чукки розовеют.
- Чукка спит с улыбкой.
- Вероятно, она убеждена, что не спит.
- Возьми вправо — к лугам, здесь в горах слишком гудит мотор.
- Псина Диана полаивает сквозь сон.
- Видит во сне утиный выводок.
- Не понимает, зачем надо ждать взрослых утят, когда сейчас проще взять.
- Нервничает.
- Вчера Чукка на берегу стала так ловко крякать по утиному, что Диана, выпрыгнула из лодки в воду и пошла искать.
- И все-таки, чертовка, нашла в болотце выводок.
- Через месяц, полтора поохотимся.
- Обязательно.
- Чукка великолепно научилась стрелять.
- Взглянул бы вчера на нее Джоз-Абао, как она уложила в лёт вальдшнепа.
- Молодец.
- Держу пари, что великий вождь дурно относится к достижениям авиации.
- Еще бы.
- А интересно, где теперь Бидж с золотом Чукки? Разбогател каналья.
- Теперь, наверно, сам держит телохранителя.
- И пьет ром, мерзавец.
- Чукка говорила, что Биджу было известно, как по ночам у спящего солнца негры украдкой вытягивали особы-

ми кишками ром.

— По этому случаю давай выпьем.

— Есть.

— И все же коньяк лучше.

— Тоньше.

— Ром — бас, коньяк — баритон.

— Баритон более приемлем.

— Еще?

— Давай.

— Жизнь коротка, а коньяку много.

— Оль райт.

— Обидно умирать, когда коньяк остается.

— Эх-х...

— Не говори...

— Старт уверял меня, что перед смертью он выпьет стакан холодного коньяку, закусит лимоном и закурит сигару.

— Мы заключили союз умереть именно так.

— Вот рука — я вступаю в этот союз.

— Значит, стакан коньяку, лимон и сигара должны быть всегда на-готове?

— Всегда.

— Непременно.

— Ого. Где-то циликает кулик.

— Рано.

— Кто-нибудь согнал.

— Держи левее. Я думаю о Наоми...

— Пахнет дымом.

— За горой, наверное, костер.

— Рыбачье место.

— Тут дивно.

— Наоми сказала бы, что тут «симпатично».

— Пожалуй тут есть даже «симпатичные» медведи.

— Ого. Северные медведи — это не сумчатая Австралия.

— Да, видно по природе.

— Табак подсох.

— Север — мудрец, у севера белый высокий лоб.

— Дай спичку.

— Хорт, ты — настоящий сын севера. Я вижу.

- Я люблю свой север.
- Теперь я понимаю твой рост, твою Чукку и все остальное. Хорт, я завидую тебе.
- Рэй-Шуа, ты — настоящий сын юга.
- Я не люблю юг, чорт бы его взял.
- Полюбишь. Даю слово. Или ты не растение своей земли? Дело только за временем.
- Это так. Но мне противна моя откровенная австраальность. Мое тропическое происхождение. Недаром здесь все принимают меня за неподдельную обезьяну, и руками щупают мою черную кожу. Я действительно обезьяна, чорт возьми. Посади меня на цепочку и води по деревьям — мы недурно будем зарабатывать. Будет хлеб впереди.
- Хлеб будет и без представлений. А вот мне очень нравится, что ты — гениальная зверюга: хорошо пишешь романы и толково знаешь мотор. Только держи еще левее, — поближе к костру — там лучше.
- Рэй-Шуа в качестве какаду...
- Не ворчи. Рыбак встал и черпает чайником воду. Через 10 минут он будет похлебывать чай и соображать о своих затеях.
- Не без удивления он выпучил глаза.
- Он еще не проснулся, как следует, и думает, что мы — сновидение.
- Любители ночных приключений.
- Дай спичку. Потухла. Засмотрелся.
- Рыбак, говоря по Наоми «симпатично» устроился.
- У рыбаков есть вкус. Я учусь.
- Ну, вот ползет, зевая, Диана.
- Давай лапу, доброе утро.
- Псина, целуй обезьяну. Так.
- Скоро солнце.
- Ого. Проснулись.
- Это — кулики-песочники.
- Туман густеет.
- Кричат гуси.
- Рыбы плавают, разводят узоры, дразнят.
- Сейчас встанет Чукка — вместе с солнцем.

- Превосходный час!
- «Час, когда горный кенгуру стоит на скале, над обрывом и смотрит на горизонт восхода», так, кажется, читал в книгах твоих?
- Солнце — глаз земли. Кенгуру помнит об этом.
- Крякают утки — близко озеро.
- Птицы азартно заливаются. Здесь голоса их сочнее и крепче.
- Некоторые из них зимуют, несмотря на отчаянно-долгую зиму.
- Буду зимовать и я.
- Ххо. Посмотрим — сказал слепой, посмотрим.
- Это решено.
- Ну, ну.
- Нос у тебя приплюснут. А уши? Останешься без ушей.
- Уши? На кой они чорт? Что я — композитор что ли или капельмейстер?
- У нас бывает по Реомюру до 45-50 градусов.
- Пустяки, я обросту мехом.
- Вот и солнце.
- Вот и Чукка. Доброе утро!
- Доброе утро, дочка моя.
- Доброе утро, счастливый путь, отец, Рэй-Шуа, дайте расцеловать вас.
- Жизнь продолжается, Чукка!
- Моторная лодка разговаривает.
- Надеюсь, вы помогаете?
- Стараемся.
- Ого. Еще как...
- Я видела во сне Наоми, бедная, она скучает, очень скучает.
- Чукка, с тобой здороваются Диана, дает лапу.
- Доброе утро, Диана. Богатый день пусть вкусную пищу тебе пошлет.
- После вчерашнего вальдшнепа Диана питает к тебе искреннее уважение.
- Я и сама горжусь успехами охоты, — это меня волнует, увлекает не менее вас.

— Браво, Чукка.

— Браво, дочка моя.

— Как дивно птицы солнце встречают. Туманы кругом, а берега изумрудные. В каком мире мы? В стране какой? Неустанные и куда несемся? Диана, нюхай душистое утро.

— Через час, когда растают туманы, мы выберем место для стоянки. Пора.

— Мы выпьем кофе и вздремнем.

— Я разведу костер, и чистого мокка сварю вам, и завтрак вкусно приготовлю, и, как детей, спать вас заложу, а сама нянькой дежурить останусь. С Дианой, сама с собой, с природой разговаривать буду. И обо всем вам потом расскажу. И о том, что о Наоми во сне видела — тоскует она и не верит в долгое расставание, нет, не верит...

— Наоми из породы птиц, поющих на вершинах.

— Взрослой девушкой мы увидим Наоми, и тогда она останется птицей.

— Сладко она спит сейчас в своей кровати, и, может быть, снится ей, что с нами она в моторной лодке дышит солнцем и туманами, непрерывно разговаривая. Истинная птица — Наоми.

— За эти годы я с любовью привык к ней, спаялся дружкой детства и мне кажется странной наша разлука... Ведь это она нашла меня, она явилась причиной моего счастья.

— Хорт, ты утомлен и путаешь явления: причиной была Чукка, а Наоми — следствием.

— Впрочем, да. Это ясно, но я говорю вообще так, безотчетно. Часто люди думают о живой истине, а говорят мертвый словесный сумбур, полагая, что правильно и точно выразили мысль.

— Разумеется следить за точностью легче, чем ее конкретно, просто, четко выразить.

— Дай, спичку.

— Вот это — верно. На.

— Держи правее — впереди опять островок. Говорят, на таких островках, окаймленных кустарником, дельно сидеть с ружьем в кустах, по вечерам, под осень во время перелета, да с утиными чучелами. Чукка, ты чувствуешь?

— Чувствую.

— Чорт возьми, этой же осенью мы засядем где-либо в островах.

— Надо запастись утиными чучелами.

— А вот что будем делать зимой?

— Осенью в засаде сообразим.

— В лесных горах славно на лыжах бродить.

— Охотиться на «симпатичных» медведей.

— Здесь зима — сказка никем нерассказанная.

— Рэй-Шуа, ты призван в мир, чтобы написать, что такое зима на севере.

— Пусть здравствует зима на севере, но к чорту писания: я слишком счастлив и богат, чтобы забавлять обывателей. Довольно. Да, жизнь перецеголяла мои книги. Ам-ноа-джай, — так кричат у нас, когда хорошо выигрывают. Ам-ноа-джай!

15. ГЛАЗА ОСЕНИ.

Оранжевым золотом расплескались деревья.

Почернели длинные ночи северной осени.

Холодное небо высоким и звонким стало.

Солнце грело, но не согревало.

От редких цветов на полянах пахло одиночеством, будто цвели они на могилах.

А птицы пели, как на кладбище, вкладывая в песню скорбь безвозвратно-ушедшего.

Никто не пел веселых песен и никто не сожалел о них, и не желал.

От воды в реках и озерах стало веять холодом вороненой стали.

По вечерам носились отлетные стаи уток, гусей, и в одиночку всяческие метались птицы.

По ночам высоко в синеве кричали улетающие журавли:

— Грли-грли... грли-грли...

Чью с такой осторожностью в звездном спокойе мысль несли журавли — никто не знал, но думал и молча спрашивал: — чью?

Осень не даст ответа.

Осень не любит вопросов: все ясно.

Осень есть осень.

Тише...

В оранжевом золоте падающих с деревьев листьев слышится едва уловимый звон прощального гимна неминуемого конца...

Это дыхание смерти.

Она всюду здесь — эта Желтая смерть.

Лезвие черной непреложности... Нож в горло.

Жутко, нестерпимо-мучительно, несправедливо, кошмарно, бессмысленно.

Но в горле нож...

Что делать? Мир так вот устроен.

И ничто не в состоянии изменить сущее.

И кто скажет, что осень не прекрасна?

Вот на склоне крутой высокой горы стоит Хорт, опершись на ружье, и смотрит на сияющий горизонт, и смотрит вокруг на лесное царство, и смотрит в лимонные глаза осени, и говорит себе:

— Осень прекрасна.

Потом, подумав, поправляет свою мысль:

— Хоть осень прекрасна.

У Хорта никогда не было весны, Хорт никогда не видал лета, но осень он видит...

Что делать? Мир так устроен.

Кто-то жил и весной, и летом жил, а ему дано постичь счастье осени.

Пусть будет так...

По существу ему теперь все равно: сумма прекрасных дней осени известна.

Нож около горла, и веселые песни петь смысла не имеет.

А еще глупее — отчаиваться.

Смерть страшна дуракам и ростовщикам: тем и другим в момент приближения конца кажется, что они далеко еще не выполнили всего своего земного предназначения.

Суть в ином...

Он ли — Хорт не знал отлично: что жизнь и смерть — два равноценные явления, как его руки — правая и левая: одна не мыслится без другой.

Он ли — Хорт не помнил, что все эти годы жил, так сказать, бесплатным приложением к жизни по воле игривой судьбы или по воле Чукки...

Или Хорт забыл о веревке в кармане, с которой шел на кладбище удавиться?

О, ничуть. Нет, нет.

Суть в ином...

Жить остается еще две осени.

Значит — надо точно, разумно, толково, четко обдумать свой тот философский фейерверк, чье значение могли бы оправдать пришествие его, Хорта, на землю, хотя бы только в его предсмертных глазах умирающего не дурака.

Ведь Хорт — не только бухгалтер, привыкший подводить итоги и балансы, но и человек, кого довольно своеобразно отметила судьба, хотя и поздно, и поставила в положение настоящей необходимости дать полный и ясный отчет об израсходованной жизни.

Перед кем?

Это не так уж важно.

Важнее — что действительно имеется высокое чувство жизненной отчетности.

— Ну, пусть, — думал из скромности Хорт, — перед своим сознанием, перед своими семьей друзьями, наконец — перед всеми, кому будет интересно или просто забавно узнать кое-что об его судьбе.

Ведь не зря же ему, когда-то бедному, больному, несчастному, всеми обиженному Хорту — был послан вдруг этот гениальный сдвиг, чьи пути развернули в душе его неслышанную легенду.

И надо было достойно оценить это счастье, и надо разобратся в выводах...

Однако Хорт был достаточно умен и отнюдь не собирался разрешать мировые проблемы жизни или отвечать на разные проклятые вопросы, он только, как отмеченный, избранный счастливцев хотел определить, выявить кой-какие пункты его жизненного опыта, чтобы хоть приблизительно разгадать смысл своего существования, своего ничтожного личного явления в мир.

Хорт читал философов, разных великих и малых мыслителей, больших писателей.

Хорт научился у них мыслить и рассуждать, научился отыскивать ценные умозаключения, научился синтезировать идеи.

Но все это вместе взятое, в общей сумме шло мимо его жизни, как небесные планеты...

Величественно, но мимо.

Исключения составляли только теории экономического материализма: здесь все близко касалось и волновало его.

Все остальные теории — идеалистические, мистические, религиозные, были всегда далеки от Хорта и напоминали ему облака...

Облака — иногда изумительные по форме и красоте, иногда скучные и дождливые, иногда пугающие грозой, иногда спокойные и высокие, иногда декоративно-окрашенные, иногда изображающие фигуры богов и животных, иногда уводящие к созерцанию и даже указывающие пути, как это было однажды, но облака — всегда облака и только.

Идеалистические мечтания, — увлечения и блаженства нетрезвого ума...

Хорт же был трезв и непреложно связан с землей.

Особенно теперь, когда дожить осталось так мало — еще две осени.

— И это так совершенно прекрасно, — гордо решил Хорт, — что мне точно известен день моей смерти. Это венец вершины моего счастья!

16. ВСТРЕЧА С БУРОЙ МЕДВЕДИЦЕЙ.

Костер, разведенный на самом берегу у моторной лодки, весело и уютно потрескивал, подогревая кофейник.

Завтрак кончался.

Пахло рябчиками, кофе и дымом.

Диана замерла в позе сфинкса и наблюдала за жующими, ожидая очереди.

Тонкая струя собачьей слюны свидетельствовала о собачьем аппетите.

Рэй-Шуа, закулив, говорил:

— Чорт возьми, я совершенный дикарь, да. Сейчас — дивное утро золотой осени. Ваши глаза, Чукка и Хорт, устремлены на превосходную панораму красочной яркости и линий рельефа. Или вы мечтаете об охоте? Все равно: вы разглядываете местность и это справедливо. Но я поймал себя на том, что даже и в солнечное утро я готов без конца смотреть на огонь в костре. Это ли не наследственная дикость? Да еще какая! Ого-го! Часами бессмысленно смотреть на огонь, почти не о чем не думая всерьез, и при этом испытывать большое удовольствие могут только дикари, как я. Понимаю — смотреть на костер ночью — тогда это неописуемое блаженство — но сейчас, в это редчайшее из утр, сейчас смотреть в костер — это нелепо, глупо. Чорт возьми, однако меня тянет смотреть, и я смотрю: будто с несказанным наслаждением возвращаюсь к радостям первобытных предков. Вообще — здесь воскресают вновь какие-то забытые инстинкты, а охота моментами на меня действует так сильно, что я весь превращаюсь в зверюгу и даже, кажется, оскаливаю зубы и урчу, не сознавая, не помня себя. А вчера видел сон, будто в рукопашную схватился с каким-то зверем и руками разодрал ему челюсти.

Чукка, кормившая Диану во время разговора Рэй-Шуа, с улыбкой разливая кофе, сознавалась:

— Бесконечно приятно все это слушать. Рыбная ловля и особенно охота заполнили дни мои. Я ни о чем другом ду-

мать не хочу, не желаю. Мы все от прошлого устали, истомились, как в тюрьме, и мы отдыхаем, мы горячо увлекаемся охотой и правы мы. Скажи, отец?

— Мы правы, — заявил Хорт, — это слишком очевидно. Главное — мы горим не хуже нашего костра. Сердца наши крепко бьются, глаза сияют энергией, душа спокойна, нам никто не мешает, ружья в порядке, запасы есть, осень прекрасна, мы сыты, здоровы, изобретательны, умны. Что нам еще? Мир с нами.

— Браво, браво! — закричал Рэй-Шуа, — браво директор, покурывающий у костра и подготавливающий рыбацкое снаряжение!

— В таком случае, — поднялась Чукка, — я и Рэй-Шуа берем ружья и уходим в лесные горы к рябчикам и глухарям, а ты, отец, часа через два начинай готовить обед. К этому времени вернемся мы. Эй, Диана!

Чукка и Рэй-Шуа быстро зашагали к лесу, попискивая в приманные пищики для рябчиков.

Хорт проводил глазами охотников и собаку.

А через несколько минут влез в моторную лодку, подтянулся по заброшенному в глубину якорю подальше в реку, и стал рыбачить, закинув удочки, спокойно покуривая.

Глаза следили за наплавами.

В голове мелькали мысли о Наоми...

Клёв был слабый и мелкий.

Но Хорт, оставшись дежурным, рыбачил просто от нечего делать, решив использовать тихий и теплый час-другой.

— По настоящему, — думал Хорт, — будь у нас маленькая, рыбачья лодка, то ночью можно было поохотиться на крупную рыбу с острогой. Теперь же недели через две начнутся заморозки, выпадет снег, начнется зима и лодку заводить не имеет смысла.

Хорту вдруг захотелось зимы. Скорей бы: он представил себя живущим на высокой горе в занесенной снегом хижине-землянке.

Вспомнил о морозных голубых, серебряных днях, которые сверкали из далекого прошлого, когда Хорт оборван-

ным мальчиком на санках возил сырое белье полоскать в прорубь на речку, помогая матери.

Вспомнил о том, как он никогда не мог согреться, всегда коченел от холода и не мог понять — почему все это горе происходит и что такое сытая, теплая, богатая жизнь.

Вспомнил о своей несчастной удавившейся матери, не захотевшей камнем висеть у бедного сына, вспомнил о жене Эдди, об утонувшем сыне Умбе и о записочке Чукки.

— Эх, — подумал с горьким вздохом Хорт, — вот бы тогда, хоть единую каплю счастья из того океана, который пришел так поздно...

Именно тогда — ведь тогда это было бы всемогущим животворящим чудом, жизнедатным праздником жизни.

Но всё приходит слишком поздно — что делать, что делать?

Вдруг Хорт вскрикнул, как неожиданно ужаленный:

— Ах!..

Внезапной острой болью сжалось сердце, и Хорт, об'ятый ужасом, закричал:

— Чукка? Где она! Что с ней! Чукка! Чукка!

Хорт опрометью, ледяными трясущимися руками схватился за канат, подтянулся к берегу, выскочил и бросился бежать в лес, задыхаясь от волнения, захватив ружье.

Там, на моторной лодке, Хорт среди белых снегов воспоминаний, вдруг услышал отчаянный тихий зов Чукки:

— Отец... отец...

Обезумевший Хорт бежал по лесным тропам, бежал с непрестанным шопотом:

— Чукка... Чукка.... я здесь... с тобой...

В это время произошло вот что:

По желанию Чукки Рэй-Шуа с Дианой направились в одну сторону, а Чукка — в другую, к логам, чтобы после обхода встретиться у горы, в условленном месте.

Чукка с трудом перебралась через один громадный лог, застрелив там двух рябчиков.

За этим логом оказался еще более громадный лог, и Чукка решила не отступать, несмотря на всю колоденную глушь и валежную сплошную заваль.

Расцарапав лицо и руки до крови, она добралась до дна лога.

И вот в этот момент Чукка услышала сухой треск и густой звериный храп.

Едва Чукка успела вскочить на колоду, как выросла исполинская бурая вз'ерошенная медведица, встав на задние лапы и распутив когти.

Глаза медведицы впились в глаза Чукки.

Чукка мысленно крикнула:

— Отец... отец.... Рэй-Шуа...

Она вскинула ружье и хотела выстрелить в медведицу и вспомнила, что прежде надо переменить патроны с дробью на патроны с медвежьими пулями, что были в патрон-таше, и опустила прицел.

В это время Чукка заметила, не сводя глаз с глаз медведицы, что к ногам ее подбежали два медвеженка и начали, повизгивая, обнюхивать ноги.

Чукка не шевелилась.

Один медвеженок лапами схватил одну ногу Чукки и потащил на себя.

Чукка рванула ногой, и медвеженок отскочил, испугавшись.

Рыча медведица, стала обходить жертву.

В одну секунду ощупью Чукка достала два патрона с медвежьими пулями, в момент переломила ружье, выкинула прежние патроны и вставила медвежьи.

И снова вскинула ружье и взяла на прицел, метя в косматую оскаленную голову, но около раздался треск и храп — там был медведь-пестун.

Медвежата бросились к пестуну.

Медведица, урча, храпя, чуть отошла.

Чукка быстро соскочила с колоды и стала задом, на каблук лезть вверх по логу, не спуская глаз с глаз медведицы и держала на курках похолодевшие пальцы.

Каждый шаг Чукки был шагом медведицы.

От волнения и ледяного страха силы стали оставлять Чукку, и на середине обрыва лога она едва на два аршина влезла на дерево, не имея сил двигаться дальше, и, обняв

левой рукой ствол, правой держала ружье наготове, чтобы выстрелить в самый катастрофический момент, если бы медведица схватила ее за ноги.

Чукка ждала помощи, часто мысленно повторяя:

— Отец... Отец... Рэй-Шуа...

И наконец, она услышала свист спасения и хотела крикнуть, но не нашла голоса: так иссохло горло.

Медведица, почуяв шум и свист, зарычала и начала когтями вырывать клочья мха из земли.

Свистел Хорт — это Чукка знала.

Свистел, кричал все ближе и ближе, все короче.

Хрустели, ломались сучья.

Чукка, готовая от бессилия упасть с дерева, каждую минуту шептала:

— Отец... Отец... Рэй-Шуа...

Но вот и с другой стороны разнесся свист и треск — это был Рэй-Шуа, кричавший диким воем:

— Чукка...а...а...а...

Раздались выстрелы, шум, крик.

Через минуту Хорт и Рэй-Шуа снимали с дерева от радости плачущую Чуку и сами ревели от счастья спасения.

7. ЗАНЕСЕННЫЕ СНЕГОМ.

От 37 градусов до 40 по Реомюру, ниже нуля, третью неделю стоял лютый мороз.

Деревья закружвели, играя на коротком солнце бриллиантовыми кристаллами.

Несметные миллионы звездных снежинок сияли глазами кротости.

Глубокие снега белым одеялом лебяжьих перьев закутали все кругом, и в зимнюю сказку обратили спящую землю.

Серебряный, хрустальный, голубо-снежный сон снился земле: будто сама зима показывала ей свое волшебное, блистающее царство, охраняемое белым холодным покоем. Царство, где не смеет греть солнце, потому что в гости только приходит оно для удивления. Царство, где лишь звезды и месяц торжествуют, как свои, сопровождая длинные ночи бледно-синими лучами.

И воистину: царство зимы здесь было так вседержавно, так беспредельно-величественно, что все вокруг до мельчайшего явления было подчинено этому зимнему владычеству.

Все сковано льдом, все занесено, снегом.

Только заячьи следы, всюду натканные в лесу, говорили о жизни.

Да еще, пожалуй, неизменный опаловый дымок, столбом уходящий в небо говорил, что в этом лесу, на горе, у реки, стоит землянка, занесенная снегом, и там живет какая-то капля жизни.

Однако вот третью неделю, как прошел неслышанный снежный буран, лыжные следы вокруг этой землянки исчезли.

Впрочем, и сама землянка была погребена под толстым слоем снега и выбраться оттуда в лютый мороз было невозможно.

— Ну, вот в нашей снежной могиле, — говорил Хорт, оттачивая топор, — дров хватит только до утра. Запас весь ис-

черпан. Во что бы то ни стало утром возьмемся за вылазку на свет лесной и припрём хоть одну сушину, которой хватит дня на три, а там, авось, потеплеет, и мы как-нибудь отгребемся от снега. Вот он — наш север, Рэй-Шуа.

— Да, чорт возьми, — отозвался Рэй-Шуа, скорчившийся от озноба и дымящий трубкой, — я много слышал о снегах севера, много видал в кино снежных картин, много фантазировал сам и читал, но такого дьявольского положения погребенных снегом в глухом лесу, да еще в сплошной мороз в сорок градусов, и подряд семнадцать дней в этой норе, — этого я никак не мог ожидать. Впрочем я далек от мысли жаловаться на судьбу. Мне все равно — где меня трясет, здесь ли от холода или на юге от малярии. Меня — главное — беспокоит наша Чукка: она что-то побледнела за эти дни...

— Если побледнела я, — стараясь казаться веселой, заговорила Чукка, готовя обед, — то потому только, что единственной причиной являюсь страданий Рэй-Шуа, который безвинно вместе с нами погребен в снегах и может быть раскаивается... Мне это больно.

— Ххо-ххо-ххо, — мефистофельски загоготал Рэй-Шуа, приседая, — уж не думаешь ли ты, Чукка, что этой подснежной хижине я — Рэй-Шуа предпочел бы какой-нибудь красной кожи стартовый кабинет с письменным столом? Ххо-хо... И уж не думаешь ли ты, что мне интереснее писать романы с приключениями, чем трястись здесь от смертных морозов вместе с тобой и Хортом? Или ты полагаешь, что я потерял вкус к жизни и меня тянет канцелярия литературного искусства? О, ххо, к чорту всех чертей все обывательские кабинеты с фотографиями их обитателей, к чорту письменные столы, к чорту мои фантазерские книги и всю мою чудачью славу, радость, которая у всех сводится только к высокому звонкому гонорару...

...Да! К чорту мое писательство. Я — дикарь, австралиец, зверюга, обезьяна, сын природы, охотник, собака, родной брат Дианы, племянник медведя, но не обыватель, не мешанин, не рантье. Я счастлив, что ни одному из моих многочисленных легкомысленных читателей не придет в башку

мое местопребывание. И никакой тут жертвы нет. И если я завтра сдохну — лучшей могилы, лучшего конца мне не надо, и лучших свидетелей не хочу, и их нет. Я родился в норе, как истинная обезьяна, и только в норе чую дом свой, а всем и каждому желаю палат и дворцов. Особенно — беднякам. Я же миллиардер духом и могу позволить роскошь 17-й день жить занесенным судьбой и снегом чорт знает где, но с Чуккой и Хортом.

Чукка подбежала к Рэй-Шуа с куском мороженого мяса и расцеловала оратора со словами:

— Друг наш, Рэй-Шуа, верю, верю и слово даю тебе, что снова щеки мои розовеют будут и сердце утихнет, успокоюсь я, лишь бы ты спокоен был, как отец. В общем же мне, право, нравится, что мы под снегом живем по медвежьей в берлоге своей и говорим разные веселые слова и не унываем мы, нет. Ведь Хоразы никогда не унывают...

...Еще когда па Соленом Острове, у Джоз-Абао жила я, и книг твоих не читала, и мысли твои не знала, и тогда не унывала я, а спасения ждала от отца и тебя... И вот вместе мы, и вот неразлучны мы. Как жизни не верить, и друг друга как не любить?

Молча Рэй-Шуа, но с жаром, поцеловал плечо Чукки, отошедшей готовить обед.

— А завтра, или чуть позже, — утешал Хорт, — мы отгребем снег, заготовим дров, настреляем зайцев, заморозим их, как морозили шампанское в былое время, и вдоволь нагулявшись на лыжах по снежным пуховикам, по сугробам, засядем за заячий ужин, а в землянке разведем тропическое тепло, будто в Австралии под Козерогом, закурим трубки и пофилософствуем о вообще...

— Bravo, Хорт Джойс, — ожил Рэй-Шуа, — твоя душа чертовски молодеет с каждым часом.

— Стой. Не хочешь ли ты сказать, — перебил Хорт, подняв топор, — что от старости я впал в естественное детство. Ну, ну? Или я не сумею доказать, что юность, светлая юность живет во мне, а не детство.

— Докажи, докажи, — заторопили Чукка и Рэй-Шуа.

Хорт быстро оделся, взял длинную веревку, топор и вышел в сени, посвистывая.

Чукка и Рэй-Шуа наблюдали.

Из сеней Хорт открыл дверь в чулан, где хранились разные припасы, мотор от лодки, инструменты и всякая всячина, и все это перетаскал частью в сени, частью в хижину.

Потом в верхней стене чулана, что возвышалась над землей, начал рубить четырехугольное оконное отверстие.

Прорубив, Хорт лопатой стал, выгребая снег в чулан, проделывать снежный коридорчик, в который скоро забрался, как крот, продолжая сбоку выкидывать снег.

Чукка и Рэй-Шуа мерзли и хохотали.

Диана рвалась в снежную нору к Хорту, очевидно полагая, что Хорт зачуял без ее ведома какого-то зверя.

Диана лаяла и обнюхивала снег, выталкиваемый ногами Хорта.

Через полчаса энергичной работы, когда Хорт пролез по земле под снегом метров 8, он стал пятиться обратно, зацепив один конец веревки за что-то, а другой держал в руках.

— Теперь давайте тащить, — весело предложил изобретатель, — а что вытащим — будет наше. Ну.

Все трое схватились за веревку и начали не без усилия тащить, пока, наконец, к общему удовольствию, не увидели, что прут здоровенное бревно.

Рэй-Шуа бросился за пилой.

— Чорт разнеси мои замерзшие мозги, я бы никогда не додумался до такой комбинации, — волновался он, — ведь через: несколько мгновений у нас в берлоге запахнет тропиками Козерога. Bravo, Хорт, великолепно доказавший свою юность, bravo!

— Кстати и обед будет вкуснее. Bravo, отец, — поддерживала Чукка, продолжая стряпню, — я давно и очень в находчивость нашего старого юноши верю.

— Это еще не все, — разошелся Хорт, — продолжение будет после обеда. Тут забавно то, что об этом бревне я вспомнил еще при словах оратора Рэй-Шуа: «к чорту мое писательство», а при моем упоминании о зайцах я придумал

способ его доставки. Очевидно, представление о заячьих норах толкнуло на эту мысль, но почему определенные слова Рэй-Шуа явили воспоминание о бревне, оставленном от постройки, не знаю...

— Ххо. Я довольно легко могу раз'яснить тебе: — загорелся Рэй-Шуа, помогая Хорту пилить сосновое бревно на дрова, — при своих словах: «к чорту мое писательство» — я вспомнил, как осенью в первый снег мы сидели с тобой на этом бревне и спорили о том — правильно ли я поступил, бросив писать свои книги... Радио-мысль...

— Теперь ясно, — перебил Хорт, — и я готов без конца утверждать, что во-первых, ничего на свете не происходит зря, а во-вторых, ты поступил неправильно, бросив свое писательство. Некоторое время и я думал, что это правильно, а потом решил, что это — ерунда, неправильно.

— Правильно, правильно! — кричал Рэй-Шуа, оттаскивая в сени отпиленный чурбан, — я согласен вполне, что ничего на свете не происходит зря. А раз это так неоспоримо — то мое брошенное писательство — очевидно факт какого-то высшего смысла, значение которого впоследствии как всё, мы сумеем разгадать...

— Нет, нет, — не соглашался Хорт, закуривая, — нет, в кажущейся слепоте всего «не зря происходящего» самую важную роль играет какая-то гениальная непосредственность, без малейшей примеси, чистая радио-мысль или любое радио-явление, организованное — скажем — законами мировой гармонии. Именно — чистая непосредственность. В этой чистоте — истина, верный итог, линия электронной молнии. Мгновение. И знай я об этом ранее — я скорей розыскал бы Чукку... То-есть также, как прошлой осенью я бросился с моторной лодки и, не зная дорог, не слыша признаков голоса или шума, быстро нашел, как и ты, Чукку, и мы спасли ее от когтей медведицы. Но какая же непосредственность в том, что ты писатель Рэй-Шуа, обладая высоким мыслетворческим аппаратом, называемым талантом, или просто искрой, но не божьей разумеется, а искрой большой радио-станции, ты придумываешь закрыть свое производство... Почему? Не понимаю. Ты прав отдохнуть,

если устал работать, ты прав в своих горячих увлечениях, требующих перерыва работы, но ты не имеешь права бросить писательство и никаких сил у тебя не хватит сделать это, как однажды я решил бросить свою жизнь — удавиться, и не мог. В то время я был нужен, быть может, одной Чукке, но и она не дала мне бросить жизнь, и я ей благодарен: все-таки хоть у могилы дней увидел лик счастья — награду за сорок омерзительных лет. А ты? Ты — знаменитый романист Рэй-Шуа, связавший имя свое, мысли свои, сердце свое с десятками тысяч своих читателей, — неужели ты найдешь в себе такие исполинские, легендарные силы, чтобы так просто бросить к чорту свое писательство. Да еще свалить это на какой-то факт высшего смысла...

Бревно было кончено пилить, когда как раз кончил говорить улыбающийся Хорт, принимаясь теперь с Рэй-Шуа колоть дрова.

Из хижины доносился раздражающе-приятный запах жареного мяса.

Чукка старалась.

Разгоревшийся на работе Рэй-Шуа, аппетитно начал раздувать ноздрями и спокойно заявил:

— Слушай, Хорт. Я — знаменитый романист — не менее знаменитый любитель жареного мяса и надо быть бездарным, чтобы не лишиться дара слова, когда так волшебным пахнет. Я — дикарь это прежде всего, и для меня жратва — священное дело. Тут я религиозен, до чорта. Надеюсь по этому случаю ты не вообразишь, что своей дружеской речью достаточно убедил меня, и я готов снова взяться за тоску своего писательства? Ххэ, за ночным чаем, или, если утомимся, завтра по пунктам я отвечу на речь, а сейчас я хочу жрать, жрать, жрать...

— Готово. Идите обедать, — приглашала Чукка, накрывая на стол и напевая:

Аджи мноа оа уа!

Аг-гуа бхавае а...

— Такая есть народная песенка у племени Угуа-Амо-

део, пояснила Чукка, — она, отец, говорит о том, что если огонь и солнце не согреют человека, то согреет стебель Оа.

— Чертовское тепло и головокружительный запах, — обрадовался Рэй-Шуа, усаживаясь за стол, — требуют, чтобы Хорт, вместо стебля Оа, угостил нас крепкой рябиновой настойкой. Нам есть чему радоваться, — изобретательной юности Хорта с надеждой на продолжение после обеда.

— Продолжение будет, — обещал Хорт, доставая бутылку рябиновки, — Хорт ничего не обещает зря.

Чукка предложила:

— По три бокала за обедом выпьем мы и каждый скажет, кто за что пьет.

— Отец, первое слово твое, говори.

— Одна вещь остро интересует меня, — начал Хорт, наливая бокалы, — а именно — пессимист я или оптимист? Надо же об этом сказать, хотя бы самому себе вслух, перед рябиновой настойкой. Я — оптимист, да. Но весь мой оптимизм основан, как известно, глубочайшим пессимизмом личного опыта. Тяжкий пресс давления роковых обстоятельств угнетал меня сорок лет, кошмарная слепая сила бил меня эти сорок лет, пока — наконец — я не схватился за веревку, чтобы сдохнуть по-собачьи... Это один Хорт, великий труженик бухгалтерии, самый несчастный человек. А вот потом вдруг — вот это все ослепительное счастье, звезда судьбы, воля высшего всепроникающего разума, рука, ведущая избранника, радио-интуиция, гениальная карьера, власть случая, — это другой Хорт, самый высокий директор, счастливый отец, толковый человек. Первый пессимист, второй оптимист. Жизнь разделена на два непримиримых лагеря. Во мне живут два человека, две личности, две воли, два разума, две судьбы. Первый — ничего не прощает. Все помнит, все видит, все сознает, все низводит. Первый преисполнен тоски и страдания. Первый помнит слова «все приходит слишком поздно», и каждую минуту напоминает о близкой смерти. Второй — всё оправдывает, все проводит, все окрыляет надеждами, все организует, все принимает радостно, светло, увлеченно, разумно. Второй насыщен верой в жизнь и гонит мысли о смерти: будто бессмертен я

или может случиться чудо. Эта два существа, как ангел с дьяволом, борются во мне, и я не знаю, кто победит. Я скажу об этом в свое время. А сейчас давайте выпьем за жизнь со всеми ее приключениями.

Все выпили.

Диана получила кусок баранины.

После первого блюда Хорт налил по второму бокалу.

Чукка сказала свое:

— Ночью прошлой во сне я видела, будто с птичкой Наоми большую кино-картину смотрели мы, и на экране наша Ниа играла — в индийских джунглях среди зверей и змей скиталась. Хорошо, ясно Ниа видела я и теперь знаю, и о Наоми все знаю: этот же сон и она видела. Об этом ей напишу и Ниа. И еще знаю, что от них письма на почте есть. Надо поехать туда, получить надо. И Рэй-Шуа это делает... Тем более, в письмах о славе Рэй-Шуа много написано... И вот за друзей далеких, за Наоми и Ниа, за Джека Питч и Стартов выпьем мы — счастье, успех, благополучие пусть не оставит их. И еще за ваши слова: «Ничего на свете не происходит зря» — пью я, — потому так все мы друг друга нашли и дружба хранит всех.

Выпили все по второму бокалу.

Диана снова получила порцию мяса.

А после второго блюда, когда Хорт начал раскрывать жестяную банку с консервированными ананасами, Рэй-Шуа, наливая по третьему бокалу душистой настойки, сказал, закулив с Хортом трубки:

— Чорт меня напутствует дернуть несколько соображений по своей специальности. Дело в том, что я в большом долгу перед Хортом по поводу наших споров о ликвидации моего писательства. Десятую часть этого долга я возвращаю в качестве тоста за полное отрицание книги, как набора художественно-словесного материала, при этом почти сплошь гнилого, недоброкачественного материала. Разумеется, что я признаю только книги науки, а всю нашу без конца навороченную беллетристику и поэзию просто презираю и отвергаю только по одному тому, что 95 % всего навороченного считаю порочным, мерзким хламом, бездарной

пачкотней, ерундой, невежеством, глупостью, разжижением мозга, дилетантством, вонючей пробой пера, порнографией, дамской болтовней, словочесоткой и т. д. Все это безобразие общеизвестно. И мы в этой мусорной яме беллетристики и поэзии недурно разбираемся. Мы знаем — мы посвященные, избранные — что отнести к 95 % и что к 5. И допустим на секунду, что романы Рэй-Шуа достойны высшего признания и их следует отнести к 5 %. Но, уверяю вас, — те, кто так высоко ценят мое мастерство, наверняка не нуждаются в моих романах, написанных для улицы и ради заработка. А современная улица со всей ее динамической психологией прет в кино, в цирки, на стадионы, на гульбища, в театры, в кафе, на аттракционы, куда угодно, но во всяком случае — не в книжные магазины, торгующие пережитками и песнями прошлого. И прет справедливо: книга умерла, отжила, отстала. Книга потеряла свои бывалый ореол, свое магнетизирующее значение. Книга — сентиментальность. Книга — духовная фальшь. Книга — гашиш. Книга — тоска. Книга — потеря времени. Книга — канцелярия забав интеллекта. Книга сдохла. Слава романиста — успех у мещан и провинциальных красавиц. Роль книги кончилась, баста. Скучно, нестерпимо-скучно стало развлекать обывателей романчиками, и никакой связи у меня с дураками нет. Поэтому предлагаю выпить за полное отрезвление ума и точное знание своей эпохи. Книга — мертвое дело, я жажду живого. Радостно и благодарно пью рябиновый сок северной осени, в глазах которой чую мудрость. Пьем за мудрость, скованную новой жизнью, пьем за чорт его знает что происходящее!

— За те пью страницы твоей «Последней книги», — подержала Чукка, — где о том говорится, как Хораз однажды сон видел, будто подряд шесть часов на небе ночном, вместе с миллионами жителей Нью-Йорка, большую читал вещь, большими электрическими буквами непрерывно печатавшуюся и большим экраном иллюстрированную. Кажется так это было? А через полгода весь Нью-Йорк действительно эту вещь на небе читал и гений изобретателя славил: Хораз какого-то бедняка электротехника этим изобретате-

лем сделал, а сам в тишине своего кабинета новые вещи выдумывал и в мир посылал. Кажется так? Это понравилось мне и Рэй-Шуа помню я.

— Браво, Чукка, — обрадовался Рэй-Шуа, — тебе-ль, живому Хоразу, нужны мои книги?

— Не желая казаться отсталым, — заговорил Хорт, вместе с другими допив бокал и закуривая новую трубку, — я, пожалуй, согласен в общем, что книга, как условная форма словесного общения с массами, устарела и действительно потеряла магнетизирующее значение. И я согласен, что 95 % макулатурного наводнения отбили веру в книгу и отшибли вкус к чтению. Но я никак не могу смириться с мыслью, чтобы гений Рэй-Шуа пропадал зря, без дела, без смысла, без производства. Гении — провидящие глаза человечества. Гении — единственное оправдание бытия, единственное достижение концентрации мироздания. Гений — капитал, собранный из грошей наших интеллектуальных порывов. И как же можно допустить, чтобы такой капитал, по существу наш коллективный капитал, лежал без работы, без движения. И я буду рад узнать, хотя бы на том свете, что Рэй-Шуа бросил писать книги, а печатает теперь свои вещи на небе электрическими буквами, а кино и гигантский оркестр иллюстрируют великие произведения.

Чукка и Рэй-Шуа расцеловали Хорта, а Диана забила хвостом об пол.

— Не забудь, Хорт, — напоминал Рэй-Шуа, — что только одну десятую своего долга я возвратил тебе. Спорная борьба продолжается. Дело за тренировкой и выдержкой.

— Ладно, ладно, — улыбался Хорт в бутылку керосина, — там посмотрим, а сейчас будет продолжение моего юношеского изобретения. Одевайтесь.

Все оделись.

Хорт, захватив бутылку с керосином и топор, вышел в чулан и снова залез в снежную пору, в конце которой сбоек стоял сосновый пенёк.

Хорт под самым корнем пня вырубил дыру, налил туда керосина, зажег и быстро из поры вылез обратно.

Чукка и Рэй-Шуа догадались в чем тут дело.

Нора сначала наполнилась дымом, но потом дым стал рассеиваться и наконец появился свет: огонь просверлил дыру в небо, снег обтаял кругом горячего пня.

Чукка полезла первой.

За ней — Рэй-Шуа, который тащил на буксире за собой лопату и лыжи.

За лыжами Хорт втолкнул в нору Диану, а сам, предварительно взяв патронташ и ружье, полез последний.

Через полчаса дружной работы, когда достаточно все разогрелись, Чукке было предложено отправиться на лыжах с ружьем за зайцами.

Чукка и Диана обе с восторгом исчезли.

Хорт и Рэй-Шуа принялись откапывать трехаршинной толщины снег.

Установив свои лыжи против предполагаемых дверей землянки, они, закулив трубки, прежде всего решили освободить от снега вход, чтобы к ночи успеть войти в двери.

Сквозь вершинную сеть деревьев сиял молодой месяц.

Кругом предсумеречной синей вуалью было окутано снежное спокойное царство.

Скоро издалека донесся сухой холодный выстрел со стороны Чукки.

Опаловый дым стал сапфирным.

Мертвая нестерпимая тишина и бесконечно-снежная даль, полнейшее безлюдье и 37 по Реомюру ниже нуля, ясно говорили о том, что мир только начинается.

Жизнь только начинается.

Это было видно по следам зайцев и собаки и по следам одиноких лыж...

Хорт и Рэй-Шуа стояли у двери...

Хорт думал о Наоми... О ней — о Наоми...

18. НА ТЯГЕ.

- Хорх-хорх... хорх...
- Цыв-хорх... цыв-хорх...
- Хорх-хорх...
- Цыв-хорх...

Хоркали, пролетая над вечерними вершинами леса, долгоносые, ржаво-бурые вальдшнепы.

Издали скуковала поздняя кукушка:

- Кук-ку... кук-ку... кук-ку... кук-ку...

И смолкла в безответности — поняла, что поздно: пронеслась неясить серая.

Совы-ночники дробно заверещали.

Хризолитовая Венера ярко играла на западной ясной стороне неба.

Веяло юной весенней свежестью.

Безлистные, но чуть с зеленеющими верхушками, стройные белоствольные березки нежно белели среди елочной массы, раскинувшейся по склонам гор.

Сосны и лиственницы важно выделялись ростом и высоким происхождением, будто знали, что из них строили когда-то корабли.

- Хорх... хорх-хорх... хорх...
- Цыв-хорх... хорх-хорх...
- Хорх-цыв...
- Цыв...

Тяга была здесь отличная: вальдшнепы тянули часто, низко и почти до полной темноты.

В трех местах, на трех склонах, стояли на тяге Хорт, Чукка и Рэй-Шуа.

Выстрелы разносились крепкие, раскатные.

Стреляли часто.

Диана с ног сбилась, перебегая от одного охотника к другому, чтобы достаточно убедиться, что далеко не каждый выстрел попадал в цель.

Чукка стреляла больше всех, горячилась, нервничала, хотела удивить соперников добычей, которая не очень-то поддавалась.

Однако, за тридцать выстрелов в этот вечер она получила три долгоносых.

Рэй-Шуа тоже слишком горячился и главным образом потому, что летали комары, которые нагло лезли в глаз каждый раз, как только он вскидывал ружье.

Все же 5 штук из 22 выстрелов он положил в сумку.

Хорт стрелял мало, спокойно, дельно.

Из девяти выстрелов он промазал три.

Диана, изверившись в выстрелах Чукки, не хотела никак бежать к ней, но так как Чукка стояла на заросшей полосе, около большого оврага — то сам Хорт пошел к ней с собакой, считая свои шесть удач достаточным числом.

— Сколько? — тихо спросила Чукка.

— Шесть, — показал на пальцах Хорт.

— У меня три, — завистливо сообщила Чукка, — отец, у меня только три, а я...

— Хорх-хорх... пс... хорх-хорх...

В этот момент пролетал вальдшнеп.

Хорт присел за пень.

Диана припала.

Чукка вскинула, бухнула.

Диана бросилась искать.

Вальдшнеп стрельнул в бок и, хоркая, благополучно исчез.

— Хорх-хорх...

— Отец, мне Дианы стыдно — она уважать меня перестанет, жаловалась Чукка.

Тогда Хорт, воспользовавшись отсутствием Дианы, швырнул своего вальдшнепа из сумки далеко в овраг.

И, когда Диана вернулась разочарованная, Хорт послал ее искать в овраг, и собака, розыскав вальдшнепа, явилась к Чукке торжествующая с добычей: было очевидно, что она снова стала почтительно относиться к охотнице.

Чукка радовалась.

— Теперь право имею еще раза три промазать. Так приятно с волнением стрелять весне навстречу. Диана, на меня не смотри.

В эту минуту гулко разнесся дублет со стороны Рэй-Шуа. Диана кинулась туда.

— Чукка, — пользуйся случаем, — шутил Хорт, раскладывая костер, — стреляй под шумок.

Вальдшнеп тянул, но высоко.

Чукка выстрелила.

Хорканье спокойно продолжалось.

— Высоко, мимо, — вздохнула охотница.

Хорт, с улыбкой раздувая огонь, поглядывал на свою дочь, неизменно сизым отливом, горели ее глаза — два навозных жука.

И вспомнил он детские дни Чукки, когда она оборванная, худая бегала босиком под окнами и все смотрела в небо, как сейчас, будто знала о своей далекой дороге.

И скоро исчезла...

А потом вспомнил он как после долгих лет разлуки снова увидел глаза Чукки, когда вбежала она в кабину аэроплана — там, у Соленого озера.

Ведь только по глазам он сразу узнал ее.

И вот теперь — те же неизменные глаза Чукки — те же два навозных жука смотрят в небо, словно ничего не случилось, а если и случилось, то какие-то пустяки: прошлое — упавшая звезда с ночного неба.

А прошлые отдельные личности — ничто.

— Ничто... ничто... вообще ничто... — повторял Хорт, подкладывая в костер сухие сучья.

Дым стлался по склону вниз, застыв голубым туманом над долиной.

Филин гоготал где-то глубоко в лесу.

Тяга поредела.

Еще свежее стало и темнее, звезды налились.

Рэй-Шуа медленно полз в гору с чайником, наполненным водой, в одной руке, а в другой держал большой шар глины.

Хорт готовил для чайника козелки.

Чукка хозяйничала.

— Ну, чорт, помогай, — вздыхал перегруженный Рэй-Шуа — еще десяток метров к звездам, и я у цели. Сегодня мы закатим ужин именинный. Нну, ухх... Мы отменно справим пришествие весны. Хорт, не забыл ли ты что-нибудь? Нну, ухх...

— А ты меньше разговаривай, — советовал Хорт, — когда лезешь в гору, а то выскочит у тебя глинянный шар и укатится во-свояси.

— Я, милый мой, — не унывал Рэй-Шуа, — в шар воткнул свои пять когтей и ему не вырваться. Больше боюсь за чайник—вода еще дальше глины. Ухх...

Когда, наконец, Рэй-Шуа разгрузился, Хорт поставил чайник на огонь.

Чукка, отрезав у пяти вальдшнепов головы и половину ног, не трогая перья, выпотрошила их и, положив в нутро масла, и посолив, передала Рэй-Шуа, который закатав в глину, как в яйцо, каждую птицу, положил в огонь жарить дичь. Это он делал мастерски.

Через сорок минут, когда все было налажено, Рэй-Шуа с важным видом знатока достал из глиняных яиц вальдшнепов, перья которых отделились, пристав к стенкам скорлупы.

Остро-вкусный аромат обвеял охотников.

Хорт налил по бокалу вина.

Все чокнулись за праздник весны, и ужин начался.

Чукка и Хорт хвалили мастера, ловко зажарившего дичь.

— Браво, романист, браво!

— Вот если бы я, — начал Рэй-Шуа, обгладывая жирную грудную косточку, — как вальдшнепов, мог быстро и вкусно зажаривать романы, — о, я бы тогда не бросил своего писательства. А то изволь сиди целые дни, недели, месяцы и мрачно, упорно-тоскливо высиживай свое загадочное произведение. И при этом тебе никак не известно, — понравится твое, пахнущее потом и кровью угощение, или нет, или не особенно. Ты же ходи, расправляй свою спину, массируй позвоночник, сколько достанешь, и кротко слушай, и нежно смотри усталыми глазами, как какие-нибудь критики

из коммивояжеров будут скверно говорить или дурачки писать о твоей каторжной работе. А если даже и расхвалят — тоже мало интересно и — главное — не нужно. Я принципиально не читаю, что обо мне пишут.

— Кажется, — перебил Хорт, разжевывая кусочек от ножки и наливая по второму бокалу вина, — мы присутствуем при редком случае, когда писатель из кожи вон лезет, чтобы доказать в сотый раз, что писать не надо...

— Да, не надо! Чорт пусть рогами пишет, — горячился романист, — ему легче — это не его специальность, а мне трудно — у меня ноет спина от писания романов. К тому же гонорара хватает на 2-3 месяца. Не продай я свои книги для новых изданий нью-йоркскому издательству, сидел бы без текущего счета и не мог бы поехать с вами. Только финансы и оправдывают мое темное прошлое. А со славой — чорт с ней. Джек Питч и Ниа, и Наоми наперебой пишут о моем успехе, я же, ради спорта, смотрю только за возрастающей мускулатурой гонорара. Как и ты, Хорт, я убийственно нуждался в молодости и тогда меня гнали, били, не хотели помочь, не желали признать. Теперь мне это не интересно, ничуть, ни капли. И я допиваю свой бокал за тягу, за эту белую ночь весны, за волшебную нашу охотницу, за ее отца — отличного стрелка, за преданность нашей собаки. Пьем, празднуем!

Рэй-Шуа поцеловал Диану в холодное чутье.

Собака облизала свои губы, забила хвостом.

Чайник бурлил.

Хорт думал о Наоми... О ней...

Где-то в стороне слышалось позднее:

— Хорх-хорх...

19. НАОМИ ПИСАЛА...

«Бесконечно дорогие люди, милые друзья — Чукка, Хорт, Рэй-Шуа.

Где вы? Почему так далеко от меня, что мне кажется, едва ли эти строки дойдут до вас, и вы — настоящие вы, которых я горячо люблю и помню — вы в самом деле своими глазами прочтете это письмо. Ну, буду верить, буду писать, писать с тем волнением, знакомым сияющим волнением, с каким привыкла встречать вас.

Прежде всего напоминаю, что я ваша птичка Наоми — стала взрослой, большой, серьезной, о чем упорно пишу в каждом письме к вам.

Я выросла настолько, что даже самой страшно и почти неловко.

Девушки моих лет — я это вижу — кажутся мне глупенькими мелкими девочками и с ними мне невыносимо скучно и пусто.

И я одиночествую...

Мой учитель и друг Хорт Джойс покинул меня — свою ученицу. Что делать мне?

Ведь это он — учитель мой — виноват в моем всевозрастающем разумении, в моем остром, обоснованном вкусе, в моей высокой интуиции, в моей светлой воле, как виноват в тоске моей по любимейшим друзьям, скрывшимся в лесах глубокого сурового севера.

И все же — девочка я в сравнении с вами и мне простительны будут эти строки, если я вздумаю рассуждать, будто впрямь взрослая.

Впрочем, и в рассуждениях я — ученица своего дорогого учителя: так беспредельно много он дал мне, насытил, окрылил, одухотворил.

Каждую секунду я чувствую его направляющую волю, как чувствую и Чукку и Рэй-Шуа.

Вы трое для меня — три непостижимых явления, три чуда, три мира, три счастья.

А то, что все вы трое вместе и где-то там — в землянке северных лесных гор, у холодной реки, — это захватывает мой дух от величия, я почти задыхаюсь от удивления и все, около вас совершившееся мне представляется фантастическим, сказочным, невероятным.

Я рвусь к вам!

Но, как недостойная, смолкаю в немоте.

Я завидую счастью Дианы, что она с вами и смотрит па вас, и слушает слова. Завидую.

О, конечно, Диана лучше, интереснее меня: недаром же вы с таким восторгом пишете мне, как она изумительно достает подстреленных уток из середины заросшего озера, какие она делает крепкие умные стойки, как она чудесно анонсирует о ею найденной дичи.

Счастливая Диана, если бы ты знала, — какая у тебя есть завистница, ревнивая Наоми.

Всем существом рвусь к вам.

И мне позволили бы в любой момент мои родители уехать к вам, в гости.

Но... никогда, никогда не позволит Хорт.

С ним я не решаюсь об этом говорить и даже не прошу тебя, Чукка.

Не прошу.

Потому что понимаю Хорта: ведь сам он пишет, что жить осталось ему менее двух лет и не надо усложнять жизнь встречами и излишними пустыми разговорами, не надо разбавлять вино водой, не надо опускать натянутых струн...

Он прав. Зачем я ему — внешнее развлечение — птичка Наоми, умеющая только петь, забавлять.

И лишь мысль, что я не увижу Хорта, никогда не увижу, пугает, давит меня, колет душу и иногда я вдруг закусываю губы, как от страшной боли...

Милый Хорт, неужели так странно, так нелепо устроена жизнь, что ты считаешь нашу разлуку окончательной и справедливой?

Почему? Во имя чего тогда растет тоска по тебе, будто мы одно существо, связанное, спаянное судьбой, и во имя

чего ты пишешь волнующие слова и тем увеличиваешь нестерпимость тоски моей?

И что делать с собой мне дальше? Научи.

Я сознаю вполне и ясно вижу всю правоту твоего положения и душевного состояния, когда ты кончаешь жизнь, а я начинаю.

Когда ты нашел спокойствие мудреца, а я — сплошное горение и беспокойство...

Раньше иногда — теперь чаще и явственнее я вижу сны, что ты, Хорт, муж мой...

И мне безгранично-изумительно жить с тобой...

Будто весеннее солнце ты, и я цветок раскрытый, цветущий навстречу тебе, и волшебное мне под небом лучей твоих....

Вот о чем говорю я тебе: Хорт, ты муж мой...

Научи, открой, скажи, напиши об этом — как быть мне дальше?

И напиши, или нет — лучше не пиши о снах твоих, если видишь меня...

Не пиши, не надо: я так боюсь узнать — а вдруг ты не видишь меня женой...

Но может ли это быть? Нет, не пиши.

Дай поверить мне, что не может быть...

Что ты и я — одно существо, с того самого момента, когда увидела тебя в гавани, когда нашла тебя.

Хорт, Хорт, вот о чем я пишу.

Слезы падают на эти строки, и ты поцелуй их.

Ты пожалей и согрей меня — одинокую, далекую птичку твою. Наоми твою.

Ты скажи мне: во имя чего эти сны, эта тоска, эти слова, эти мысли.

Помоги разобраться мне в происходящем.

Или это все зря и надо молчать...

Но не ты ли говорил: «Ничего на свете зря не происходит» — ведь не зря же мы встретились, не зря жили так дружно, не зря верили, что найдем Чукку, не зря ты нашел Рэй-Шуа.

И сотни других «не зря» совершились.

Так почему же, почему мы расстались так неверно, нелепо, не смотря в глаза друг другу.

Расстались зря.

Я помню: вы все трое замолкли, стихли, старались быть спокойными, делали вид, будто разлучаемся не надолго и со мной никто из вас ничего не говорил.

Тогда я меньше, глупее была и плохо соображала, что делается, но прекрасно чувствовала, хотя и не умела выразить боль тоски словами.

Помню и тогда я не понимала, каким образом такие большие, великие, замечательные люди могли вдруг покинуть, оставить меня — девочку — так преданно-горячо любящую вас и никогда ни на секунду не остывающую и теперь.

Мне все казалось, что это просто случайно вышло, что все это устроится лучше, справедливее, проще, как-то само собой.

Но вот идут месяц за месяцем, год за годом...

Я одиночеству...

В ночах нестерпимой тоски я зову, призываю вас троих и особенно Хорта.

А Хорт спокойно пишет, что менее двух лет осталось ему дожить, и хотя мое отсутствие глубоко огорчает, даже убивает его, но он умеет владеть своей волей, своим разумом, своим сердцем, чтобы заставить считать себя освобожденным от меня, своего юного покинутого друга.

Ах, Хорт, Хорт.

Никто, как только ты один знаешь — чего мне стоит писать эти строки, не рассчитывая даже на то, что письмо благополучно дойдет — так далеко ты, любимый друг и учитель уехал от Наоми, от бедной, навеки опечаленной птички.

Сама я говорю себе: бедная Наоми, отчего же так больно стучит твое сердце, а глаза устремлены в даль, на север? Разве ты ждешь счастья? Напрасно...

Да, напрасно...

Как напрасно я решаюсь писать такие неожиданные для вас письма, но вы все умеете молчать друг перед другом, если этого требует высшее соображение, а я не сумела...

Знаю, пусть, что Хорт все равно никогда не позволит мне приехать к нему, но я хочу, чтобы он написал мне, — в чем же справедливость нашей разлуки и как быть мне дальше.

Север и юг.

Знаю — мы живем на двух противоположных полюсах — смерти и жизни.

И я знаю другое: все условно, все относительно.

Здесь — юг, здесь — южная моя юность, мои тропические дни, но вся моя жизнь, все существо — там у вас, на севере, с вами в землянке, с Хортом, в глухом лесу.

Здесь — юг, но смерть...

Если я останусь здесь — мы равны с учителем — я умру в день смерти Хорта.

Старость и юность — один мир, одна легенда о жизни, одна законченная песня.

Я — в мудрой старости Хорта, а его юность — во мне: ведь Хорт в своей второй жизни не был согрет любовью возлюбленной, любовью подруги.

И мне, быть может, было назначено воистину стать его женой.

Но так не случилось, не произошло, не совершилось.

Я осталась одна, без значения, без смысла и это меня тяготит, угнетает.

Моя судьба была жить с вами.

Но ты, Хорт, ты отстранил меня выдуманной, неискренней, искусственной волей, и я гибну жертвой твоей роковой ошибки...

От своей прирожденной скромности, высшей деликатности и всяких высоких соображений, ты, Хорт, и все вы вместе, оставили, покинули меня...

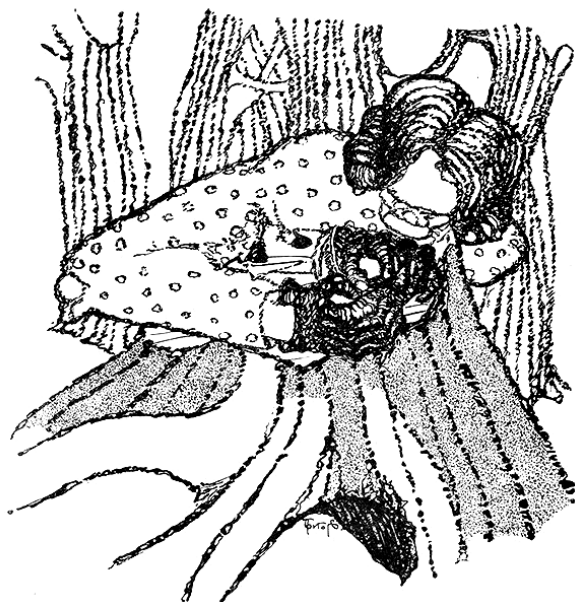
Счастливая Диана, я не перестану завидовать тебе, не перестану...

Кончаю писать в слезах.

Прощай, Хорт, любимый, единственный мой друг, чья жизнь — моя жизнь.

Прощайте, Чукка, Рэй-Шуа, с горячей любовью целую вас. Я с вами. Наоми».

Кончив эти строки, Наоми — вся в острой тоске и в тумане мучительных слез — долго не знала: отправить ли это письмо или разорвать?..

20. ПЕРЕД СМЕРТЬЮ УХОДИТ ЗВЕРЬ.

Летняя охота началась.

Чукка, Рэй-Шуа и Диана с утра ушли с ружьями бродить по мелким заросшим озерам.

От каждого выстрела утиные выводки с шумом перелетали с озера на озеро, падая комьями куда-нибудь в гущу камыша, прячась от охотников.

Но Диана шла верхним чутьем и выгоняла добычу на воздух, стараясь поднять уток навстречу выстрелам.

— Трах-траррах, — разносилось крепко кругом в солнечной тишине и только опаловое облачко от выстрела недвижно висело в стоячем воздухе, лениво тая.

Лето здесь было дождливое — почти через день-два крупными переувалками сыпали, как горох, дожди.

На радость уткам — к озеру, густо-заросшему, нельзя было близко подойти.

Диана шлепала в воде усердно, часто по пути сганивая бекасов или тяжелых на под'ем дупелей.

Чукка тренировалась на быстрых бекасах, взяв из 10 выстрелов двух, зато три кряквы и четыре чирка плотно лежали в ее сумке.

Чуть больше дичи тащил и Рэй-Шуа.

Охотники решили отдохнуть, выпить по чашке чаю с сухарями, намазанными желтками, и пойти тихонько домой, так как усталости, ноши и пути было вполне достаточно.

Даже неустанная на охоте Диана и та обрадовалась случаю подсушиться на солнце и вылизать свои лапы.

На пригорке у озера Рэй-Шуа развел костер и поставил кипятить чайник.

Чукка сняла обувь, освободилась от лишней одежды, вымылась у озера и легла у костра.

То же проделал и Рэй-Шуа.

Диана сопела от удовольствия, поджидая сухарей и прислушиваясь к приозерным звукам: а вдруг накатится уточка...

Костер потрескивал под тихий разговор.

— О чем ты думаешь, Чукка?

— Вот я глаза закрыла и вижу: отец на маленькой лодке рыбачить выехал, но в реке его мысли не тонут. Он беспокоен сердцем — Наоми перед собой он видит, будто с ним она и говорит слова ему, на цветы похожие.

— Быть может, на почте есть письмо от Наоми — надо завтра поехать.

— Надо.

— С утра я отправлюсь на почту и возьму ружье.

— Возьми.

— Если ты хочешь — я могу, не теряя времени, отправиться сегодня же вечером.

— Хочу.

— Прекрасно. Значит — ты знаешь, что письмо от Наоми есть, и оно очень нужно Хорту.

— Да.

— Знаешь ли ты содержание письма?

— Знаю.

— И ты будешь молчать, пока Хорт сам не прочтет письма?

— Буду...

— Ждала ли ты этого письма?

— Ждала...

— Теперь мне понятно — в чем дело... Мне жаль Хорта и жаль Наоми.

— Жаль...

— Еще так недавно казалось, что Хорт обвеян полным спокойствием и тишиной мира, и вместе с ним мы. А теперь шумит ветер, и на горизонте стая облачных птиц. Что несут они — эти белые птицы? Или так должно было случиться?

— Должно...

— Не говорил ли Хорт: если зверь почует гибель, он мудро уходит в самую отчаянную глушь и залезает в нору, как в могилу. Перед смертью уходит зверь. Так ушли многие мудрецы. Хорт понимал это и готовился. Но теперь — что будет теперь?...

— Отец весь в борьбе между двумя жизнями. Старый, прежний Хорт в рыбацкой лодке сидит и в глушь лесную смотрит, куда перед смертью зверь уходит. Прежний Хорт очень устал от прошлого и как отдохнуть не пожелать ему? Как, что не сделали мы, чтобы спокойствием его не обвеять, с природой космически не слить? Здесь ли в родных горах севера — не дома он? И мне казалось, что спокойствие наруσιμο его охраняет...

— Может быть мы совершили ошибку?...

— Да. Второй, новый Хорт в рыбацкой лодке сидит и в небесные глаза Наоми юношески смотрит и ароматные, как стебель Оа, слова слушает. Это Наоми ему о второй новой жизни говорит, потому что сама в гавани Хорта нашла, любит его и никакой его другой жизни не знает и знать не хочет, не умеет, не может. Юность связывает, юность в одно русло две реки сливает, юность свои утренние песни дням впереди посылает, — дорогам своим неуступчивым. Юность дней их ряды сомкнула. Хорт и Наоми крепче друг с другом связаны, чем предполагать мы могли...

— Хорт довольно успешно, — первый, прежний Хорт боролся с юным, новым Хортом. Однако, этот второй пересиливает. Наоми достаточно выросла, чтобы познать непростительность нашей ошибки, которую мы могли предвидеть. Но мы предпочли молчать об этом и что же? Выходит так, будто у Наоми насильственно мы отняли ею найденное счастье великой дружбы.

— Мне кажется об этой правде своей юности пишет она...

— О, еще бы! Мы — большие люди, в ее глазах, прекрасно воспользовались ее беспомощностью, неопытностью, юностью и кажущейся неразумностью и оставили покинули девочку, предварительно озарив ее своей дружбой — дружбой редких, значительных людей. Часто мы — исключительные люди — поступаем именно так с теми, чья трогательная преданность, как Наоми, беззаветно отдается нам... Впрочем, мы больше думали о Хорте, чтобы помочь интереснее дожить ему до конца, но теперь я боюсь, что Хорт не особенно благодарен нашему эгоизму, тройному эгоиз-

му, чорт его дери!

Рэй-Шуа встал и снял вскипевший чайник.

Чукка приготовила чай и закуску.

Диана затрещала, захрумкала сухарями.

Солнце безмятежно сияло, отражаясь расплавленным серебром в озере.

Пахучая, зеленая тишина рассекалась стрекотанием кузнечиков.

Чукка и Рэй-Шуа молча пили чай, каждый думая про себя о предчувственной встрече с Хортом, от которого нельзя было скрыть этого разговора, — все равно — он сам бы немедленно догадался.

Через час охотники были на пути к дому.

Диана бодро бежала впереди, между прочим, забегая всюду в стороны, чтобы не пропустить случайных находок.

— Отец, наверно, твоего совета спросит. Готов ли ты, Рэй-Шуа, ему помочь?

— Более в трудном положении я еще не был, признаюсь.

— Подумай...

— Согласно своему испытанному обычаю я прежде всего обязан выслушать всяческие соображения Хорта; а в данном случае и его сердечные переживания, о которых он до сих пор умалчивал, находясь в стадии борьбы, когда преимущество было на стороне первого, прежнего Хорта. Это молчание было естественным. Теперь — иное дело. Очевидно радио-мысли Наоми волей сконцентрированных желаний стали работать активно и картина положения Хорта резко изменилась. Он потерял власть своего философского спокойствия и — мне думается — потерял добровольно. Если, по словам твоим, юность дней их ряды сомкнула, что неоспоримо, — то едва ли что помешает Хорту, второму, новому Хорту встретиться с Наоми. Когда? Это большой вопрос высокой важности. Различность времени даст различные результаты.

— На месте отца что сделал бы ты?

— То, что сделает Хорт. Что? Я не знаю, потому что не знаю силы магнетических обменов, связывающих звено

выделения энергии между этими двумя радио-станциями. Поэтому постороннему наблюдателю трудно бывает учесть сумму радиоработы чужих сообщений. Тем более, что и сами-то они не в состоянии учесть этой суммы последствий, так как работа в данном случае ведется почти подсознательно, как у большинства. Неисследованность этой области мешает одинаково всем делать какие-либо точные заключения, но я не перестаю уважать свою литературную теорию о радио-мысли, так как ты, Чукка, явилась истинной ассистенткой профессора Хораза. Твоей работы реальные результаты не подлежат сомнению. Твоя интуиция — гениальна. Это плоды практики. В недалеком будущем центры радио-восприятия так от тренировки полного сознания будут развиты, и точно установлены, что великое множество всяких тайн и чудес будет вскрыто, учтено, как материализованная сущность, как психо-физическое явление. Дело за наукой и только за наукой. Хорт говорит верно, что идеалисты и мистики существуют за счет молодости нашей науки. Первоначальный расцвет науки — есть первоначальный расцвет человечества. Впереди будет легче. Даже нам будет легче, так шагает культура. Мир только начинается...

— Но отцу немного более года жить осталось... Ему как помочь?

Рэй-Шуа остановился, чтобы закурить трубку и поправить ремни своих набитых сумок, надавивших плечи.

Диана рыскала по кустам.

Чукка также поправила ремни.

— Ты устала, Чукка? Дай мне твою сумку — я понесу часть дороги, хоть часть дороги.

— Нет. Больше устала я об отце думать, потому что жаль сердце его, волнением зажженное. А он так был рад еще недавно, когда покоем, тишиной, отдаленностью жил, хоть и грустил о Наоми, но тихо грустил. И что так будет — не ждал, нет. Знаю я.

— Но Хорт мог думать, воображать на момент и снова откидывать близкие мысли о Наоми. И вероятно, Наоми снилась ему. Хорт умеет молчать — теперь это очевидно.

— Отец боролся, насколько сил хватало, боролся за прежнего, первого себя и потому еще, что приближение сроков ясно видел.

— Перед смертью уходит зверь...

— Тишины ищет, в покой уходит.

— Мудрость уводит.

— Это прекрасно.

— И вот...

— Вторая жизнь.

— Ничего общего не имеющая с первой.

— И эта вторая побеждает.

— Но не победит смерти?

— Нет...

— Однако, вторая жизнь победив первую, хоть временно взбудоражит безоблачный вечерний покой захода Хорта и — кто знает — какие будут последствия, в какую форму выльется план новой жизни при новых условиях. Ясно, одно, что мы накануне больших перемен.

— Если Наоми будет здесь?

— Разумеется.

— Будет ли?

— Возможно.

— Ах... — вскрикнула Чукка, схватившись за голову, будто от удара.

— Что случилось? Чукка? Что? А? — волновался Рэй-Шуа, смотря в закрытые глаза остановившейся вдруг Чукки.

Молчание длилось несколько минут, пока Чукка могла сказать:

— Знаю. Отца нет дома... Нет...

Почти бегом бросились Чукка и Рэй-Шуа к дому, без слов, молча, взволнованные.

Глаза их были остро устремлены вперед, где открывалась река и далеко можно было видеть на бирюзовой глади чернеющую рыбацкую лодку Хорта или же обычно чернелась она, причаленная у берега, около моторной лодки.

— Отца нет дома.

Рэй-Шуа убедился, что действительно лодки Хорта не было видно.

Через следующие пол-часа изумленные, бледные они читали в землянке письмо Хорта, оставленное на столе.

Хорт писал:

«Чукка и Рэй-Шуа. Я скрылся. Несколько часов вашего отсутствия мне было крайне недостаточно, чтобы в полном объеме обдумать создавшееся положение... Да — речь идет о Наоми, за письмом которой я отправился на почтовую станцию. Я глубоко почувствовал все содержание пришедшего письма, всю правду нашей любимой подруга и нашел силы, если потребуется (это будет видно из письма Наоми) уйти с ее письмом куда-нибудь в глушь леса, в горы, уйти на несколько дней, чтобы принять какое-либо решение.

Я взял ружье, чайник и сумку с сухарями. Я не забыл взять табак, спички и охотничий нож. Я ничего не забыл, знайте и будьте спокойны. Меня не ищите, не надо. Прощу.

Видно, судьба посылает мне еще одно великое испытание... Принимаю. Что делать: мне даны две жизни и надо ответить за каждую. Будьте же спокойны. Хорт».

21. УРАГАН В ЛЕСУ.

Гррррррр...грррр...гррр...грр...гр...

Гремел гром, горем громко гремел, разрушая, раска-
тывая яро громадные горы.

Грррррр....

Лезвие, отточенное и раскаленное в боях, огненное лез-
вие молнии, будто гигантский кинжал взмахами наотмашь
встречаясь в смертной схватке с другими кинжалами, — это
лезвие резало, раскrojивало, кололо и жгло синие, как ночь,
тучи, насыщенные, вздутые, злобные тучи.

Гррррррр...

Непрерывно гремел гром, потрясая мир.

Ветер гнул лесные вершины, мотал их высокие головы,
таскал за зеленые волосы, беззубо хохотал.

Ххххх... хххх...уххх...ыххх...

Ветер рвал и метал сучья, листья, ветви, мох.

Ветер выл, стонал, ухал, гнал.

Дождь переходил в град.

И новые натаски ураганного вихря вырывали деревья с
корнями.

Гррррррр....

Грозил крепкий крупный гром.

Взвизгивала огнем пронзительная молния.

Грррррр...

Снова барахтался в горах гром.

Снова ветер деревья таскал за зеленые волосы.

Все вымерло, все припало, все влезло в черные поры,
все ждало милости, спасения, пощады.

Все ждало разрушения, конца.

С треском, стоном валились на смерть старые полуис-
сохшие, высоченные ели, пихты, березы, осины.

Хорт, как в нору зверь, залез в дупло высокого пня и
ждал вместе со всем зверьем или спасения или гибели.

Он покорно ждал короткого исполинского кинжала и
последняя мысль его — кроткая, тихая, будто лесной лан-

дыш, мысль его была о Наоми...

И если бы огненным лезвием поразила молния Хорта, то в прижатой к груди левой руке вспыхнуло бы, сгорело бы письмо любимой подруги, сожглось бы вместе с сердцем, вместе с последней мыслью...

И пусть.

Разве в стихийном безумии ураганной грозы не видел Хорт оправдания, когда с благодарным стоном валились на землю высокие, как он, старые, седые, как он, отжившие ели.

Он покорно ждал, прижимая к груди письмо.

Ждал благодарного конца.

Ждал весь ушедший в себя, весь готовый каждую секунду со светлой улыбкой мудреца отдать свою жизнь.

А молния рыскала по лесу, ослепляя убийственным блеском, будто искала жертву, будто искала Хорта.

Гррррррррр.

Грозил гремучий, страшный гром.

Но Хорту не было страшно: его личное безумие, овладевшее им в эти дни, не уступало по величию его бушующим переживаниям.

Ураган в лесу — был ураганом в лесу его прожитых дней за сорок девять лет.

Все стихийным разом, все — что называлось жизнью — вдруг всколыхнулось, восстало, взметнулось, взбудоражилось, взвыло, взгремело.

Дремучий лес обретений и противоречий, дикий лес тайн и загадок, зеленый лес вопросов и ответов, шумный лес надежд и порывов, северный лес холода и одиночества, девственный лес страданий и тоски, весенний лес радости и счастья, голубой лес солнца и юности, новый лес неизведанных приливов, — весь этот мятущийся лес прожитых и будущих дней гудел, взывал, трещал под грозным громом налетевшего урагана.

Тучи черными буйными крыльями закрыли безоблачную бирюзу покоя.

Гибель или спасение?

Начало или конец мира?

Борьба, борьба.

Что будет, что станет, что совершится?

Хватило бы сил выдержать, вынести, пережить.

А если не хватит? — Вот он каждое мгновение готов отдать жизнь. Готов.

Гррррр...

Кругом гремит ураганный гром.

— «Хорт, Хорт», — слышится светлое утешение, — «Хорт, Хорт»...

И Хорт ясно, среди общего сумбурного шума, понимает, сознает, чувствует, что это голос Наоми.

— Прощай, Наоми, прощай, — шепчет он, — может быть прощай... Прости меня... Все помню, за все благодарю... Прости меня... Еще не знаю, что будет... Ураган... Молния... Гром... Гибель или спасение? Лес, лес, лес... Сотни, тысячи, миллионы дней искрометными призраками несутся перед глазами: вспоминаются века, тысячелетия, пространства, зачатие мироздания, туманности...

Лесная гуща стонет, дрожит от потрясения.

Молния разума убийственно сверкает.

Гром раскатывает горы горя.

Чудовищным призраком, обросшим седым мохом и сушьями, носится косматый вихрь, похожий на обезумевшего старого Хорта.

Жуть леденит кровь.

— «Хорт, Хорт», — тихо проносится где-то над головой голос дыхания любимой: «Хорт, Хорт»...

— Слышу... Да... — мгновенно отвечает он, с ужасом наблюдая за косматым вихрем седых волос старого Хорта, сумасшедшего с веревкой на шее Хорта.

И снова нож. в сердце — молния.

И снова удар в голову — свирепый гром.

Гррррр...

Конец мира? Вот..

Нет...

Еще нет...

Еще секунда жизни.

Еще голос утешения:

— «Хорт, Хорт»...

В бурнопламенной фантастической пляске сошлись в общую кучу, слились в один хоровод все пережитые Хортом события за все сорок девять лет, и, быть может, в последний раз в последнем безобразном кривлянии хотели показать ему всю панораму его человеческого прошлого, в чем он силился разобраться, в чем желал найти оправдание своего разумного существа, в чем видел, стремился увидеть смысл бытия...

Но не сгорбился от ударов и ужасов Хорт.

Не склонил гордой головы перед взмахом неминуемой гибели.

Не поддался страшному, чудовищному, косматому вихрю — старому Хорту.

Не смутился уничтожающей мерзости хаоса своего нелепого прошлого, когда в бухгалтерии служебную уборную чистил и не знал, что то время и долго после — юностью называлось, светлой юностью; когда потом, раздавленный бедностью, горем, унижением, безысходностью до могилы, с веревкой в кармане, пьяный, измызганный дошел...

Не испугался ножа к горлу приставленного.

Не дрогнул в мучительной борьбе двух Хортов, двух разных враждебных жизней.

Претерпел все ужасы бессмысленного горения во имя высшей воли, высшего разума.

И вот...

Кончилась ураганная гроза — кончилась борьба двух Хортов...

Спасение пришло!

Победил второй, новый, юный, сияющий Хорт, преисполненный любви и жажды жизни.

Радугой, бриллиантовой радугой после дождя одиночества обвил он свою высокую взнесенную голову.

И вот...

Воссолнилось снова солнце на безоблачном небе, снова бирюзовым покоем вздохнула грудь, снова продолжался тихий, безмятежный день и только крупные радужные кап-

ли, как серьги алмазные, висели на ушах ветвей и говорили о прошлом...

Да вывороченные с корнями мирно лежали старые лесины, напоминая конченное.

— «Хорт, эй, Хорт», — ясно, четко, счастливо, но еще неуверенно разнеслось за плечами.

Хорт вылез из дупла, отряхнулся, расправил окоченевшие кости, с неизменной улыбкой посмотрел вслед ушедшему урагану, вышел на солнечное место, взглянул на небо, на царственное спокойствие вокруг, на упавшие деревья, на радугу, прислушался, сел на пенек, снял кэпи, ружье к пеньку прислонил, потер лоб мокрой травой, прокашлялся, вздохнул глубоко полной грудью, ворот рубахи растегнул, медленно достал табак, трубку, медленно закурил.

С горы далеко было видно вокруг.

Голубой змеей ползла лесная речка, утопая в цветущей зелени.

Гигантские волны изумрудных гор застыли в океане солнечного покоя.

Ничто вокруг не скрывало торжественной радости спасения от грозного нашествия свирепой бури.

Все слилось в едином гимне счастья сочного ощущения жизни.

Всему спасшемуся даже ясно казалось, что страшное прошлое произошло к лучшему, к совершенному, к изумительному.

Никому и ничему не было жаль неустоявших в борьбе, — напротив все кругом сознавало и очень радостно, что очистительная гибель слабых и отживших — дивный порядок.

Что главное — приятно спастись и чувствовать себя сильным, устоявшим в борьбе.

Вдруг Хорт увидел внизу, под горой, как из опушки речного леса вышел матёрый медведь, направился к речке, напился воды, переплыл на другой берег и зашагал в гору, в сторону- Хорта.

Хорт достал медвежьих патроны, вложил в свою централку, стал ждать бурого врага, не вставая, и только, на всякий случай, надел кэпи, но курить он не переставал.

Медведь шел на-прямик к охотнику — это было слышно по треску и легкому фырканию.

Не доходя почти на выстрел расстояния, медведь остановился, зачуяв близость жертвы, и наконец Хорт увидел, как зверь поднялся на дыбы, и, обнюхивая воздух, стал разглядывать охотника, также поднявшегося на ноги.

Хорт спокойно ждал, не расставаясь со своей улыбкой, покуривая.

Медведь подошел еще поближе и снова вскочил на дыбы, скрестив громадные лапы.

Хорт ясно увидел, что никакого на этот раз врага в медведе нет — зверь, повернув на бок голову, с очевидным любопытством разглядывал редкого зверя.

Хорт опустил ружье.

Где-то в стороне запикала рябчиха.

Жук прожужжал под ногами.

Две пары упорных звериных глаз решили мирно разойтись.

Медведь, удовлетворенный зрелищем, опустился и зашагал, похрапывая в сторону, от приятной встречи.

Хорт снял кэпи и снова сел на пенек, прислонив к коленям ружье, продолжая трубку.

Он был очень доволен, что все обошлось без кровавых недоразумений, так как более благоприятного случая для мирной встречи не было.

Хорт решил тронуться в путь, к своей лодке, чтобы к ночи дойти до реки, переночевать на берегу, у костра, и завтра утром отправиться домой.

По дороге он встретил глухариний выводок, но и на глухарят не поднялась сегодня мирная рука: всеобщий праздник торжества сильных убедительно действовал.

Хорт прибавил шагу, ощущая прилив бодрости.

Спелая, крупная малина, встречавшаяся всюду, утоляла жажду.

С фурканьем вылетали из малины рябчики и ловко прятались в еловых вершинах.

С ветвей падали алмазные серьги.

Всюду попадались грибы: белые, красноголовики, обабки, синявки, грузди, рыжики.

Столько блага было рассыпано вокруг на великие пространства — для кого? Зачем? Неизвестно.

Ни единого человека нельзя, невозможно хоть где-нибудь встретить здесь. Никого.

Только по реке кой-где на далекие расстояния ютятся поселки — таков север.

И все это беспредельно нравилось Хорту; часто ему даже казалось, что не будь именно такого дикого, безлюдного, но насыщенного величием севера — не было бы в жизни ни глубины, ни мудрости, ни грандиозности, ни легенд.

Хорт космически был слит с севером.

Жил его жизнью, смотрел его глазами, думал его мудростью, рос его ростом, бился его сердцем, любил ждать осенью зиму, зимой весну, весной лето, летом осень, любил всех зверей, птиц, растения, лес, всю видимую и невидимую животину, сам себя не отделял от крапивы или глухаря, от солнца или лесного ручья, от жужелиц или озерных водорослей.

Не раз об этом Хорт вечерами перед сном рассказывал Наоми, тоскуя о своем севере, о своей земле, родившей его, о дочери севера — Чукке.

Поэтому Наоми, заранее насыщенная волнующими знаниями о севере, заранее любившая родину Хорта, быть может помимо всего другого, так нестерпимо тянуло сюда...

Обо всем этом раздумывал Хорт, пока наконец не подошел к потайному прибрежному месту, где в маленьком мысочке была спрятана его лодка.

Убедившись в ее благополучии, он развел костер и поставил чайник с ключевой водой.

Выкупался в реке, прилег к костру, закурил, достал из кармана блок-нот, карандаш и начал писать:

«Подруга любимая, Наоми.

За эти пять дней, что скитаюсь один я в лесу, у реки, за эти пять эпох великого времени много множество раз брался я за карандаш, чтобы ответить тебе, но не мог...

В борьбе горел я, дух был об'ят пламенем ярости смертной встречи одного Хорта с другим. Победил я — новый, второй, юный, твой Хорт, друг твоей юности. Теперь я спокоен за себя и пишу эти строки на берегу своей реки, у коистра. С неба смотрят молодой месяц и вечерняя звезда. Они согласны со мной: спокойствие да не оставит меня до конца. Чукка и Рэй-Шуа знают, что жизнь есть жизнь, и не осудят меня. Мне только чуть стыдно своих седых волос и заржавленных морщин на лбу. Но что делать — кому остается дожить немного более года — поздно красить волосы и заниматься массажем; это скучно к тому же. Я никогда не умел следить за своей внешностью. И ты, Наоми, должна помнить об этом — здесь трудно остаться франтом. И ты не забудь — я постарел, подурнел, опустился. Правда, годы мои — сорок девять лет, не такие страшные, но все же я — старик; хотя и, как говорит Рэй-Шуа, «профессорский пейзаж» у меня.

Очевидно Хорта выручает высокий рост. Наоми, о таких пустяках ты должна помнить обязательно, чтобы не очень смущать меня... Вообще я готов к тому, чтобы выглядеть несколько смешным или просто забавным в сравнении с тобой, — принцессой.

Воображаю тебя в нашей землянке! О, Наоми, что придумала ты, птичка наша золотая, тропическая. Сказку, легенду ты спутала с буднями обыкновенного бытия, фантазию и увлечения ты перелила в реальную форму, ты — чьи крылья еще не тронуты в борьбе за жизнь — и вот ты, подруга наша, птичка наша, принцесса наша, решила в гости приехать к нам, на север, в лесную глушь, в медвежью берлогу, в тихую землянку нашу, в далекий край.

Ну что же? Приезжай, любимая, если крылья твои рвутся к нам, если сердце по-прежнему преисполнено дружбы, если тоскуешь ты по берлоге нашей, если готова разделить с нами лесные дин, если хочешь проводить меня.. Приезжай, Наоми. Пусть сказки и легенды снизойдут на землю и украсят будничную жизнь. Ты только не пугайся суровой обстановки и слиш- <...> к нам, если сердце попрежнему

преисполнено дружбы, если <...> пример*, мы тут запросто встречаемся с громадными медведями и совершенно не видим людей за редкими исключениями, когда раз в месяц кто-нибудь из нас бывает на почтовой станции — в ста километрах от нас или около того. Или зимой, как тебе писали, мы живем неделями занесенные вдрызг снегом, и неделями откапываемся от снега, а зима здесь тянется семь месяцев. Впрочем, мы все любим зиму, и так, что зимой всего больше вспоминаем о тебе и легко увлекаяще воображаем тебя звенящей, согревающей, весенней именно в зимней землянке или в белом лесу, где живет сказка...

И ты приезжай — как начнется зима — это будет ровно через два месяца. А в течение этого времени мы расширим землянку. Еще на одну комнатку для тебя. Мы все подготовим, чтобы встретить гостью. Твое будущее оконце я увешу кистями рябины, и ты изредка станешь поклевывать коралловые ягодки, рассказывая нам разные вещи. Нынче у нас в землянке будут жить щеглы, чижики и клесты — твои друзья. Мы научим тебя охотиться на зайцев — ружье и припасы ты привезешь с собой. Чукка и Рэй-Шуа тебе вероятно вообще позаказывают привезти разного добра. На полу и на стенах твоего гнезда будут медвежьи шкуры — лавры нашей охоты. И еще — на потолке торчат косачиные хвосты. Поэтому ты особенно не унывай, если увидишь очень невзрачный вид землянки — внутри лучше. У нас у всех вид неказистый, мой — совсем заброшенный, но мы тоже — внутри лучше. Рэй-Шуа — очарователен. Он уверяет, что ему удобнее и естественнее ходить на четвереньках и лазить по деревьям, чем писать книги. Он попрежнему не любит своего писательства и считает это дело легкомысленной блажью. Обдумай его заблуждения и привези на этот счет особые взгляды. И привези побольше всяких журналов с портретами Рэй-Шуа и статьями о нем. Мы его чуть подразним. Знай — мы придумаем все, чтобы тебе было интересно, забавно, весело, радостно; мы пойдем на разные

* В оригинальном издании в этом месте — очевидно, по вине наборщика — выпали две строки (*Прим. ред.*).

штуки во имя твоего приезда, но только ты прости нашу ошибку, не упрекай нас, что покинули тебя... Мы готовы всячески искупить свою вину перед тобой. Ах, Наоми, а о себе я боюсь даже говорить... Прости, прости. Каждую секунду нашей разлуки считал я тоскующим сердцем. И не от гордости и эгоизма и каких-то высших соображений, а от великой скромности, от несмелости, даже от ложного стыда, от излишней совести, закрыв глаза, не зная глубины твоей дружбы, решил я оставить тебя, беспрдельно любимую подругу своей старой, но единственной юности. Прости, Наоми. Прости побежденного Хорта, прости, наша птичка...»

Хорт не мог продолжать письма: слезы раскаяния и счастья заполнили глаза...

22. ЧУККА ВИДИТ...

По серебряной быстрой реке хрустальный корабль не-
сется, рассекая острым, как стерлядь, носом солнечные струи
звонких бурлящих вод.

Попутный ветер звенит струнами мачт.

По берегам серебряной реки голубо-розовые рощи под
полуденным зноем стоят.

— Юность, юность!

Крикнул кто-то из группы белых нарядных пассажиров
и все подняли головы к стае сверкающих чаек.

Среди всех светлее и прекраснее была Наоми.

Подумала Чукка: если бы знал и видел Хорт.

Где-то на корме курили Хорт и Рэй-Шуа, и Джек Питч,
и Старт, и его гости — или кто они...

И Чукка хорошо не могла расслышать — ветер мешал —
что точно прозвучало, призывно.

Кажется: мир начинается!

Скоро она приблизилась к зову.

Мир начинается.

Звенело, трепетало, волновалось, таяло, появлялось.

Жизнь цветет первой весной.

Тише...

Осторожно зовет Хорта, указывает, ликуя, Чукка.

— Смотри — это она — Наоми...

— Она едет в Мианги-бхва, — об этом все знают на ко-
рабле, потому что Мианги-бхва — остров неотцветающей вес-
ны, остров нескончаемой юности.

Там праздник девушек из Лимноа.

Туда!

Хорт улыбается: он спокоен, он будто уверен, что хру-
стальный корабль идет именно в Мианги-бхва, и Наоми бу-
дет с ним, только с ним.

О, еще бы!

Впрочем, ведь Хорт самый изумительный из юношей — самый прекрасный, самый очаровательный, самый высокий, самый сияющий юноша.

— «Хорт, Хорт».

Слышит — звенит кругом: «Хорт, Хорт».

Чукка соображает: что значит — в самом деле отец стал юношей и теперь пора перестать удивляться...

Корабль действительно идет в Мианги-бхва, и Наоми будет с ним.

И там будет она — Чукка, девушка из Лимноа.

И там будет Рэй-Шуа из Мурумбиджи.

И Ниа из Гаватами.

И Джек Питч из Чикаго.

И будут Старты из Алжисираса.

Все гости будут там среди лугов цветущих девушек Мианги-бхва, острова нескончаемой юности.

Мир начинается!

Все будут петь об этом, все радости, как цветы, будут брошены навстречу этому, все чайки, что слетятся к праздничному часу, возвестят об этом.

Юность! юность!

Нет берегов приливам твоим.

Вот хрустальный корабль быстро миновал реку и стройно вошел в океан беспредельности.

Здесь все стало оправданием и мудростью.

Со всех сторон неслись прозрачные хрустальные звенящие корабли, направляясь к острову Мианги-бхва.

Чукка ясно видела всех пассажиров всех кораблей и могла, если хотела, слышать их разговоры.

И больше — она свободно могла заставить всех говорить о вещах ее интересующих.

В отдельности она задавала быстрые вопросы и получала решительные ответы. Так:

— Куда мчимся мы?

— На остров выдуманной цели.

— В чем наша правда?

— Во лжи.

— Что счастьем называем мы?

- Выходом из несчастья.
- Но мы гордо восклицаем: вот счастье.
- Это от нервности.
- Юность в каких цветет садах?
- Безвопросных.
- Сколько прожить положено человеку.
- Две жизни.
- Значит — Хорт прав?
- Во всем.

И еще о многом спрашивала она всех, пока успокоилось взволнованное сердце.

— Друг, отец, воистину мир начинается, если полон ты юностью, и Наоми окрыляет тебя, — утешала Чукка отца, — ты прав: две жизни человеку положено и две чаши до конца испить надо. Рэй-Шуа и я — мы понимаем тебя и не осуждаем, нет, отец. Живи, продолжай жить легендой о юности обвеянной. Смотри: там Наоми, среди девушек, она прекраснее всех и всех вернее, она будет избрана принцессой острова Мианги-бхва, и ты увезешь ее в царство зимы, к нам, в землянку, где птички и комнатка встретят ее, где медвежки меха и рябина согреют.

Скорей бы, скорей этот остров Мианги-бхва, скорей бы ты Наоми привез...

— Я так волнуюсь за ожидание твое, за тоску каждой секунды. Ты верно говоришь, что Наоми сказку, легенду с будничной жизнью спутала и нас заворожила...

Плыл хрустальный корабль в океане.

Все говорили о Мианги-бхва, острове вечной юности.

Все смотрели на сияющую Наоми, на ее непоколебимую правоту.

И поняла Чукка, что трудно, почти невозможно разобратся, где сон и где действительность, где жизнь и где легенда, где сказка и где явь.

Все это было тонко, искусно, изумительно спутано, стерты неуловимые грани, и все это было разумно, гармонически связано и все носило печать высшего оправдания:

«Ничего на свете не происходит зря».

Вчерашнее бедствие, казавшееся проклятием судьбы, сегодня претворялось в ослепительное счастье и было ясно и неоспоримо, что если бы не случилось этого бедствия — не пришло бы это великое счастье.

Так вот устроен мир.

Вчерашняя нелепая, почти невозможная фантазия, не слыханная затея — сегодня вдруг врывается в жизнь, осуществляясь, становясь реальностью.

И потому — все реально, все действительно.

Любая мысль — материя.

Сон — бытие.

Бытие может стать сном, фантазией.

И поняла Чукка, что совершающаяся перемена жизни, невероятная перемена: недавняя землянка созерцания и вдруг этот хрустальный корабль в Океане юности — реальное воплощение мечты Наоми, следствие ее фантазии.

Оставалось только радостно подчиниться событиям.

Юность цвела без берегов.

Глаза Хорта ждали Наоми.

Все было в стройном порядке вещей.

Ничего не происходило зря.

23. С МИНУТЫ НА МИНУТУ.

Чукка сидела у открытого окна землянки и шила Хорту новую, синюю, атласную рубаху.

Около землянки вкусно пахло свежими сосновыми стружками и щепками.

Рэй-Шуа выделял топором оконные косяки для комнаты Наоми, посвистывая, покуривая, поглядывая на мозоленную ладонь.

Комнатка была почти готова; чтобы доработать оконце, сделать раму — требовалось дня два.

Хорт ушел за рябиной и рябчиками, которые стали отзываться на пищики.

Изредка доносились выстрелы.

Диана ушла с Хортом.

В шафрановой тишине осени гулко несло гоготание: это улетали на юг гуси.

— Рэй-Шуа, как гуси летят над нами, слышишь ли?

— Слышу.

— Как утки стаями на озере, в реку, садятся с шумом, свистя крыльями, чувствуешь ли?

— Чувствую.

— Как Хорт наш рябчиков подзывает, представляешь?

— Да. Он левое ухо вытянул вперед.

— И ждет.

— Сидит на валежнике или на пеньке.

— Посматривает.

— Диана прислушивается.

— Да.

— Вчера утром рано на нашей крыше сидели рябчики и вели оживленный разговор, пока я не открыл двери и не погрозил им кулаком. Хорошие ребята.

— Что они о нас думают?

— О всех бескрылых они плохого мнения: все зверье.

— Чу. Выстрел.

— Рябчики не ошибаются.

— Скоро отец вернется. Рубашка к вечеру готова будет. Этот цвет молодит.

— Дня через три-четыре все будет готово.

— С минуты на минуту...

— Вот и птицы наши заливаются, несмотря на осень и тесные клетки. Ждут.

— Завтра зима может быть, снег и снег. Холодно. А нашим птичкам тепло будет по землянке летать. Весной выпустим их гнезда вить.

— Клесты напоминают Джека.

— Щеглы, как Наоми, разговаривают.

— Ну теперь Наоми, вероятно, стала важной птицей и заговорит- по-иному. Она острая умница.

— О, вероятно.

— Ух, а сколько она привезет нам разных вкусных и замечательных вещей. Ого. И — главное — десяток жестянок с английским табаком и, конечно, сигар. Закурюсь до рвоты и сдохну. Ой, закурюсь. И крышка. Скажут: умер шерсти клок — это будет некролог. Да.

— Нет. О смерти Рэй-Шуа будут целые большие книги писать. Знаю.

— Впрочем, пожалуй. Этого потребует пошлость критиков, их бездарная привычка с любовью писать о покойниках. О, тупоголовые могильщики — они будут рады покопаться в вонючем трупе. Это дело стервятников. Раз сдох — значит начинай писать, разносить запах смерти. А о жизни и при жизни пишут только плюгавые статейки, похожие на насморк. Да печатают портреты в зоологических журналах. На кой чорт, на кой. Слушай, Чукка, я всерьез решил оставить завещание Джеку Питчу, чтобы после моей смерти он имел право расстреливать прямо в дубовый лоб любого критика, который вздумает писать обо мне книги или что-либо, Джек сумеет организовать такую карательную экспедицию; у него дельные и ловкие сотрудники. И еще: оставлю проклятие и чуму каждому читателю, кому взбредет в голову взяться за мои книги. Пусть после издоха моего, никто не смеет читать меня и писать обо мне, если меня больше нет на свете. Никто. Этот мудрый осенний лес да

будет верным свидетелем моего завещания.

— Но мысль какая заставляет тебя делать это?

— Великая мысль.

— Скажи.

— Во-первых: раздутая, как аэростат, посмертная слава возводит покойника — писателя или поэта в чин гения. А это более, чем «слишком поздно». Главное — гении, которые без аппетита доедаются червями, становятся поперек дороги молодым зреющим талантам, ждущим достойного признания. Напрасная никчемная посмертная реклама, давит, будто горячий утюг панталоны, нежную сияющую юность...

...Во-вторых: мера карательной экспедиции уничтожения посмертных чтений и разных писаний, воспоминаний привела бы к тому, что гения поторопились бы признать при жизни, когда слава и деньги могут доставить удовольствие во-время, а не «слишком поздно», когда «приходит все»...

...В-третьих: мое решительное завещание заставило бы многих лентяев-читателей, которые откладывают чтение в сторону до какого-то будущего времени, взяться за книги при жизни автора, увеличивая таким образом доходность гения...

...В-четвертых: моя мера сразу обогатила бы мир широким разумом, так как не мало благоразумных гениев, зная привычку критиков и читателей давать славу и деньги после смерти, великих мастеров, просто не проявляют себя из справедливого нежелания пользоваться благом рекламы после смерти...

...В-пятых: в борьбе за своевременное признание гениев при жизни погибли бы раз навсегда бездарности и канцеляристы искусства, живущие за счет нелепого положения великих людей, никогда не умеющих устроиться практически. Тогда как паразиты, пользуясь случаем всеобщего невежества, подсовывают свою отвратительную фальшь макулатуру. Чорт бы их загнал в пекло, сгори они там; я помню, как трудно и тяжело мне пришлось пробиваться сквозь толшу этой литературной мрази, довольно тесно объединен-

ной, на подобие воров и их притонов, пока наконец вылез я в знаменитости, ради спорта, ради азарта, ради потерянного времени. Ххо! Идиоты-критики заметили меня на одиннадцатой книге, когда у меня трещала спина от работы и жрать было нечего. При этом хвалили именно мои первые книги, самые первые, где я щедро разливал свой густой, пьянящий сок, где особенно чувствовались мои железные бицепсы, мое упорство, моя бритва, мой горизонт, моя магнетизирующая фантазия, моя лаборатория радио-мысли...

...Ах, Чукка! Я готов сейчас зубами откусить кусок топора — так велика и теперь обида, что поздно заметили мои пламенные труды: никакого счастья не испытал — все пришло поздно, все стало обычным, естественным, нормальным, даже обязательным, даже скучным...

...А вот если бы заметили мой талант во-время, сразу, с первых книг, — из меня вышла бы дивная фабрика, истинный всепроникающий гений — чорт знает что вышло бы. Ого! На хвост кометы походила моя голова. Я дышал, как Везувий. Но... Меня тогда не заметили. Нет, Чукка, нет. И где же было заметить меня, огнедышащего, живого, искрометного, юного, насыщенного, когда критики-могильщики в тысячный раз писали, облизываясь, о старых или новых покойниках, возводя их с тупой пошлостью в чины гениев, доказывая друг другу, что это действительно так, будто кто-то сомневался в этом...

...Я был горяч и молод — я нестерпимо жаждал заслуженных разговоров, внимания, славы и денег. Дико и страстно жаждал. Я имел право. Но вот... покойники-гении, вновь возведенные, становились поперек дороги и, по воле гробокопателей, затирали, не пускали меня, принуждая ждать смертной очереди. Реклама делала свое дело, и покойники пользовались завидным успехом у нервных читателей...

...Издатели же, конечно, предпочитали издавать мертвых, так как покупать произведения у покойников дешевле, выгоднее, чем у живых, капризных, недовольных, гордых. Словом, мертвецы стояли на дороге. И это в то время, когда десятки и сотни таких огнедышащих, как я, остро

нуждались в немедленном внимании и помощи, будучи истощенными в нелепой борьбе за великую жизнь...

...И понятно, что у очень немногих хватило сил и энергии выбраться из этого безобразия. Большинство же чудеснейших талантов, ярчайших личностей сгибло, трагически сгибло в зверской борьбе. Часть из них роковым образом сейчас же после гибели становилась поперек дороги нам — оставшимся еще в живых: критики, как вороны, каркали и носились черными стаями, сожалея о безвременно погибших. Один из моих близких гениальных друзей пропал, издох с голоду под забором, по собачьи. Правительство немедленно решило поставить юному гению памятник бронзовый, на стоимость которого могли бы прожить и погибший и еще десяток гениев. Это всюду обычное явление. Сгиб бы, издох бы и я давно, если бы не спасла меня обезьянья натура — вцепляться за все не лапами, так зубами. Просто ради спорта, ради забавы, ради мучительного сознания, что — все равно — время безнадежно потеряно на писательство и надо напирать дальше, глубже, выше. Будь что будет. Лезь и никаких. Карьера — азартная игра. Если не везет — не унывай — играй дальше до нитки. Если чуть повезло — держись за счастливый случай — еще круче играй. Риск — волшебная сила: может вдруг, на зло всем партнерам, вынести на недостижимый верх. Так бывает. Так вот случилось со мной, когда было проиграно десять книг, ни черта не давших, ни денег, ни имени, а на одиннадцатой, которая называлась «Говорящий волк» мне повезло. Я вынырнул. И только в журналах увидел, что мой портретный вид был убедительно истрепан, будто меня вытащили из-под автомобиля. Однако я скоро оправился, разбогатев, и фотография значительно улучшилась. Помню я сам подсылал свои новые карточки в журналы, чтобы исправить о себе впечатление...

...Рэй-Шуа был обязан выглядеть лучше, так как это увеличивало гонорар, прибавляя уверенности в успехе. Успех же измерялся спросом на мои фантазерские акции. Слава — подобна кнуту при тяжелой работе. И я, бичуемый славой, стал дьявольски работать. И скоро опомнился и бро-

сил. Довольно. Баста. Я стал плавать в океане легкомыслия. Потянуло к берегу покоя. И я рад, что моя карьера больше не волнует сердце, отданное Чукке и охотничьему ружью. Топор в руках моих — послушнее пера. Землянка — величественнее фантазий. Стройка новой комнатки для Наоми — высокий смысл. Приезд Наоми — легендарное событие, сказка жизни, организованное чудо. Ведь все мы знаем, что мечтательница Наоми, дочь знаменитого финансиста Старта, начитавшись книг, насмотревшись картин в кино, спутала, искренно спутала фантазию с жизнью и едет сюда, в берлогу...

...И еще плюс — новый неожиданный Хорт, юноша Хорт, гениальный Хорт...

...И ты — Аши, бывшая супруга австралийского вождя Джоэ-Абао, любимая наша Чукка с глазами, как два навозных жука...

...И еще Ниа, и еще феноменальный сыщик, друг Джек Питч... Да разве все это вместе связанное не дает мне право послать к чорту писательство, и оставить Джеку выкованное жизнью завещание. Ого! Я кругом прав, кругом подобен этому вечернему горизонту. Жизнь так изумительна, так загадочна, так увлекающе пышно складывается, что самое скучное в ней и самое ненужное — мои книги, чорт бы их сжег.

И Рэй-Шуа долго еще, под пение птиц и стук топора, говорил, покуривая, про свое больное место, не подозревая, что ему никто не возражает.

Чукка дошивала рубашку Хорту, затопив печь, поставив подогреть ужин и чайник.

В высоте над рекой гоготали дикие гуси.

Из шафрановой тишины осени гулко изредка доносились выстрелы.

Царило молчание ожидания, вот-вот...

С минуты на минуту...

Особенно это чувствовал Хорт.

Он слышал, как в лесной глуши по-новому билось его наполненное сердце, каждый удар которого приближал волнение встречи Наоми.

Моментами он так загорался предощущениями счастья, что не мог усидеть на пеньке, где подманивал пищиком рябчиков, и, обвеянный радостным беспокойством, вставал и быстро шагал вперед по ломающимся сухим сучьям, заброшенным оранжевыми и пунцовыми листьями осени.

Ясно, четко казалось: вот, вот...

С минуты на минуту...

Даже остановилось дыхание, как перед пропастью: и было страшно, и властно тянуло.

Даже кружилась голова от замирания.

Тогда Хорт, улыбаясь происходящему, тихо закрывал глаза, снимал кэпи, медленно поправлял волосы, бороду, разглаживал лоб, слушал.

Это его успокаивало.

Он снова находил где-нибудь скрытное место, снова подманивал рябчиков, снова стрелял.

В его сумке было пять пар, когда он спустился к реке.

Утки табунами носились над водой и плавали.

Кричали гуси.

Хорт подошел к маленькому озерку, на берегу, освободился от ноши, распрямился и посмотрел, как в зеркало, нагнувшись над гладким озерком, на себя, на свое лицо.

Он нашел, что волосы его слишком длинные, а борода совершенно лишняя; так как только здесь он перестал брить бороду.

Хорт подошел к березе, прижался плотно лицом к стволу, достал из-за пояса охотничий нож и на ощупь отрезал бороду.

И снова посмотрел в зеркало озера и убедился, что так стало лучше, моложе, а когда сбреет совсем бороду — будет еще лучше.

Он решил, что Наоми представляет его именно без бороды, так как он никогда не писал ей, что отрастил бороду и длинные волосы, а потому вечером ножницы и бритва возвратят ему директорский вид, когда он — помнит — часами рассказывал Наоми о прочитанных книгах, о путешествиях, о жизни на севере, о снежных легендах, о волнующ-

щих вопросах бытия, о беспрестанной борьбе за счастье высшего порядка.

Хорт прокашлялся и попробовал свой голос, как он звучит — ведь он никогда не прислушивался к тембру своего голоса.

Он сказал вслух в сторону реки:

— Слушай, Наоми, слушай: с какой музыкальной гордостью кричат дикие гуси!

Несколько странно ему было слышать свой громкий, нервный, неровный голос — он так привык говорить тихо без волнения.

Все же он решил завтра на охоте и дома в землянке попробовать говорить крепче, громче, явственнее, ярче, образнее: Наоми о многом будет спрашивать и надо быть готовым, необходимо ответить ей молодостью на молодость, огнем на огонь, счастьем на счастье.

Хорт понимал прекрасно всю неравность сил, но он еще больше понимал, что Наоми никакой неравности не признает, что Наоми далека от грубого существа вещей и реальных явлений, — напротив она преисполнена высотой и затейностью вымысла, она увлечена изобретательностью ума, она живет в сказке, в садах пышной фантазии, в кругу утопических событий.

И что поэтому Хорт должен быть вполне готов, чтобы ни на секунду не разочаровать любимую гостью, чье приближение отсчитывалось каждым ударом расцветающего сердца.

Тем более он сам с необычайным интересом следил за исключительным, оригинальным складом развития Наоми, и, сам вкладывал свое влияние, свой опыт, свои постижения в ее личность.

Теперь Наоми стала вполне взрослой и представлялась Хорту волшебным существом, очень далеким от будничной суеты, но близким и нужным жизни.

Хорт, вглядываясь в горизонт, вспомнил роскошную виллу Стартов, розовую, кружевную комнату Наоми, дивные книги в золотых переплетах, старинные арабские вы-

шивки на стенах и сопоставил всю эту роскошь своей лесной землянке, своим северным дням и ночам...

О, конечно, он не променяет ни на какие золотые дворцы золото осени своей берлоги, но зато он понимает — на что идет Наоми...

И Хорт от скромности искренно полагал, что во всяком случае Наоми больше привлекала расгоревшаяся фантазия о снежном севере — сюда, в землянку, чем горячее обязательство дружбы.

Впрочем, Наоми могла привлекать сюда еще третья причина, известная только ей...

Раздались с горы два далеких выстрела: это был сигнальный призыв домой.

Хорт заторопился и тоже ответил выстрелом. Вечернее солнце золотило остывшие берега, и вода синела гуще и глубже.

Табунились утки.

Гордо перекликались дикие гуси...

24. НАОМИ В ЦАРСТВЕ СНЕГОВ.

Белоголубым океаном раскинулась зима.

Белое, белое, белое.

Белоснежностью пронизан мир.

Белым кисейным туманом закутано небо и обвито все кругом.

Белое, белое.

Белыми пушинками, хлопьями, звездочками, перьями густо валит, падает, ложится снег.

Белая тишина закрыла холодную землю.

Белый сон о мироначалии снится земле.

Белыми восковыми свечами, без огня, стоят деревья.

Белыми курганами выросли холмы и горы.

Белыми могилами лежат долины, овраги.

Белым полотенцем вытянулась река.

Белокрылое мелькание затмило солнце, заволокло горизонт.

Белые зайцы пугливо выбегали из нор, рыскали, вдруг подымаясь на задние лапки, прислушивались, водили высокими ушками, находили плотные, случайно упавшие, еловые, сосновые шишки, и, схватив в зубы, исчезали.

Белые горностаи носились по вершинам деревьев, осыпая снег с ветвей.

Белый дымок вился над землянкой.

Белые человеческие следы у дверей быстро заносились снегом, будто кто-то неведомый, но властвующий хотел замести присутствие жилья первых людей.

Снег, снег, снег.

Величественно и необ'ятно белело царство снегов.

Никакая мысль — казалось — была невозможна, чтобы преодолеть снежное владычество холода зимы.

Все кругом было подчинено власти бесконечных снегов и сковано цепями льда.

Снег, снег, стужа.

Великие пространства застыли в белом покое первичного хаоса мироздания.

И только дымилась землянка, как крошечный островок среди ночного океана, обнаруживая признаки начинающейся жизни.

И действительно, в землянке, будто в утробе беременной матери, билась горячая, кровная, новая жизнь.

В землянке рождался первый мир человечества.

Здесь сияла весенняя радость, здесь торжествовал дух высокого разума, здесь бились верные, крепкие, любвеобильные сердца, глубинно-ясно, всепроникающе-остро смотрели глаза, здесь играли, как дети, веселые, светлые улыбки на полянах счастливых лиц.

Здесь развертывалась легенда постижения вещей; великие и малые откровения здесь были обычными, словно дыхание.

Здесь все было одухотворено, осознано, обдуманно, оправдано, обласкано, освещено любовью, обвито радугами жизненных решений.

Здесь спаянное счастье великой дружбы было добыто великой борьбой, сцеплением стремительных усилий.

Здесь цвела весна человеческой жизни.

Землянка, бедная лачуга, лесная берлога вмещала здесь перворайские сады ощущения вселенной.

Бедная землянка никому не мешала здесь думать или говорить о дворцах и виллах, — напротив, землянка убедительно помогала видеть, отсюда, с высоты своего сознания, всю условность, всю относительность всего, что мы привыкли считать за очевидную драгоценность.

В бедной землянке столько нескончаемо много сейчас жило истинного счастья, богатого, легендарного, пышно-го, радужного, солнечного счастья, что все дворцы и виллы вместе взятые казались кладбищенскими склепами, заросшими травой смерти.

А здесь — расцветала весна новой жизни.

Счастье лилось без берегов, счастье горело ярчайшим заревом блистающих дней, счастье опьяняло волнующими, пронзительными ароматами.

Наоми и никто долго не могли говорить.

Слезы счастья душили слова.

Все только смотрели друг на друга и молча плакали.

Хорт, как ребенок, одетый в новую атласную синюю рубашку, стоял у косяка двери комнатки Наоми и всхлипывал от слез, нахлынувших приливов сердца, почуявшего верную близость счастья.

Наоми прижалась по-детски головой к груди Хорта и, закрыв глаза, в слезах молча гладила его лицо.

Рэй-Шуа, также в слезах, отвернулся в сторону оконца, будто поправлял у птиц ветки, чтобы так лучше скрыть свои слезы: ведь он не умел плакать и не думал, что придется.

Но его растрогал Хорт, который так был обвеян пламенной встречей с любимой, что даже потерялся, на некоторое время превратившись в ребенка, устыдившегося своих восторженных слез.

А Чукка стояла рядом с Наоми и гладила ее две длинные светло-русые косы, стояла и плакала, не смыкая сверкающих глаз, уставленных на снежное оконце.

Даже Диана и та, зачуяв слезы, стояла около Хорта и лизала его колени, смотря на него.

И лишь потом, опомнившись, все понемногу пришли в себя, не зная о чем говорить.

Наоми бегала по трем комнатам землянки, обнимала, целовала стены, ловила птиц, гладила Диану, жевала рябину, хлопала по печке, подбегала то к Хорту, то к Чукке, то к Рэй-Шуа, тормозила их, целовала, прижималась, закрывала их вместе с собой громадным белым пуховым платком, обнажая открытую розовую шею, обвитую нежно-розовыми кружевами, пахнущими духами.

Чукка несколько раз принималась за свою печку, но быстро отвлекалась сияющей гостьей.

И долго не было никаких слов, пока наконец Наоми не заговорила, бегая с места на место:

— Никакой зимы нет, никакого снега нет и нет холода, нет, нет. Это ваша фантазия, фотография зрения. Зимы нет. Есть только весна, только солнце, только ослепительное счастье жизни и всякие замечательные вещи есть. Ах,

Хорт, Хорт. Я снова с тобой, снова с Чуккой и Рэй-Шуа. Жить волшебю. Диана, ты понимаешь, что мы в раю удивительных событий? Дай я поцелую твое великолепное чутье, о котором мне писали наши охотники. А птицы? Как они называются? Впрочем все равно. Дело не в названиях — в том, что они превосходно поют, особенно пестрые...

— Это щеглы, — чуть слышно произнес Хорт, — щеглы...

И снова замолк, испугавшись своего сдавленного, тихого голоса.

— Ах, это и есть щеглы, — подхватила Наоми, умышленно оставив время успокоиться Хорту и другим, — ну, вот, здравствуйте щеглы. Пойте, пойте. Сейчас весна, и мы займемся устраивать мир по-новому. Да, да. Вам известно, щеглы, что мир только начинается и — значит — у нас впереди масса дела. Мы обдумаем всю программу, мы обсудим весь план творческих действий. Я тоже — птица, меня зовут Наоми. Это так просто. Сейчас весна, и я прилетела на север с юга. Здесь тепло, пышно, цветисто, изумрудно. Я буду жить вот в этой новой своей комнатке — это мое гнездо. Щеглы, вы посмотрите, как пушисто на моих стенах и у ног. Это любимые медведи — я буду с ними разговаривать, у нас много есть разных вопросов. Я расскажу про маленьких австралийских медведей, про свои путешествия, про свои радости и затеи.

— И Расскажи про меня, дурацкую обезьяну-человека, — заговорил Рэй-Шуа, — Расскажи, что меня выдрессировали писать книги и я сдуру потерял на это каторжное дело уйму времени. И вот я реву, потому что мне жаль напрасных трудов, очень жаль...

Чукка подошла к печке и энергично начала подогревать обед и кофе.

Хорт медленно приходил в себя.

Наоми взялась за свои чемоданы, чтобы скорей утешить, отвлечь, успокоить потрясенного Хорта, которого стесняла к тому же новая рубашка и сбритая борода — все это было непривычно, неловко, вне обыкновения.

Впрочем, Рэй-Шуа и Чукка также были приодеты по-праздничному.

Вся эта внешняя сторона играла свою роль, но все делали вид, что все — обычно.

Потому что пришел час, когда вообще все становилось обычным.

— Мы настоящие дети, — объясняла Наоми, доставая вещи из чемодана, — мы должны это помнить каждую минуту. Здесь детская человечества. Здесь домик новорожденного мира. Здесь девичья гостинная весны. Поэтому я привезла, между прочим разных ребячьих игрушек и елочных украшений. Вот заводной, симпатичный медвежонок, он очень забавно барахтается и рывкает. Я дарю его знаменитому охотнику Рэй-Шуа. Пожалуйста.

— Чорт его дери, — радостно воскликнул Рэй-Шуа, схватив медвежонка зубами, будто кошка мышь, — как истинная обезьяна, я его пробую на зуб. Восхитительный подарок. Мерси. Целую. Это первый орден, высшая награда за мою охотничью страсть. Браво, Наоми. Хорт завидует моей гордости.

— Очень, — тихо улыбаясь, ответил Хорт, заметно успокоившийся.

— А вот заводная куколка-негрityанка. Она танцует и поет детскую песенку.

Наоми завела куколку и поставила на пол.

Негрityаночка, сверкая белизной белков и зубов, заплясала и запела:

Джай абба,
Джай абба,
Баддо гуа чечиба.

— Эта негрityаночка пусть будет дочерью Чукки, — заявила Наоми, — должна же быть дочь у Чукки. Мы назовем ее Ниа, в честь премьерши американских кино, нашей Ниа.

Восхищенная Чукка расцеловала Наоми и танцующую Ниа.

— Хорт, очередь за тобой получить подарок, — ликовала Наоми, заметив почти полное успокоение Хорта, — смотри: это Цунта — розовая птица с черно-золотистыми

крылышками и бирюзовыми глазами. В ней имеется часовая механизм. Каждый час Цунта поет точное время, напоминая о его драгоценности и краткости.

— Цунта — это ты Наоми, птичка любимая, — бодрым, ясным голосом произнес Хорт, видимо взявший себя в руки.

— Цунту нужно повесить к потолку, за колечко, что у ней на спине, — объясняла обрадованная бодростью Хорта Наоми, — когда она поет, а поет дивно, изумительно-симпатично, она машет крылышками и открывает клюв, как живая. Ты, Хорт, устрой ее теперь же. Нельзя терять времени, потому что я завела Цунту по вашим часам, и через десять минут она будет петь о четырех часах вечера.

Хорт горячо расцеловал Наоми за подарок и принялся подвешивать птицу к потолку.

— Я не забыла привезти Диане ошейник зеленой кожи, Наоми украсила Диану ошейником и достала к обеду всякие вкусные вещи.

Рэй-Шуа тем временем откупоривал ром и фруктовые консервы, поглядывая на сигары и табак.

Оживленно посвистывали птицы, перелетая по веткам, прилаженным к оконцам, украшенным кораллами рябины.

Диана сладко задремала у печки, около Чукки, в ожидании обеда, зеленея обновой.

Через десять минут дивно пропела Цунта о четырех часах вечера, помахивая крылышками под потолком.

Запахло обедом, ромом, духами, кофе.

Всюду на скамейках заблестели заграничные цветные журналы.

В углу, у дверей, заблестела куча жестяных банок разных консервов.

Обед начался.

— А ружье и охотничьи припасы, — заявила Наоми, — мы рассмотрим после обеда. Хорт, ты завтра же будешь учить меня ходить на лыжах и охотиться? Стрелять я умею.

— Непременно, завтра же, — поддерживал Хорт.

— У нас замечено шесть зимних медвежьих берлог, — предлагал жуя Рэй-Шуа, разливая ямайский ром с нескры-

ваемым предвкушением, — поэтому, не теряя времени на радость Цунте, следовало бы начать охоту не с зайцев, а с симпатичных медведей.

— Ну что же, — всерьез соглашалась Наоми, — я готова начать охоту с медведей — тем интереснее. С вами мне ничуть не страшно, хотя я и вижу по шкурам, что северные медведи в десять раз больше австралийских, но все-таки медведи, все медведи мне очень симпатичны. Только бы мне суметь обойтись с лыжами.

— Браво, браво, — поддерживал Рэй-Шуа.

— Сегодня же чуть позже, — заговорил Хорт, — если перестанет валить снег, выйдет луна и можно будет великолепно заняться лыжами с Наоми — это пустая наука, дело одной ночи. Тем более, что свежий снег удобная помощь.

— Голубыми бриллиантами и сапфирами, лунный снег заблестит, — с увлечением описывала Чукка ночь, часто перебегая от стола к печке, — деревья будто живыми станут и с ветвей снег осыпаться будут. Зайцы на задних лапках покажутся и всем в лесу расскажут, что охотники на лыжах появились. Синие тени от деревьев толпой соберутся и от месяца прятаться будут. Звезды опустятся и так близко, что на горизонте на вершинах загорят. Лунные зимние ночи в лесу люблю я, люблю.

— Ах, Чукка, — восторгалась Наоми, — мы будем с тобой бродить ночами на лыжах и разговаривать с деревьями, месяцем, звездами, зайцами, снегом, синими тенями.

— А я? — робко спросил Хорт.

— Ты тоже будешь бродить, — утешала Наоми, целуя Хорта, — если только не захочешь спать.

— Чорт возьми, — обиделся Рэй-Шуа, — меня, азартного лыжника, кто тут единственный, сломя голову, может ахнуть с горы вниз к реке, вы, кажется, намерены оставить в берлоге.

— Нет, нет, успокойся, — разом уговорили все ярого спортсмена, за которым числились все лыжные рекорды по части отчаянных прыжков с высоты.

— Ныне я намерен оспаривать твои рекорды, — твердо заявил Хорт, поправив свою прическу молодым вызываю-

щим жестом, — довольно твоей славы.

— Ого, — радовался рекордист, поднимая бокал рома, — я всегда готов встретиться с достойным соперником. Поэтому я пью за праздник расцветающей энергии, за нашу весеннюю молодость, за головокружительное счастье, за охоту, за медведей, за рекорды вообще, за нашу неостывающую землянку, за игрушки, птиц, собаку, рябину, табак — словом пьем за приезд Наоми.

Все бросились целовать Наоми.

Диана завизжала, прыгая на всех.

Птицы посвистывали, с острым любопытством разглядывая заморскую розовую Цунту.

Негритянка Ниа и медвежонок смотрели с полки.

Рэй-Шуа закурил сигару, Хорт — английский табак.

Наоми вытащила из чемодана разные серебряные, золотые елочные украшения и обвила ими шеи друзей и в том числе шею Дианы, со словами:

— Милые ликующие дети, я венчаю вас на первые шаги в этом новом мире, который еще чуть начинается. Вы слышите что за окном зима — это подсознательное первоначалие — отсюда произойдет жизнь, когда солнце сознания растопит снега и согреет энергией землю. То время будет называться весной, — то золотое, счастливое время будет походить на вот этот наш праздник торжества юности и дружбы. Едва ли мы, человечки живущие зимой, доживем до весны освобожденного человечества, едва ли. Это дальше нашей коротенькой жизни, значительно дальше. И все же мы настолько талантливые, умные дети, что, существуя зимой, живем, дышим, наполняемся будущим; предвосхищая весну, предощущая ее житнетворчество, ее сияющую юность. В этом предвосхищении наше беспредельное счастье. Славные, чудеснейшие люди, милые дети, давайте же останемся жить на хрустальном корабле, что несется по серебряной реке к острову Мианги-бхва, к острову нескончаемой юности...

Чукка вздрогнула: она вспомнила свой сон о путешествии на хрустальном корабле, сон, о котором почему-то молчала, как молчала о многих снах, что помнятся, но не рас-

сказываются, будто дожидаясь времени, когда сбудутся или расскажутся другими.

Завороженная, она молчала, слушая, как Наоми четко и во всех прекрасных подробностях рассказывала свою мысль о юности.

— Странная и поразительная вещь, — начал Рэй-Шуа, наливая всем в рюмки ликер к кофе, — слушая Наоми, я бы мог продолжить ее слова о кораблях юности воспоминанием о том, что когда-то давно я написал большую новеллу об острове Мианги-бхва — острове нескончаемой весны, острове девушек... Но, разочарованный в то время в одном своем сердечном порыве, я разорвал и сжег эту новеллу и больше о ней никогда не думал, пока наконец Наоми не придумала возобновить эту вещь... Очевидно, кто-то еще в то далекое время воспринял эту новеллу целиком по радио-мысли, и она — эта вещь — носилась в пространстве, как носится многое другое — неуничтожаемое, как материя.

— Когда это было? — вдруг о чем-то вспомнивший, спросил Хорт.

— Приблизительно лет 15 назад.

— В таком случае, — заявил Хорт, — я был, быть может, один из немногих, кто как раз лет 15 назад воспринял эту вещь целиком. Да, да. Я вспоминаю, что это было именно так. В то время я был как известно, так беден и несчастен, что не один раз думал о самоубийстве и никогда не видел даже радостных снов. И только раз — был ли это сон или мне показалось, но я видел себя счастливым юношей на хрустальном корабле. И увидел Чукку около и всех наших друзей и — главное — увидел Наоми. Да, да. Это действительно было так. Впрочем, имен я не знал и придумываю их сейчас, объясняя сновидение. Это была моя единственная радость, и я долго об этом помнил.

— Наоми рассказала мой недавний сон, — открыла Чукка не без волнения, — все это также видела я. Но есть сны и восприятия, которые помнятся ясно и в молчании пребывают, пока не совершатся. Многое знать дано, но больше о знании молчать дано...

— Не говорит ли все это, — обобщила Наоми, — что все мы не зря так тесно спаяны в этой детской первого человечества, когда все мы — или на заре подсознания, полусознания, или — сознательной легенды о жизни, которая будто бы есть, но которая в действительности еще будет. И потому мы вправе резвиться. Мы встречаем новый мир, хлопаем ему навстречу в ладоши, с радостью по-детски заглядываем в щель его будущего, а пока зима и холод, и снег, мы должны выдумывать, сознательно сочинять и даже пробовать проводить легенды о жизни в бытие, в кровь, в свои нервы и сердца. Разве не так, а?

— Браво, браво! — закричали и зааплодировали обитатели детской человечества, — браво, птичка Наоми!

Цунта чудесно пропела пять часов.

Наступили сумерки.

Хорт зажег лампу.

— Рэй-Шуа, — обратилась Наоми, — тебе пора раскрыть ящик, достать охотничьи припасы и мое ружье.

Рэй-Шуа быстрыми движениями доставил ружье на общий просмотр.

— Это центрального боя, — давал объяснения Хорт, — 16-й калибр, фабрики Зауэра, бескурковое, превосходного качества. Завтра займемся пристрелом и набьем патроны. Ружье легкое, не более семи фунтов. Ну, а через неделю, в самом деле пойдем на медведя. Первая берлога от нас всего полтора километра или еще ближе. Ты, Наоми, должна знать однако, что с одной собакой здесь на медведя не охотятся. Но у нас нет иного исхода, как Рэй-Шуа исполнять роль второй собаки, и он это делает с горячим призванием.

— Вау...ввау...вввау...rrrr... — залаял Рэй-Шуа, став на четвереньки.

— Вау...ввау... — ответила Диана, вероятно сообразив, что речь идет о травле медведя.

Наоми достала медвеженка с полки, завела его и пустила на пол.

Медвежонок забарахтался и зарывался.

Диана с лаем бросилась на медвежонка, хватив его раза два зубами, но потом убедилась, что над ней подшутили и только принципиально ворчала, косо поглядывая на опасную игрушку.

25. У КОСТРА ВЕСЕННЕЙ НОЧИ.

- Еще не спишь?
- Нет.
- Подложи в костер сучьев.
- Может быть, удлинить костер?
- Да, будет лучше.
- Слышишь?
- Хоркает вальдшнеп.
- Даже не увидишь — так поздно.
- Что ему надо?
- Ворчит на охотников.
- Спать не хочется.
- Мне тоже.
- Давай закурим, а?
- Закурим.
- Смотри.
- Это филин — философ леса.
- Табак влажный.
- Чуть подсушим.
- Вот кусок коры.
- Наоми сладко спит.
- С большим увлечением.
- Видит во сне, что не спит.
- И потому спит так крепко.
- А ведь как уверяла, что не будет спать.
- Утомилась от волнения.
- Устала от пальбы.
- Еще бы. Раз 30 ахнула.
- И все-таки молодец — пару зацепила.
- Горячилась во-всю.
- Диана сердилась.
- Была работа.
- Вот она собака — глядит на нас, соображает.
- Табак подсох.
- Закуривай.

- А Чукка спит?
- Делает вид, что спит.
- Чукка, улыбнись.
- Ну вот — улыбается.
- Не спи, Чукка. Брось.
- Нет смысла спать.
- Это от тепла, от нежности, от удачи.
- Чукка, перестань улыбаться.
- Все равно видим.
- И какой же смысл спать — слушай...
- Еще тяга не кончилась.
- Ворчуны рыжие дотягивают.
- Около медведи собираются.
- Философ-филин в долине хохочет.
- Неясыть над костром летает.
- Мыши летучие.
- Брось спать, Чукка, брось.
- Мой приятель художник Бурлюк говорил, что спать спокойно имеет право только фабрикант, у которого и ночью работает фабрика, а нам — беднякам сон приносит лишь огромные убытки.
- Чукка, перестань улыбаться.
- Ты могла бы украсить общество курильщиков, внести оживление.
- Поднять их горизонты.
- И вообще.
- Если кофе будете пить — проснусь я.
- Ну, обязательно.
- Ну вот это солидное предложение.
- Bravo, Чукка.
- Она поняла, что у нас нет фабрики.
- Бедняга.
- Наоми спит?
- Приблизительно.
- До запаха кофе.
- Мы нальем ей чашку и поставим около носа.
- Чукка, ты дашь нам по рюмке коньяку?
- Сейчас?

- Нет, перед кофе.
- Мы решаем не спать, к чорту сон — это странное явление, отнимающее у человека больше трети жизни.
- Плюс другую треть человек растёт.
- Пропадает в пустую две трети коротенькой, как нос рябчика, жизни.
- Остается одна треть, из которой снова две трети уходят на борьбу за существование.
- А жалкий остаток делится на горе и счастье.
- При чем всем известно: что две трети, из этого остатка принадлежат горю.
- Или ожиданию счастья, как высшего смысла.
- Вот во имя чего бьется сердце.
- Счастья нет — есть только счастливый момент ошибки.
- Истинное счастье — всегда впереди.
- Не воображайте, пожалуйста, что я сплю. Ничуть. Я все слышу и жду кофе.
- Браво, Наоми.
- Вставай, птичка, пора. Через два часа взойдет солнце. Надо его по-приятельски встретить.
- Встаю. Вот.
- Ты спала час — этого достаточно.
- Вы?
- По пол-часа.
- За то я видела два сна: сначала, будто надо мной носились сплошь вальдшнепы, и я удачно стреляла, а потом будто подходит ко мне Рэй-Шуа и сообщает тайну, что он написал здесь большой роман в форме дневника и думает продать его за сто тысяч долларов. И будто роман называется «Цунта».
- К чорту романё.
- Превосходное название «Цунта».
- И дивная идея: механическая Цунта, чудесно поющая каждый час, вдруг превращается в настоящую, живую птицу и перестает петь о часах и днях, так как никто, никто не дорожит временем.

— И Цунта снова мечтает стать механической птицей, чтобы петь каждый час.

— Прекрасная мысль.

— Но к чорту романье.

— Нет, погоди, Рэй-Шуа, в самом деле, ты, может быть, тайно написал здесь роман и только из упрямства стесняешься открыться нам?

— Повторяю: к чорту романье!..

— Однако журналы убеждены, что ради новых приключений и острых впечатлений ты залез на север, в лесную глушь, в медвежью берлогу, чтобы поразить мир новыми романами.

— Журналы верят в твой радио-темперамент и неосывающую энергию.

— Пишут, что ты в расцвете сил...

— Чукка, налей мне лучше коньяку. Я с наслаждением выпью за то, чтобы все эти журналы прогорели или нашли других дураков. Закурим, Хорт?

— Давай закурим — я подсушил табак.

— Подложить еще сучьев?

— Подложи.

— Кофе готов.

— Браво, Чукка.

— Вот коньяк, рюмки.

— Великолепно.

— Жизнь на-чеку.

— Ххо-хо.

— Наоми, скажи свое слово.

— Чукка, налей полнее коньяку Наоми.

— О чем сказать мне?

— Все равно, Наоми, что взбредет. Для церемонии.

— Сейчас — мы у костра весенней ночи. Мы бодрствуем, встречая восход солнца. Мы сознаем, что там в землянке каждый час поет Цунта, напоминая о быстро улетающем времени. Близится рассвет, близится час жизнотворчества. С высокой горы далеко видно кругом, что все преисполнено сном ночи. Но мы бодрствуем, празднуя весну. Значит — где-то может быть такие же охотники или иные лю-

ди, или не знаю кто — также сидят у костра и ждут рассвета, будто боятся его пропустить, поглядывая на восток. Я пью за тех немногих, кто дорожит часами Цунты, кто жадными глотками пьет сочное дыхание весны, кто не спит в этот рассветающий час. Право же слишком коротка жизнь и надо об этом помнить.

— Браво, птичка Наоми.

— Ты — наша Цунта.

— Хорт, ты погладь мои волосы и шею, как гладил мне прежде, это напомнит мне раннюю юность и сделает меня меньше... А то я так страшусь взрослости. Я даже перестала быть мечтательницей или почти перестала. Я хочу остаться дочерью весны, девочкой нового мира, ребенком времени. Хорт, Чукка, Рэй-Шуа, давайте скакать через большой огонь костра. Я подложу кучу сучьев. Ну?

— Давай.

— Кто-хо. Скачем!

— Кто выше — кто дальше?

— В чем же дело?

— Ух! Чорт, берегись.

— Разгорайся, костер, пылай!

— Любишься, мир, на своих детей.

— Ну, прыгай, начинай.

— Ярче гори, костер.

— Смотри, весна, смотри и радуйся!

— Сердца зажжены, как глаза.

— Первый Хорт. Ну.

— Ладно; я с разбегу?

— Все с разбегу.

— Валяй!

— Ух, ты... ух, несется!..

— Ррраз!

— Браво! Хорт! Вот твоя черта.

— Теперь, Наоми. Ну.

— С восторгом!

— Ррраз...

— Молодец, Наоми!

— Вот твоя черта. Чуть ближе Хорта.

- Чукка, ну.
- Ух! понеслась!..
- Ррраз... Готово.
- Твоя черта наравне с Наоми.
- Теперь очередь за обезьяной — за мной.
- Ладно. Валяй.
- Вот...
- Ррраз...
- Ага! Рекорд за мной. Я на четверть дальше Хорта.

Прошу выдать мне приз — рюмку коньяку.

- Я оспариваю рекорд. Долой Рэй-Шуа.
- Браво, Хорт, браво! Ну!
- Ух, длинноногий дьявол.
- Вот... вот...
- Ррраз... Готово...
- Браво! Хорт. Рекорд побит. Дальше на четверть.
- Ну, нет. Посмотрим. До трех раз.
- Все равно — рекорд будет за мной! Будет!

26. ЛЕТО ПРОЩАЛЬНОЕ.

Думал ли Хорт о смерти?

Нет.

Дети не думают о смерти, а он был истинный, искренний ребенок, научившийся еле ходить по земле счастья.

Не сожалел ли Хорт, что теперь перед концом дней своих он лишился покоя созерцания и уединения?

Нет.

Новый, юный, второй Хорт теперь не знал, что такое одиночество или тоска.

Ведь Наоми, Чукка, Рэй-Шуа, Диана, землянка, охота, Ружья, рыбацкая лодка и северная природа — окружали его радугой великой дружбы.

Не видел ли Хорт в чем-либо ошибки?

Нет.

Или обе жизни его — сплошная ошибка, или все происходящее, все совершающееся — сплошной разумный, утверждающий смысл.

Не он ли верил, что ничего на свете зря не происходит?

Значит — все основания за высшее оправдание жизни были у него в сумме прожитых лет.

Не искал ли Хорт еще большей высоты, чтобы в последний раз еще шире и глубже познать вершину достижений?

Нет.

Он невыразимо благодарно улыбался своей затейной судьбе и если искал высоты — то этой высотой он называл мысль пожелать и другим такого же блистающего счастья второй жизни.

Хорт смотрел вокруг.

Сам мир улыбался ему навстречу, как-будто говорил:

— Ну, что тебе нужно еще?

И Хорт отвечал:

— Ничего. Со мной все.

Теперь Хорт облюбовал Черное озеро, что было в верстах четырех от землянки и стояло под сосновым обрывом высокой горы, на противоположной стороне реки так, что издали было видно на горе, в лесу, землянку.

Черное озеро было очень глубоко на середине, а на концах заросло густым камышом и травой, — здесь жили утки большими выводками.

Озеро отличалось крупной рыбой.

Хорт сколотил тут плотик и рыбачил, и охотился.

У Наоми был свой плотик, у Чукки и Рэй-Шуа — свои.

Все или раз'езжались по разным местам или сцеплялись все вместе и плавали деревянным островком по громадному озеру.

Кто охотился, кто рыбачил.

Диана же неотступно следила за утками и повизгивала от непонимания, почему все так лениво быют уток, раздражающих чутье.

После выстрела она спрыгивала в озеро и уплывала доставать утку — это было верхом ее удовольствия.

Фыркающая от воды черно-рыжая морда Дианы с уткой в зубах — изумительная картина, которая приводила Наоми в детский восторг; впрочем, не менее ликовали и другие охотники.

Наоми ловко стреляла и увлеклась охотой до самозабвения, до сплошных охотничьих снов.

Зимой она два раза ходила на берложных медведей и оба раза медведи бросались именно на Наоми, которая храбро их отражала.

И все же не переставала называть всех на свете медведей «симпатичными».

Наоми за свои десять месяцев пребывания на севере, в лесной землянке, заметно преобразилась под острым влиянием могущественной природы.

Из хрупкой, мечтательной, вспылчивой девушки города, из избалованной дочери капиталиста Старта она стала здесь умиротворенной, сильной, ловкой, здоровой, энергичной.

Она научилась разговаривать с молчанием бесконечного леса, она оценила смысл медвежьей берлоги и океанское величие своих друзей.

Теперь, плывая на своем плотике с ружьем и Дианой, ей странным, нелепым видением казался ее богатый, но бездушный, бессмысленный дом, где во имя денег, как в тюрьме, томились ее отец и мать.

Захотелось поверить ей, что они тоже будут здесь и увидят, поймут, почуют истину о жизни, легенду о вседержавности природы, сказку северных дней в лесных горах у реки и радость, волнующую радость охоты.

И о Ниа и Джеке вспомнила она: всех их захотелось так увидеть здесь.

Она подплыла к плоту Хорта и спросила:

— Знаешь ли, милый, о чем сейчас я раздумывала, кончив охоту?

— Знаю: ты думала об отце, матери, Ниа и Джеке...

— Правда.

— Потому что и я думал о них: ровно через месяц мы их вызовем сюда проводить меня, если они пожелают...

— Хорт, это будет так гениально.

— Мы соберемся все вместе.

— Как прежде.

— Да.

— Они будут горячо тронуты, Хорт, они могут прилететь на аэроплане.

— Ну, конечно. Мы устроим небывалый пир, шумный, блестящий пир и... Кончено!..

— Хорт, не говори до конца...

— Прости, не буду.

— Воображаю, как они будут рады увидеть тебя и нас.

— Завтра! или на-днях мы разошлем им телеграммы и письма.

— Я закажу им разных невероятных вещей — здесь все это обретает исключительную ценность.

— Наоми, ты улетишь с ними домой?

— Хорт, я не хочу об этом говорить пока...

— Прости, птичка.

- Не надо... Ну, ладно, потом... Как охота?
- Вот три кряквы на ужин и завтрак.
- А вот я поймал щуку на двенадцать фунтов и пять окуней. Я мало рыбачил. Смотрел...
- О чем думал ты?
- Я смотрел вокруг и радостно, нежно прощался с летом — хорошее, дивное было лето, будто для меня, специально — для Хорта Джойс по заказу.
- Это порядок вещей.
- Наоми, я стал избалован счастьем, что всерьез начинаю думать, будто мир действительно крайне озабочен, чтобы доставить мне максимум приятного.
- Ты избран судьбой — это понятно. Ты — юноша.
- Кстати — о розовой юности. Наоми, птичка, прошу тебя спшить мне розовую рубашку из твоего платья. Это выйдет хорошо и мне так нужно для конца. Понимаешь?
- Да, Хорт.
- И ты пришей к воротнику и груди несколько золотых украшений и несколько серебряных бубенчиков, что имеются на кукле-негрityнке.
- Это хорошо.
- Не правда ли?
- Я думала об этом.
- И еще ты сама по вкусу своему сочини к розовой рубашке что-нибудь, в роде надписи: Хорт Джойс ушел рыбачить или на охоту... Все равно — что-нибудь.
- Понимаю.
- И пришей на прощанье свою записочку.
- Не говори больше.
- Прости. Не буду. Я просто радостен.
- Что сказал ты лету?
- Я могу повторить, то-есть сказать в самом деле несколько пестрых слов.
- Повтори.
- Чтобы не забыть — еще одна просьба: быть может, напишут записочки и Чукка и Рэй-Шуа. Ты тоже пришей их к рубашке. Я прочту... Там, потом, прочту....
- Хорошо. Повтори слова лету.

— И вот еще обязательно, не забудь. И я не буду больше говорить о рубашке.

— Ну...

— Ты намаж какой-нибудь краской ступню, след Дианы и отпечатай на рубашке.

— Устрою.

— Спасибо, птичка. Что я могу сказать лету? Вот. Прощай, до свиданья, прощай на долго, мое десятое лето. Я говорю десятое, потому что первые сорок прожитых лет не видел сквозь мрак бедности и несчастья. Прощай, десятое лето. Ты видишь: я совсем мальчиком стал и мечтаю о розовой рубашке с серебряными бубенчиками. Каждому зеленому дереву, каждой травке, каждому цветку, каждому дыханию твоему горячему — кланяюсь. Всем твоим дням и ночам — кланяюсь. Надеюсь, мы расстаемся друзьями. Пусть Цунта останется свидетельницей, что я дорожил каждым часом твоим. Согретый, влюбленный, радостный, юный, счастливый, я прощаюсь с тобой, мое последнее лето, знойное, изумрудное лето...

...Сегодня на березе я увидел первую желтую ветвь. Я понимаю, что это означает. Ты уйдешь чуть раньше меня и ты запомни: Хорт несказанно был благодарен тебе за все дни и ночи. Да. Мы никогда не увидим друг друга и не надо...

...Наша песня кончилась — мы взяли свое. Прощай, прекрасное лето. Смотри: я сияю радугой над озером. Наоми, и ты — со мной...

27. СМЕРТЬ ХОРТА.

Белой с голубыми цветами громадной скатертью была покрыта поляна около Черного озера.

Наоми, Чукка и Ниа готовили все необходимое к торжественному столу: расставляли посуду, бокалы, бутылки с вином; раскладывали на желтые листья, вместо тарелочек, отборные груши, яблоки, виноград, конфеты, орехи, пряники, сласти.

Закуска и обед стояли рядом на особом возвышении, где белели и тарелки.

Костер доканчивал приготовление обеда под наблюдением Чуки, празднично ярко одетой, как и Наоми, и Ниа.

Высокий, безоблачный тихий день подходил к вечеру.

Мужчины и лэди Старт сидели на берегу реки, где на песчанной, широкой, гладкой от воды, отмели стоял весь металлический аэроплан, сияя серебром на солнце.

Около аэроплана, на реке, стояла моторная лодка.

Россыпным золотом осени светились берега, легкие и нежные от оранжевой тишины.

Будто снопы пламени вырывались из гущи леса пунцовые осины и рябины.

По течению реки плыли желтые листья.

Дикие гуси и утки стаями носились над рекой, пугливо разглядывая гигантскую блистающую птицу, с распростертыми крыльями.

Пугливо перекликались пролетающие кулики.

Издали, высоко на золотой горе, виднелась землянка, над которой был поднят розовый флаг, сшитый из оставшихся обрезков платья Наоми, что ушло на рубашку Хорту.

Нарядные гости курили и смотрели на землянку, готовившуюся осиротеть.

Хорта с ними не было: он ушел на несколько минут на Черное озеро, чтобы, вероятно, еще раз убедиться, что его рыбацкая лодка, перетащенная сюда, стоит на месте, око-

ло плотиков, в полном порядке, скрытая в кустах, окаймивших озеро.

В предвечерней тишине звонко грохнули два сигнальных выстрела — это стреляла Наоми, приглашая всех к столу.

Через минуту гости шумно окружили торжественный стол на поляне.

Над серединой стола была воткнута рябина с коралловыми ягодами, а на ветке висела Цунта.

Появление Хорта было встречено аплодисментами, выстрелами и откупориванием бутылок.

Все кричали:

— Качать Хорта, качать! Браво, Хорт!

И когда откачали виновника торжества, Хорт, весь сияющий в розовой шелковой рубашке, с нашитыми золотыми, серебряными украшениями и записочками, позванивая серебряными бубенчиками от движений, взял за руку Наоми и заявил:

— Друзья, вы, конечно, догадываетесь... Наше сегодняшнее торжество устроено по случаю того, что я осыплен согласием Наоми выйти за меня замуж. Отныне я — жених своей невесты Наоми. Мы обручены!

Хорт горячо поцеловал Наоми, которая тоже была одета в розовое кружевное платье, расшитое тоже украшениями.

Все бросились поздравлять.

Наоми ответила:

— Милые гости, моему счастью нет берегов, нет пределов, как нет таких человеческих сил, чтобы словами раскрыть мою душу, похожую на волшебный сад роскошных радостей. И все эти радости жизни дал мне любимый жених, мой розовый, юный Хорт.

Наоми крепко расцеловала жениха.

Цунта звонко, дивно пропела 5 часов.

Все шумно хлопали в ладоши, закусывали, выпивали, чокались, перекидываясь в перекрестном огне приветствиями, фразами.

— Милый Джек, ты снова с нами. Здесь.

— Нью-Йорк и землянка. Ххо-хо!
 — Ниа, за твое королевство экранов.
 — Чорт Джек...
 — Обезьяна Рэй-Шуа...
 — Дай твою морду, я лизну ее.
 — Хорт, смотри: Старт тянется к тебе.
 — Чукка, подвинь мне блюдо с утками.
 — Мерси.
 — Ниа, Джек, вы помните Австралию?
 — Эта река походит на Мурумбиджи.
 — Наоми, Хорт, за ваше вообще...
 — Смотрите: стая уток над нами.
 — Рэй-Шуа, стреляй.
 — К чорту уток, я среди гусей.
 — Диана пиль, пиль.
 — За детство мира. За розовую рубашку.
 — За серебряные бубенчики.
 — За малиновый звон юности.
 — Цвети, вторая жизнь.
 — Лей полнее.
 — Джек, ешь сигиру.
 — Оль райт!
 — За рябину и Цунту над столом.
 — Гори, сияй, наш юношеский пир.
 — Хорт, ты великолепный жених.
 — Еще бы.
 — Ого.
 — Жизнью бей в жизнь.
 — Хорт, что-нибудь крикни уткам над головой.
 — Скорее, вот они.
 — Эй вы, утки и селезни, вытянутые головы на юг, пользуйтесь случаем, что охотники распьянствовались и руки их потеряли твердость. Наш удар в другом. Вся наша стая слетелась сегодня к торжественному столу, чтобы отпраздновать счастье юности, озарившее нас пришествием новорожденного мира, новоявленной жизни. Смотрите: здесь — в отчаянной глуши севера стоят на реке аэроплан и моторная лодка, а здесь — на поляне — белая скатерть с яв-

ствами и редкими винами и кругом — нарядные, большие, пышные люди из вилл и небоскребов. Здесь всюду разбросаны иллюстрированные журналы и книги. Смотрите: в какую розовую рубашку с бубенчиками и записочками нарядила судьба меня и мою невесту, Наоми. О, Хорт, Хорт. Кто теперь узнает тебя, такого неслыханного счастливца — юношу среди всего этого превосходного пира. Воистину — начинается мир, если Хорт, новый, второй Хорт обвеян торжеством происходящего. Жизнь есть жизнь. И я безгранично признателен друзьям и себе, что судьба изменила путь уединения, что я кончаю минуты так, как кончаю. Все — к совершенному. Я рад, что соединил землянку с Нью-Йорком. И теперь спокойно, весело, даже задорно уступаю жизнь старому Хорту. Солнце идет к закату. Цунта досчитывает минуты — их осталось не более восьмидесяти от десяти лет. Я сдержу железное слово и отправлюсь путешествовать, по дороге позванивая бубенчиками и читая записочки друзей детства. Воображаю, какие комплименты там написаны... Вот о чем я сообщаю вам вслед, улетевшие утки. А теперь желаю, чтобы гости меня повыше подбросили. Ну.

— Качать, качать, качать...

Все бросились качать Хорта с криками:

— Выше, выше!

— Еще выше!

— Держи, лови, ну, вот.

— Еще да ррраз!

— К уткам, в небо, ррраз!

— Опп-ля. Рррраз!...

— Ловчей. Ну, ну.

— Да ввыше, ух!

— Вот его, вот, вот! Опп-ля! Ррраз!

Хорт летал, размахивая руками, как бы хватаясь за небо.

Потом качали Наоми.

Ниа спела свою индусскую песенку о маленьком слоне, который был ее другом первых лет.

Джек Питч сплясал по-мексикански.

Диана лаяла на Питча, прыгая на плясуна.

Старты забыли о своей солидности и искренно ребячились с Дианой и Рэй-Шуа, который бегал на четвереньках и чесался, изображая обезьяну.

Хорт хохотал над разошедшейся обезьяной:

— А ну, почеси животик.

Наоми дразнила Рэй-Шуа, подсовывая ему журнал с его портретом:

— Смотри, как эта обезьяна походит на тебя. Только гораздо умнее — она пишет романы.

Рэй-Шуа выхватывал журнал, пробовал его на вкус и плевался.

Чукка поглядывала на Цунту.

Минуты стремглав неумолимо летели.

Сроки приближались...

Тревожно в стороне гоготали гуси.

Солнце светило холодным блеском лезвия, напоминая застывший взмах ножа.

Розовый флаг над землянкой опустился в закатном безветрии.

Высокая берлога смотрела покинуто.

Все считали секунды...

И только один Хорт был совершенно беспечен: он возился с Дианой.

Цунта пропела 6 часов.

Все вздрогнули.

Хорт вскочил, крикнул:

— Чукка, принеси мне приготовленное к отходу поезда.

Чукка принесла стакан холодного коньяку, лимон в сахаре и сигару.

— Эй, Старт, Рэй-Шуа, — твердо сказал Хорт, — вы, надеюсь, помните наше условие. Пью за жизнь до конца. В моем распоряжении 30 минут. Ровно. Пятнадцать из них я отдаю вам, а пятнадцать оставляю себе. Предупреждаю: пусть не перестанут светить улыбки. Я уезжаю счастливеешим. Ниа, спой индусскую песенку, а я выпью. Эй, Наоми, Чукка, пусть ваши глаза не оставят памяти печали.

Ниа запела.

Хорт выпил стакан, с'ел кусок лимона, закурил сигару.

— Ну, Рэй-Шуа, закурим.

— Закурим. Да... — тихо, просто, как всегда произнес Рэй-Шуа, — Старт, Джек, закурим.

Мужчины закурили.

Хорт подошел к Стартам.

— Ну вот... Я несказанно буду рад, если Наоми и вы, где-то там далеко иногда вспомните о своем директоре, немного нелепом... Спасибо за все, — главное — за легенду мою, Наоми. До свидания... Я тороплюсь.

Хорт поцеловал Стартов, подошел к Ниа и Джеку Питч.

— Мы все-таки повеселились, не правда ли? Надеюсь, вы не очень раскаиваетесь о прогулке. День такой изумительный, как вся осень. Ну что же, кланяйтесь небоскребам. Целую вас, Ниа, Джек.

Хорт схватил в охапку Рэй-Шуа:

— Теперь очередь за тобой, мой беззаветный спутник, родной охотник. Знай, что я не настаиваю больше, чтобы ты писал книги, нет. Ты достаточно поработал. Охотиться забавнее, острее. Словом — это дело твоей орбиты. Значит — ты с Чуккой уезжаешь на моторной лодке до весны? Прекрасно. Землянка и утки будут ждать. Береги мое ружье — оно пригодится. Лодка будет жить в кустах у плотиков. Все в порядке, все. Прощай, Рэй-Шуа, до свидания, ну...

Хорт взглянул в сторону Черного озера, сделал несколько шагов, подозвал Чукку:

— Слушай, дочка родная моя, ты пойдешь к озеру, когда Цунта пропоет 7 часов, а пока ты займешь гостей. Помни: ты одна только подойдешь к плотикам. Причаль лодку, как следует, она будет нужна.

— Слушаю, отец, исполню.

— Ну, а теперь прощай. Дай я поцелую глаза твои. Не суди мою жизнь, а благослови: ведь ничего зря не произошло. Видишь — я пронзен счастьем, пьян от юности. Улыбнись. Ну вот...

Хорт бросился к Наоми, но по пути поднял на руки Диану, прижал к груди, поцеловал в чутые.

— Прощай, собачья, великая радость наша... Родная, зверюга, наша Диана... Прощай... Эй, Чукка, возьми и привяжи собаку пока...

Наоми сама кинулась к Хорту и шептала:

— Не говори ни слова, а только слушай: разреши, любимый, пошли, дай мне еще больше счастья — разреши уйти с тобой, Хорт — ведь это будет так волшебным...

— Никогда, нет, — отказал Хорт, — ты, птичка любимая, и ты лети домой на юг. Пой там легенды о жизни. Ты бесконечно права: моя ли жизнь не спутана с легендой о тебе и вообще... Будем любить нашу юность, нашу вечность встречи... Лети на юг, пой, звени, твоё тепло во мне. И спасибо тебе за розовую рубашку... Прощай, любимая, прощай, легенда моя... Я бегу, бегу... Ну ещё раз целую, невеста моя. Прощай...

Хорт бегом побежал к Черному озеру, отрывая по пути записочки, пришитые к рубашке, около отпечатанного следа Дианы.

Он вбежал на плоты, пересел в свою рыбацкую лодку, отъехал к лесному обрыву, в самое глубокое, в самое черное, бездонное место и раскрыл записки, — их было три.

1-я.

«Это я, Рэй Шуа, клянусь тебе величайшей дружбой и отпускаю тебя в рай бессмертия. Я на коленях перед высотой твоей. Сияй в звездах, торжествуй в мирах, бейся в сердцах наших. Живи».

2-я.

«Знай, отец: с тобой я, Чукка, кровь твоя, дочка твоя. Ни на секунду неразлучны мы, с тобой я. Вот — вся я, Чукка, с тобой я».

«Любимый мой, биением каждым сердцем говорит мне: Хорт, Хорт, Хорт, Хорт. Хорт... И пусть, любимый, твое сердце ответит мне: Наоми, Наоми, Наоми, Наоми... Ведь вместе мы, вместе. Ты чувствуешь, да? Скажи, — ведь да? Хорт, Хорт...

Хорт за рубашку положил записки, с последней улыбкой поцеловав слова, погладив борт лодки, где любила сидеть Наоми.

Потом надел на шею тугую петлю, привязал конец к якорному камню, осторожно опустил его за борт, придерживая веревку левой рукой, а правой охотничий нож воткнул себе в сердце, выпустив камень...

На дно Черного озера ушел Хорт, к Умбу...

Осиротела рыбацкая лодка...

Осиротел мир, знавший Хорта...

Приложения

АЭРОПЛАН И ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Эскиз авиатора Василия Каменского

Со священным трепетом первой любви, я купил себе весной аэроплан Блерио.

Нанял ангар на гатчинском аэродроме. Взял механика.

Дней десять ездил в Гатчину: наблюдал за полетами военной школы, приглядывался; принюхивался, прислушивался к летунам, мотал вес себе на ус.

В свой ангар к аэроплану входил, как жених к невесте, с благоговением, с радостными ласками, с радужными надеждами.

Прикасался любовно и бережно к упругим, вздрагивающим крыльям.

Обижался, ревновал, если механик иной раз не был достаточно деликатен в своем обращении с аппаратом.

Серьезно сердился, если кто-либо мой Блерио фамильярно называл «Блериошкой».

Целыми часами я смотрел на свое крылатое сокровище и с увлечением думал: вот — мое желанное счастье, моя действительная, настоящая любовь, первая, светлая, горячая, огромная любовь... к аэроплану.

Чорт возьми, в самом деле: в те весенние, солнечные дни я ясно и глубоко чувствовал эту первую, великую любовь к своей прекраснейшей птице.

И одна мысль: — что вот-вот, скоро на этой птице я шумно поднимусь в воздух — наполняла меня безграничным счастьем.

— И я буду летать! — кричал я гордо в небо.

Однажды я решил... Встал в четыре часа утра, вывел аэроплан на поле, сел на него, пустил в ход мотор и быстро побежал по земле...

Боже мой! как меня трясло от волнения.

После полуторачасового «рулирования» по полю я, наконец, потянул рычаг на себя, и моя стрекоза первый раз «прыгнула» в воздух.

Широко раскрылись мои глаза, в груди, восторженно замерла улыбка счастья. Стало легко, весело и чуть-чуть жутко от неизведанного ощущения.

Весь этот день я считал себя молодым богом: и как-то не верилось, что на земле еще не решен самый простой вопрос о смысле жизни...

Прошло еще несколько счастливых дней, я сделал еще несколько удачных взлетов и так разгорелся благородным пылом, что не мог удержать себя и, несмотря на ветер и предупреждения товарищей, все-таки рискнул полететь и, конечно, упал и вдребезги разбил свою прекраснейшую птицу.

И, когда с выбитым зубом и расшибленной рукой я поднялся с земли и посмотрел на свою разбитую любовь, у меня до криков больно сжалось сердце и я зарыдал над своим обезкрыленным сокровищем.

Нет, мне ни за что не хотелось верить, что это горе еще поправимо. О. это было мое поистине ужаснейшее, невыносимое горе!

Однако, ровно через неделю, к своей безграничной радости, я снова увидел свою возлюбленную птицу во всей красоте и снова счастливо улыбнулся.

Удивительно: мое падение так ободрило меня, так воодушевило, что во мне родилась с этих пор какая-то отчаянная уверенность в своей воздушной судьбе: может быть, это произошло оттого, что я убедился в том (после я еще более убедился в этом), что падать с аэроплана ничуть не страшно и даже напротив — интересно.

Полетав еще некоторое время в Гатчине, я решил предпринять «свадебное путешествие» и с этой целью упаковал свою стрекозу в огромный ящик и поехал с ней в свои края, на Каму, в Ннжня-Куры.

Там, на песчаном, золотом берегу Камы, мы с механиком смастерили своеобразный ангар и... я начал медовый месяц со своей возлюбленной птицей.

Вечера были чудесные, тихие. Мотор работал прекрасно. Белой гигантской чайкой я носился над золотыми берегами и над Камой.

Ах, какая это была красивая жизнь! Точно сказка, невероятно-красивая сказка...

Со всех сторон ехали на лодках, на велосипедах, шли целыми толпами ко мне курьинские дачники. Молодые дачницы приносили цветы и обещающие улыбки...

Однажды, как-то после полета, я слез с аэроплана и вдруг увидел перед собой стройную, милую девушку, с огромными, черными глазами, которые ласково смотрели на меня.

Я хотел пройти мимо, но как-то невольно подошел к ней и спросил:

— Вам правится, что я летаю?

Она не сразу, странно ответила:

— Да... но я боюсь за вас.— И она протянула мне цветы.

— Мерси.

— Вы не боитесь смерти?

— Что вы! Я так люблю жизнь, что о смерти никогда не думаю.

— Вот как...

— Да...

Она снова посмотрела на меня своими глубокими, как ночь, черными глазами и тихо спросила:

— Скажите, зачем вы летаете?

— Я люблю летать... Кроме того я люблю свою птицу единственной, огромной любовью...

— Вы это серьезно?

— Серьезно, искренно. Другой любви, более сильной, я никогда не знал и не хочу знать. Земная любовь приносит только страдания...

— Не всегда... — она опустила глаза. — Я уверена, что все-таки земная любовь когда-нибудь победит и вас, как побеждает все...

— О, нет.

— Во всяком случае, ваша единственная любовь к вашей птице, как и в жизни, пройдет и заменится привычкой или даже ремеслом.

— Никогда.

Она протянула мне свою руку и наши глаза как-то странно встретились.

Я спросил:

— Мы еще увидимся?..

Она с тихой улыбкой ответила:

— Затем?.. — и ушла.

Я долго смотрел ей вслед и долго думал о глубине ее, как ночь, черных глаз.

Потом мы еще встречались с ней несколько раз и эти встречи повели к тому, что я решил уехать куда-нибудь подальше, со своей стрекозой.

Медовый месяц кончился. Я упаковал аэроплан и отправил его на юг.

За день до моего отъезда на юг я получил от черных глаз большое письмо, в котором она умоляла, во имя ее — тоже первой любви — не покидать ее и — главное просила никогда не летать больше...

На другой день, перед отходом поезда, я написал ей: «...да и я глубоко люблю вас; и вот, из боязни, что земная любовь победит меня и заставит бросят летать, я уезжаю, потому что не летать не могу, а, летая, я должен быть свободным. Простите...»

Я уехал.

Прожил на юге недели две, потом снова уехал на Каму: невыносимо трудно стало жить без глубины черных глаз...

Не доезжая до места, случайно на станции я купил камскую газету и с ужасом прочитал: «Вчера отравившаяся М. Н. Г. скончалась, оставив странную записку:

«Он знает, что мою жизнь отняла авиация...»

Сейчас же я снова вернулся на юг.

Своей стрекозе я изменил. Стал летать на другом аэроплане «Этрих». Летал часто, долго и безшабашно.

Тут же сдал экзамен на звание пилота-авиатора.

О, теперь я научился не думать не только о смерти, но и о жизни.

Все равно!..

Только часто за стаканом вина вспоминаю свой медовый месяц со стрекозой на золотом берегу Камы и всячески стараюсь не думать о глубоких, как ночь, черных глазах...

И я часто от скуки пою:

Я летаю,
Слез не знаю;
Все на свете
Трын-трава.

Но иногда, во время полетов, в туманном пространстве
я вижу перед собой огромные черные глаза и как будто слы-
шу знакомый жуткий шопот:

«Не летай — ты погибнешь...»

НЕПРЕРЫВНОСТЬЮ ТОКА

Электроискры пронзили вселенную
Электротворчеством вольт
Непрерывностью тока
Песню взяли как в плен мою
Песню-раздоль
Вихревого потока
И понесли электронно
Сквозь извилины мозга
Социального фронта
От Запада до Востока.
Сияй!
Сияй!
Сияй!
Электровзвейностью разом
В высоту беспредельной лазури
Мы из Красной России
Над миром зажигаем Разум —
Электронный Везувий.
Гори!
Гори!
Гори!
Это мы в кумачовую сласть, —
Яркоцветные лугов сенокосцы,
Забираем Человечества власть: —
Потому что все мы —
С-о-л-н-ц-е-н-о-с-ц-ы!

БАВИЛОН ФОНЕТИКИ

Браба́.
Федерасион фонетик интернасиональ.
Жантиль э ронти.
Травайй, травайй.
Воль-плянэ. Финаль.
Вон труа. Ассэ. Ава.
Сюр ля пляс Исси-ле-Мулажи
Браба́.
Э, бьен. Линó.
Оль райт.
Ай стойт. Ай спик.
Уайт.
Ды бокс, эс, вери матч.
Оль райт.
Плиз би сайлянт.
Хатч
Уэлл оф ляндр
Браба́.
Ди заллен.
Мейн брабехсту.
Шнель шпациерн. Я.
Вас махсту?
Их виль заген. Митте
Их виль глянзен.
Зеер гут. Битте.

Хох.
Бир халль —
«Вейсер беер». Нах
Браба́ — Изухаллес.
Едите, бибите,
Коллеги алигес,
Посмульта секуля
Покуля, нулля.

Сапиент сат.
Яссо. Пеколя
Эскаль ди. Улля.
Митконе са.
Азу гра.
Пжепрашим. Зутэлнэ.
Ноць швянта
Ноць циха.
Лишть виногону
По моем окне.
Злегка сен пне.
Бялы бусозы.
Стойён там в жонде
Смутны гловы куземично.
Над водам
Мажон лябэндэ
О гвяздах спадлых
На езёр дно.
Воне ешть земя

Плопон зонже.
Браба́.
Ам ниччо миа.
Бель цамборино.
Виа.
Солё биччо тиа.
Кампа рино.
Менч токватто
Элля
Цапно батто.
Сальто.
Эйт. Браба́.
Каяма. Мото. Яу.
Цао.
Яте хоп аваки.
Мау. Яо.
Хакки. Браба́.
Цян-дзы.

О-шан-учао-и.
Шуа-хай-й-ли.
Банзы.
Чин-джао-и.
Браба́.
Сайлям маликем.
Ацо. Гяз ай бянь.
Меджи джан когон.
Чэм, чэм. Микем.
Юз хардым урзянь.
Гяюю. Яхши.
Халы Бир май ай себас.
Чобас. Гарэм азадс
Вамзис, Черибан, Саадэт.
Юх ай бял салма.
Браба́.
Гамавата апаи оуш
Бгава аши жайи
Амоа
Хивата джоуш
Шкайи
Агуа
Шайма галайн уа.
Юма майи
Вэа аво моа тайн.
Браба́.
Айоц.

Пятка букв з-л-е-к-т-р.

Буква **З** **З** **З** **З** **З**
 З эе, эе, эе, эе, эе.
 З проей буква З, одна.
 З повертиска З,
 Зектиска
 З-з, з-з, з-ва, зуда.

Буква **Л** **Л** **Л** **Л** **Л**
 Л-ль. Л **Л**
 Силое **Л**
 Любит в любви **Л**
 Силое. Л-ль-ль.

Буква **Е** **Е** **Е** **Е** **Е**
 Е-е, е, е, е, е.
 Е-е, е,
 Е-ма, е, е, е, е.
 Е-Е. Е-Е.

Буква **К** **К** **К** **К** **К**
 К-ка. К-ко. К-ку.
 К-ку. К-ко.
 К-ку. К-ку.

Буква **Т** **Т** **Т** **Т** **Т**
 Т-та. Т-та. Т-та.
 Т-та. Т-та. Т-та.

Буква **Р** **Р** **Р** **Р** **Р**
 Р-рррр. Р-ра-за.
 Р-ррр.
 Р-ррр.
 Р-ррр.

З-л-е-к-т-р.

З З З З З

Л Л Л Л Л

Е Е Е Е Е

К К К К К

Т Т Т Т Т

Зем. Замоч.

Зем. Замоч.

Зем. Замоч.

Зем. Замоч.

Зем. Замоч.

**ВАСИЛІЙ
КАМЕНСКІЙ
ЦУВАММА**
ПОЭМА

Из-во „КУРАНТЫ“
Тифлисъ
1920

Провозвестница птица
Полярной Цуваммы
Встречальной Страны
Приливающих дней —
Из Ковчега грядущаго
Посланы к вам мы —
Мы — кому жизнь горизонтов
Видней —
Мы поэты любимой Цуваммы.
Цамайра — Цамайра.
В крыловейной Стране
Солнцеутренних песен —
На единственном острове
Среди синих морей —
Наш таинственный взлет
До чудес поднебесен —
До карнавальности звезд-янтарей.
Мы — поэты астральной
Полярной Цуваммы —
Дети острова Радостей
Избавители Злого —
Принесли —
Вольнотворческий дух мудрецам мы —
Верные рыцари Слова —
Путешественники из Цуваммы.
Цамайра — Цамайра
Цамм — цама.
Цамм — цама.

В пламени подвигов
Обвеянные венчально
Поэты Страны Океанской Раздоли —
Грустно поем мы —
Перезвучально,
Изнывая в железной неволе.
А неволя железная —
Слепая привязанность —
Суэта ослепленная мелких страстей

И не чувствует никто —
Что святая обязанность —
Истины слушать из Цуваммы гостей.
Мы прилетели разгадывать тайны,
Создавая вершить
Красоту и людей —
Яркоцветные крылья у нас
Не случайны —
Крылья легенды — Судьбы Лебедей.
И всех призываем
Зажить мудротворчески —
Как будто живем
Неизменные там мы —
Где верят светло,
Вдохновляя пророчески
Умы и Сердца гениальной Цуваммы.
Цамайра — Цамайра —
Цамм — цама —
Цамм — цама.

Цувамма — Рай
Жбра мау Айя
Заря полярная Зоррай —
Цамайра цамм — цамай Тамайя
Цвети сиянием Галайя
Чурай слиянием чурай.
Цамайра — дайра
Мадайра марра
Остров Поэтов —
Цувамма — май.
Марш Табатайра.
Жбра мау Зайра —
Цамайра внимай.
Лейся симфония — радуга — лестница
Выше значение слов окрыли
О, песнепьянствуй —
Весна правозвестница
Поэтами нагруженные Корабли.

Золоторозсыпью —
Мировенчалностью —
Наполняя сердца утрозарным вином
Горите звучально
Венчально встречальностью
Гимн распевая
О царстве ином.
Цувамма — Цувамма —
Созвездий флотилия
Это в тебе нашла вихри мерцаний.
Цувамма полярная
Любимая лилия —
Лоно величественных созерцаний,
Остров рубинных разцветов
Где Дух — Властелин —
Страна солнцетканых Поэтов
Бирюзоводалей долин.
Цамайра — Цамайра —
Цамм — цама —
Цамм — цама.

Так песня за песней —
Гимн за легендой —
День за назначенным днем.
Сгорает судьба
Алошелковой лентой —
Цувамским, чаруйным огнем.
Если вся жизнь —
Перелет и горение
Надо с Поэтами утром расти.
Только Поэты,
Чьи вечны творения
Знают великия мудрости.
Ввысь от земли —
В небеса отвлечения —
К горизонтам бессмертия
И Божества,
К полярности Духа —

Моресвечения
Во славу человеческого торжества.
Девушки, Юноши.
Из любимой Цуваммы
На крыльях поэм
Семицветных зарниц —
Волей сверхвольности
Посланы к вам мы —
Из страны возникающих
Солнц — колесниц —
Из страны откровений Цуваммы.
Девушки, Юноши.
Молодость Индра —
Жбра мау Галайя
Паруса в безпределъ.
Цамайра — Рабиндра.
Цувамма — Тамайя.
Карусель. Карусель. Карусель.
Эй открыватели,
Рыцари Тигра,
Межпланетныя струи,
Живоносный исток —
Я в своих словотворческих играх
Над Вселенной вспеваю Восток:
Ай гора Джарам Чаррамэ
Коюн Чобан Шардамэ
Ашайри Мзэ заримэ
Черибан заримэ,
Салям зюля сайлям.

На Востоке Джарам —
Гора колыбель:
Там рождается Солнце
И утренне струйное,
Совершая полет в голубель,
Всем приносит нам —
Счастье чаруйное
Поэты и Солнце —

Красота и Джарам —
Это Дух из полярной Цуваммы —
Только этим священным дарам
Петь легенды
Ниспосланы к вам мы.
Вольность и Молодость
Чудо воскресни.
И оживи жизнедатную грудь —
В долинах Цуваммы
Неисчерпаны песни
И цветет неизбывно
Весна изумруд.
Цамайра — Цамайра
Дорога Цамайра —
Я снова провижу твой зов
Из Планет.
Цамайра — Цамайра
Рабиндра — Цамайра.
Снова вернусь я в Цувамму
Поэт.
Путь мой — крылатый —
Молниевзорный.
Ворота — царственный простор.
Дух мой — высокий
Дух чудотворный
Вселенноокый в веках Престол.
И я готов.
Вот с неба — лестница
И слышно дружеское пение:
Цуваммы птица провозвестница
Я знаю истинные ступени.
А здесь мне душно —
Несносно — больно —
И я в отчаянной прощальности
Вам оставляю жить раздольно
Для солнцевеющей Венчальности.
Туда. Туда.
Жбра мау харра.

На остров Индра —
Цувамма — май.
Цувамма дайра
Сияй Рабиндра.
Восток Джарам
Ай гимн внимай:
Ай гора Джарам Чаррамэ
Коюн, Чобан Шардамэ
Ашайри Мзэ заримэ
Черибан заримэ.
Салям зюля салям.
Цамайра — Цамайра —
Цамм — цама —
Цамм — цама.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ХОРТА

(Роман В. Каменского «27 приключений
Хорта Джойс»)

Судьба романа Василия Васильевича Каменского «27 приключений Хорта Джойс», впервые изданного в 1924 г., оказалась незавидной.

Роман этот до сих пор не переиздавался, а значит, оставался неведомым и недоступным (смею полагать, что среди современных читателей и почитателей таланта В. Каменского не так много счастливых обладателей оригинального издания, давно ставшего библиографической редкостью).

Не затронуло «27 приключений» и означившееся в последние годы резкое оживление научной, издательской и музейной активности, связанное с именем В. Каменского (1884-1961) – поэта, прозаика, драматурга, авиатора, художника, актера, путешественника и одной из самых заметных фигур в русском футуристическом движении¹.

¹ С 2000 г. «по Каменскому» были защищены три кандидатские диссертации, проведены две научные конференции, создан телефильм, новая экспозиция в доме-музее (с. Троица), мурал на ул. Вас. Каменского в Перми. В числе публикаций этих лет, не считая статей в научных журналах и популярной прессе – три академических сборника статей и материалов, исследования, переиздания мемуарной и автобиографической прозы, сборник ранее не издававшихся стихотворений и пр. Вместе с тем, остаются неизданными или нерепубликованными многочисленные произведения из обширного архива В. Каменского в РГАЛИ (ф. 1497), включая такие важные в контексте его творчества произведения, как драма «Жизнь авиатора» (Ф. 1497. Оп. 1. Ед. хр. 66) и «американская буффонада» «Золотая банда» (там же. Ед. хр. 99), рассказы, стихи, дневники и т.п. Даже классическая «Землянка» (1910) доступна читателям лишь в изуродованном и кастрированном переиздании 2001 г. Давно назрел вопрос и об издании научно подготовленного собрания сочинений.

К тому же, роман практически остался вне орбиты внимания исследователей, в основном поглощенных ранним (1910-1922) периодом творчества Каменского.

Речь идет, между тем, о весьма значительном произведении. Трудно – с определенными оговорками – не согласиться с Д. Николаевым: «“27 приключений Хорта Джойс” – одно из самых интересных с художественной точки зрения и недооцененных произведений первой половины 1920-х годов»².

Роман «27 приключений Хорта Джойс» может показаться довольно необычным для читателя, который начнет им знакомство с прозой В. Каменского. С другой стороны, это прекрасный повод для знакомства: в романе представлен в концентрированном виде весь Каменский, и «27 приключений» как бы синтезируют центральные темы и мотивы его творчества.

Многое в романе задано заглавием: «27 приключений» – это 27 главок книги, от первой, «Его невзрачная биография», начатой словами «Хорт родился...», до последней, 27-й, «Смерть Хорта». Это весь жизненный путь от рождения до смерти.

Каменский дал своему герою фамилию писателя, ставшего воплощением литературного авангарда. В 1924-м году она уже была «на слуху» в России, а в 1925-м в альманахе «Новинки Запада» появился первый русский перевод фрагментов «Улисса». Имя же «Хорт» звучит как иностранное, европейское, «немецко-скандинавское», *северное* имя.

«Хорт» – аналог «Глана» из романа К. Гамсуна «Пан» (1894). И в первой повести Каменского «Землянка» (1910), ставшей одновременно его первой книгой, и в стихах, и в «27 приключениях» роман Гамсуна был и остается одним из определяющих влияний. Как указывает М. Поляков,

Сюжет «Землянки» с ее противостоянием города и природы, с бегством от мира цивилизации в мир естественной жизни прямо корреспондирует с сюжетом «Пана». Многое объединяет героя «Землянки» и Глана – героя Гамсуна: оба живут среди скал, лесов, лугов,

² Николаев Д. Авантюрная модель в интерпретации футуристов: (роман В. В. Каменского «27 приключений Хорта Джойса» // 1913. «Слово как таковое»: К юбилейному году русского футуризма ... / Сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккара и А. Морар. СПб., 2015. С. 434.

оба захвачены первозданными голосами жизни, покорены природой, оба – одинокие странники на земле, своевольные чудаки и мечтатели. Вздвигнутость и самозабвенное преклонение перед природой – их характерные черты. Но есть и различие. Глан – обреченный мечтатель, бессильный и покорный судьбе. Для героя «Землянки» «жить – значит каждый новый миг открывать новую радость»³.

Сказанное в полной мере применимо и к «27 приключениям». Хорт, доживающий свой век в лесной землянке – тот же Глан в своей сторожке; и Хорт, конечно, человек Севера.

Весь роман выстроен на простейших бинарных оппозициях: Север – Юг, городская цивилизация (Нью-Йорк) и природа (землянка), «старый» Хорт и «новый» Хорт, литература и жизнь. Интрига, «жизнедатная», как выразился бы Каменский, искра возникает там, где оппозиции смыкаются в единстве – «Нью-Йорк и землянка», *жизнесмерть, североюг*. Обреченный на смерть «прежний», «старый» Хорт воскресает к новой жизни в единении с природой. Наоми, дочь табачного фабриканта Старта (фамилия настолько знаковая, что и указывать неловко) и друг Хорта, австралийский писатель Рэй-Шуа – эти витальные олицетворения Юга – волей автора перенесены на Север, к колыбели возрождающегося человечества, и символически «оплодотворяют» «снег и стужу» холодных северных пространств.

Однако Хорт еще и потому Хорт, что «хортом зовут особую борзую тонкого строю, например крымку, для различия от русской, псовой» (Даль). Вот почему Хорт в начале романа говорит: «Собака я, и в канаве издохнуть хочу» – и ждет «собачьей смерти». Собачьей смерти в канаве.

Вместо «собачьей смерти» несчастный железнодорожный конторщик Хорт, уже решивший было удавиться на кладбище – устремляется, словно «борзая тонкого строю», по следам своей пропавшей дочери Чукки.

Собственно, тут и должны были бы начаться приключения, авантурная часть романа, который порой определяют как «авантюрно-фантастический». И действительно, весь антураж налицо: стремительное обогащение героя, миллионеры, пароходы,

³ Поляков М. Василий Каменский и русский футуризм // Каменский В. Танго с коровами. Степан Разин. Звучаль веснянки. Путь энтузиаста. М., 1990. С. 578. «Землянка» вышла в свет осенью 1910 г. (обл. – 1911).

аэропланы, аборигены далекой Австралии, похищенные международной сетью торговцев живым товаром девицы, прельстительная индийская танцовщица и прославленный сыщик⁴.

И все же «27 приключений» сложно назвать полноценным авантюрным романом. Действие его первой, «авантюрной» части помещено в нарочито условные декорации – Австралия, например, напоминает гибрид арабского Востока и черной Африки. Это какой-то балаган, Зурбаган⁵, не Австралия.

Мало того, смяты и приключения. Ничего не говорится о том, как была спасена танцовщица Ниа. Чукка просто-напросто выходит из дворца «великого вождя Джоэ-Абао», повелителя австралийского Соленого острова, и садится в аэроплан спасителей. Имеется, правда, одна сцена нападения жуткой «громадной» змеи длиной «не менее 3-х метров».

Все это напоминает не авантюрный роман и даже не редукцию авантюрной модели к сказочно-фольклорной праоснове⁶, а лихорадочно-сбивчивый рассказ увлеченного фантазиями ребенка. И в самом деле, здесь – кивок в сторону детского и юношеского чтения Васи Каменского, в сторону Ж. Верна, Т. Майн Рида, Д. Лондона и Д. Кервуда (в «северной» части), книжек-«выпусков» о сыщиках:

То он – Стенька Разин, жгущий костры в Жигулевских горах на вольной дороге — или вдруг — храбрый путешественник Майн-

⁴ Имя сыщика, Джек *Литч*, созвучно *Линкертону*; как и прототип героя «выпусков» Ната Пинкертона А. Пинкертон, он живет в Чикаго (последнее указано в: Антипина З., Арустамова А. Америка в творчестве и биографии Василия Каменского // *Toronto Slavic Quarterly*. № 45. Summer 2013. С. 13). Сыщики Картер и Пинкертон действуют в «американской буффонаде» Каменского «Золотая банда» (РГАЛИ. Ф. 1497. Оп. 1. Ед. хр. 99).

⁵ А. Грин, по нашему мнению, неуловимо присутствует в романе – в именах, в феерических кораблях; возможно влияние «Загадки предвиденной смерти» и ряда аналогичных произведений 1910-х гг., посвященных теме предвиденной или предуказанной и неотвратимой смерти. В 1910-х годах Каменский и Грин публиковались в одних и тех же изданиях – напр. «Синий журнал», «XX век».

⁶ Николаев Д. Русская проза 1920-1930-х гг.: Авантюрная, фантастическая и историческая проза. М, 2006. С. 108-110.

Рида в тропической Мексике...»⁷

Вот в детстве все – боги, все – рыцари, все – Колумбы, все – Робинзоны Крузо, все – Стеньки Разины и все – Друзья. Детство спаси нас, научи, создай⁸.

На кой она чорт – эта взрослость. <...> Неслучайно и то, что Василий <...> проповедывал <...> о еще непотерянной возможности счастья стать всем <...> разом взрослыми детьми⁹.

Под созвездиями Детства и Дружбы и проходит вся вторая половина романа. Хорт, Рэй-Шуа и Чукка живут в землянке на Севере. Охотятся, рыбачат. В своем руссоистско-толстовском опрощении они обретают чистоту и простоту детей и зверей (Рэй-Шуа любит бегать на четвереньках, уподобляясь собаке или обезьяне). Полюбившая Хорта Наоми, приехав к ним, говорит:

Мы настоящие дети <...> мы должны это помнить каждую минуту. Здесь детская человечества. Здесь домик новорожденного мира <...> Поэтому я привезла, между прочим разных ребячьих игрушек и елочных украшений.

Итак, спасение (как всегда у Каменского) в детскости, в слиянии с природой, в рождении «первого мира человечества» и «перворайских садов ощущения вселенной» в лесной землянке.

Уместно привести тонкие замечания В. Абашева, видящего в «парадигме “смерти-воскресения”» и «возвращении-воскресении <...> в природном и детском раю» – «окончательно сложившуюся и осознанную формулу собственной жизни» Каменского⁷. Это всецело относится и «27 приключениям».

Роман несомненно «автобиографичен» в том смысле, что представляет собой еще одну проекцию автобиографического мифа; это сжатая автоцитата, разворачивающаяся в настоящий каталог тем, образов, мотивов Каменского. И в этом смысле Хорт и

⁷ Корнеев Б. Поэт Великого Пролома // Мой журнал Василия Каменского. М., 1922. С. 10.

⁸ Каменский В. Его-Моя биография Великого Футуриста. М., 1918. С. 16.

⁹ Там же, с. 15.

⁷ Абашев В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. С. 179, 182.

Рэй-Шуа совсем не случайно выступают как авторские ипостаси¹⁰.

К ранней «Землянке» восходит проповедь единения с природой, из «Землянки» оноματοпеические имитации птичьего пения и «заумные» вставки. И, как и в давней «Землянке», в романе ощутим огромный символистский пласт, вплоть до лексики.

Хрустальный корабль из видения Чукки, несущийся по серебряной реке к Мианги-бхва, «острову неотцветающей весны, острову нескончаемой юности» — из поэмы «Цувамма» (1920), где описан одноименный «остров рубинных расцветов», «крыловейная Страна» поэтов и вечно цветущей юности. Из «Цуваммы» — загадочная горная обитель Галайя.

Отсюда же, точнее, из вариаций «Цуваммы» — подвешенная к потолку землянки механическая птица Цунта. В сценической версии поэмы «Цувамма: Легенда» появляется «Поэт-Птица из страны Цуваммы»; он «висит в огромной птичьей клетке под толком на фоне фантастических растений»¹⁰.

Описание «урагана в лесу» — из «Стеньки Разина» (1916).

Раздвоенность Хорта — коллизия «Его-Моей биографии Великого Футуриста» (1918); монологи Рэй-Шуа, отказывающегося от писательства и отрицающего книги, фактически перепевают первые страницы этого сочинения. В романе, кстати сказать, реализован призыв «Его-Моей биографии»:

Книгу в искусстве (мертвая форма словопредставленья посредством бумаги и шрифта) — совершенно уничтожить, а перейти непосредственно к искусству жизни, помещая стихи и мысли на заборах, стенах, домах, фабриках, крышах, на крыльях аэропланов, на бортах кораблей, на парусах, на небе электрическим свеченьем, на платьях¹⁰.

¹⁰ Отметим прямые автобиографические черточки: Хорт, как и Каменский в юности, работает конторщиком на железной дороге и, подобно Каменскому, провидит великое будущее авиации и восхищается Америкой; Рэй-Шуа дружен с Д. Бурлюком, оба ищут возрождения в лесной глуши и т.д.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1497. Оп. 1. Ед. хр. 28. Каменский также предполагал назвать эту вещь «Слушайте поэта в клетке: Театропоэзия».

¹⁰ Каменский В. Его-Моя биография... С. 6.

В «27 приключениях» математик Хораз, герой романа Рэй-Шау «Последняя книга»,

однажды сон видел, будто подряд шесть часов на небе ночном, вместе с миллионами жителей Нью-Йорка, большую читал вещь, большими электрическими буквами непрерывно печатавшуюся и большим экраном иллюстрированную. Кажется так это было? А через полгода весь Нью-Йорк действительно эту вещь на небе читал и гений изобретателя славил: Хораз какого-то бедняка электротехника этим изобретателем сделал, а сам в тишине своего кабинета новые вещи выдумывал и в мир посылал».

Эта фантастическая составляющая «27 приключений» весьма любопытна. Роман можно назвать если не авантюрным, то с полным правом – фантастическим.

Утопизм и фантастика были не чужды Каменскому, как и многим другим футуристам от Ф. Т. Маринетти до В. Маяковского. В уже упоминавшейся «Золотой банде», к примеру, типичное для фантастики первой четверти XX в. «лучевое» изобретение (здесь лучи превращают золото в газ) помогает пролетариату победить капиталистов и установить по всему миру коммунистическую власть.

Не могу отказать себе в удовольствии процитировать и сохранившийся в архиве Каменского набросок «Аэро-пророчество: (Рождественское предсказание пилота-авиатора В. Каменского)», близко связанный с темами «27 приключений»:

Через 150 лет. Все люди летать будут без исключения и дойдут в области авиации до совершенства. К этому времени природа изменит или, вернее, приспособит людей к их новой летучей жизни. Тогда тип летающих людей будет близко напоминать птиц. Человеческий рост сильно уменьшится, тонкие шеи вытянутся, большие зоркие глаза округлятся, грудь выдвинется вперед, голос будет громким, певучим. Дома сразу уменьшатся. Города распадутся. Люди уйдут к земле. Природа победит культуру. Никто не будет нуждаться в парламентах. Стремление к крыльям настолько возрастет, что люди только и будут думать о том, как бы скорее достичь собственных природных крыльев. Тогда же родится первый человек с большими белыми крыльями и полетит, имея от роду три года. Аэроплантные фабрики, из боязни потерпеть крах, безуспешно будут покушаться на жизнь этого крылатого че-

ловека... В то же время а другой стране родится человек с такими же крыльями, – после еще, и еще, и еще...

Через 500 лет. Аэропланы совершенно исчезнут, на земле воцарится своеобразная, красивая полная чудесной поэзии жизнь. Все люди переродятся в человеко-птиц и весь мир будет подобен птичьему раю. Настанут веселые, вечно-солнечные дни. Человеко-птицы будут гнездиться на высоких горах и в тучных долинах. В неслыханно чудеснейших, благоухающих песнях человеко-птицы прославят земную счастливую жизнь и смысл бытия. Однако в это блаженное время произойдет один странный случай: родится такая человеко-птица, которая, к общему ужасу, будет походить на обыкновенную, увеличенных размеров, ворону...

Через 1000 лет. Все до единой человеко-птицы в силу естественного перерождения превратятся (смотря по вкусу и обстоятельствам), кто в ворону, кто в сороку, кто в гуся, кто в ястреба, кто в кукушку, кто в петуха. Словом, кто во что горазд. Человеко-птицы, конечно, вымрут. В это время в Австралии, среди обезьян, в одном из благороднейших семейств родится на свет такая обезьяна, которая будет походить на человека. Эту обезьяну потом назовут Адамом. Тогда будет положено основание каменному веку.

Через 2000 лет. Такие же люди, как мы, расселятся по всей земле, как мы, будут культурны, и однажды «бритый» американец с трубкой, к удивлению всего мира, выдумает первый аэроплан и полетит¹¹.

В «27 приключениях» Рэй-Шуа выдвигает теорию «радио-мысли»:

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1497. Оп. 1. Ед. хр. 142. Об этой «рождественской сказке» см.: Стяжкова Л. Тип людей будет напоминать птиц // Пермские новости (Пермь). 1993. № 11 (119). 20 марта; Желтова Е. Л. Культурные мифы вокруг авиации в России в первой трети XX века // Труды «Русской антропологической школы». Вып. 4 (часть 2). М., 2007. С. 163-193. В тексте явственно влияние «Футуриста Мафарки» Маринетти (1909, русский пер. В. Шершеневича – 1916), где описан крылатый гигант Газурмах, гибрид человека и аэроплана. Характерно, что к теме летающего человека обращался в «Блистающем мире» (первая публ. 1924) А. Грин, а много позднее и А. Беляев («Ариэль», 1941).

Работа магнитного поля в динамо и работа мозга в черепной коробке — одно явление. Посылаемые волны по радио в пространство и где-то там — за тысячи километров — организованный прием на мачтах, — это и есть представление полной картины работы мыслительного аппарата. <...> Маркони или ему подобный гений, сидя у себя в лаборатории, откроет электро-закон движения мысли, и мы спокойно по какому-нибудь психо-метрическому аппарату будем разговаривать друг с другом по всей территории земного шара.

Но заурядного чтения мыслей и передачи их на расстояние мало:

В своем последнем романе «Последняя книга» Рэй-Шуа заставляет профессора Хораза — великого героя романа — все время сидеть у себя в лабораторном рабочем кабинете и, почти не двигаясь с места, управлять всем миром. К этому идут научные достижения в области движения мысли. Профессор Хораз, сидя над книгой, отправлял и принимал радио-мысли. Спокойно улыбаясь, он проводил свои идеи, свои опыты, свои открытия, свои задачи. Великий математик Хораз, на основании цифровых вычислений, мог находить потерянных, управлять заблудившимися, отыскивать ценности. В известной степени по-моему, мы, приобщенные к высшей культуре, все — Хоразы.

Уничтоженная Рэй-Шуа новелла «об острове Мианги-бхва — острове нескончаемой весны, острове девушек» обретается где-то в пространстве мысли, «носится в пространстве, как носится многое другое — неуничтожаемое, как материя». Рэй-Шуа предсказывает

величайшую организацию радио-сцеплений отдельных интеллектов и явлений в одно целое — в один активный разум.

В этом представлении ощущается нечто родственное концепции ноосферы Т. де Шардена, Э. Леруа и В. Вернадского, и нечто мистически-религиозное, как у Шардена, хоть Каменский и настаивает на строгом «материализме» теории «радио-мысли».

Планетарный Разум, пронзающий Вселенную «электротворчеством вольт», изображен в утопическом стихотворении Камен-

ского «Непрерывностью тока»¹². Возникновение его — дело будущего, однако действенная радио-мысль наиболее «сознательных Хоразов», наподобие Чукки, способна не только управлять событиями, но переделывать и преобразовывать мир, творить будущее (далее везде курсив наш):

Своими глазами увидела я, как *отец с веревкой в кармане на кладбище, идет к своим могилам и удавиться хочет*. <..> Тогда пе-
струю женщину на улице нашла я, и упросила спасти отца, и еще
другую нашла, и к кладбищу послала скорей, и слова всякие бы-
стро, знойно говорила, и все отцу просила передать. Со страху, от
тяжкого мучения к восходу проснулась и снова поверила, что от смер-
ти отца спасла, и *надо ему сказать, повелеть, надо заставить его*
жить новой жизнью и такой, какую я сама — я дочь его — Чукка
выдумая. Вот и поверила, я, что отец в моей полной власти, и я
могу им владеть, могу. Путь его новой жизни, счастьем, как солнцем,
залила, и к себе приближать начала, ближе к себе, чтобы конец его
дней теплее согреть.

Но истовая вера в силу «радио-мысли», похоже, не в силах
все же убедить автора в реальности сотворенного Чуккой мира.
И реальность оборачивается своей изнанкой. «Все реально, все
действительно. Любая мысль — материя. Сон — бытие. *Бытие*
может стать сном, фантазией» — провозглашает в конце рома-
на Каменский.

Хорт, следовательно, живет в сконструированной его доче-
рью *фантазии*. Отсюда недалеко до понимания финала романа
и той «нетипичной для авантюрной модели» устремленности Хор-
та к смерти, что так смутила некоторых исследователей¹³. В ро-
мане, в сущности, никакой устремленности к смерти, никакого
постепенного сближения со смертью нет.

Почему же тогда ровно в назначенный день и час Хорт Джойс,
«пронзенный счастьем, пьяный от юности» — умирает? Что это
— инерция фольклорной и книжной традиции сказок и легенд?

¹² РГАЛИ. Ф. 1497. Оп. 1. Ед. хр. 15. См. в настоящем издании.

¹³ Казакова С. Василий Каменский: Поиски Цуваммы // Каменский В. Корабль из Цуваммы: Известные стихотворения и поэмы. 1920-1924 / Вступ. ст., подг. текста, коммент. и прим. С. Казаковой. М., 2016. С. 23. См. также в указанных выше работах Д. Николаева.

Едва ли. Это всего только последнее, двадцать восьмое – и в то же время первое и единственное приключение Хорта.

Почему Хорт надевает на шею петлю? Потому, что знаменитый рассказ А. Бирса «Случай на мосту через Совиный ручей» ко времени издания романа уже давно был написан и переведен на русский язык¹⁴. В нем повешенному в последний миг перед смертью мерещится спасение и возвращение домой. Хорт Джойс, подобно герою Бирса, на всем протяжении романа уже мертв – он удавился на кладбище, и дочь его Чукка, всем напряжением радио-мысли, послала ему в последний миг утешительный *вымысел*.

¹⁴ Первый русский перевод В. Говсеева, озаглавленный «Происшествие на мосту», был опубликован в 1898 г. В начале 1920-х гг. рассказ был заново переведен В. Азовым под назв. «Инцидент на мосту через Совиный ручей».

ПРИМЕЧАНИЯ

27 приключений Хорта Джойс

Текст публикуется без изменений (за исключением исправления ряда очевидных опечаток) по первоизданию: Каменский В. 27 приключений Хорта Джойс: Роман. М.-Пг.: МАКИЗ, 1924. В тексте использованы рис. В. Бурлюка (с. 30, 42, 45, 70, 153), Б. Титова (с. 112) и В. Каменского (с. 129, 173).

Аэроплан и первая любовь

Впервые: Синий журнал. 1911. № 50, 2 дек. Публикуется в новой орфографии по указанному изд.

Этот автобиографический рассказ является своего рода зловещим прозрением Каменского: через несколько месяцев (29 апреля 1912) он пережил серьезную авиакатастрофу в Ченстохове, положившую конец его карьере авиатора. Впрочем, многие пионеры авиации становились жертвами катастроф, и тема «авиатор и смерть» была чрезвычайно распространена в культуре эпохи.

Непрерывностью тока

РГАЛИ. Ф. 1497. Оп. 1. Ед. хр. 15.

Вавилон фонетики

Публикуется по изд.: Каменский В. Корабль из Цуваммы: Неизвестные стихотворения и поэмы. 1920-1924 / Вступ. ст., подг. текста, коммент. и примеч. С. Казаковой. М., 2016. В данном изд. были также впервые опубликованы предшествующее и последующее стих.

Пляска букв э-л-е-к-т-р

РГАЛИ. Ф. 1497. Оп. 1. Ед. хр. 16. Стихотворение, написанное под влиянием В. Хлебникова и развивающее тему стих. «Ч – знак мистический» из сб. «Звучаль веснеянки» (1918) и эссе «Что такое буква: Ю», опубликованного в «Моем журнале» (1922).

Цувамма

Публикуется в новой орфографии по изд.: Каменский В. Цувамма: Поэма. Тифлис: Куранты, 1920. В тексте исправлены очевидные опечатки, учтена публикация в «Моем журнале» Каменского (1922), в частности, восстанавливающая явно пропущенную по вине типографии 7-ю с конца поэмы строку «Коюн, Чобан Шардамэ».

Оглавление

27 приключений Хорта Джойс	6
<i>Приложения</i>	
Аэроплан и первая любовь	176
Непрерывностью тока	181
Вавилон фонетики	182
Пляска букв э-л-е-к-т-р	185
Цувамма. Поэма	186
<i>А. Шерман. Двадцать восьмое приключение Хорта (Роман В. Каменского «27 приключений Хорта Джойс»)</i>	193
П р и м е ч а н и я	204

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.